

ISSN 1729-9187

ВЕСТНИК

Уфимского юридического
института МВД России

BULLETIN
of Ufa Law Institute
of MIA of Russia

12+

№ 2 (104) 2024

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЕСТНИК
Уфимского юридического
института МВД России

№ 2 (104)

BULLETIN
of Ufa Law Institute
of MIA of Russia

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published

Уфа – 2024

12+

Научно-практический журнал

Издается с июня 1998 года ежеквартально

Учредитель и издатель – ФГКОУ ВО УЮИ МВД России

Главный редактор:

Терехов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе).

Заместитель главного редактора:

Рахимов Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Члены редакционной коллегии:

Абдразяпов Ранис Ришатович – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Авдеева Ольга Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского юридического института МВД России.

Аксенов Сергей Геннадьевич – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой пожарной безопасности Уфимского университета науки и технологий.

Аничкин Евгений Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права Алтайского государственного университета.

Анохин Юрий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации.

Баишева Зия Вагизовна – доктор филологических наук, доцент, заслуженный учитель Республики Башкортостан, профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий.

Бакирова Лена Рифатовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Барков Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Военного университета имени князя Александра Невского Министерства Обороны Российской Федерации.

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России.

Бикинин Ирек Анасович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Буканова Роза Гафаровна – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Варданян Акоп Вараздатович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Васильев Антон Александрович – доктор юридических наук, доцент, директор юридического института Алтайского государственного университета.

Вилкова Алевтина Владимировна – доктор педагогических наук, профессор, заместитель начальника Научно-исследовательского института ФСИН России.

Газизов Рафаэль Аркадьевич – доктор филологических наук, доцент, декан факультета романо-германской филологии Уфимского университета науки и технологий.

Гейжан Наталья Федоровна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Десятов Михаил Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Омской академии МВД России (по учебной работе).

Джоробекова Арзыгуль Мамаюновна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кыргызской Республики, заместитель начальника Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Э.А. Алиева (по учебной и научной деятельности).

Дивасва Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного

права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина (по научной работе).

Емелин Сергей Михайлович – доктор юридических наук, доцент, профессор РАН, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, директор Института этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

Ендольцева Алла Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Заурова Эльвира Викторовна – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России.

Иванов Дмитрий Александрович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, начальник кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Иванов Петр Иванович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Илакавичус Марина Римантасовна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета.

Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Каац Марина Эвальдовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Казамиров Анатолий Иванович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Каримова Гульназ Юрисовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Кархалев Денис Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Института права Уфимского университета науки и технологий.

Ковтуненко Любовь Васильевна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и педагогической психологии Воронежского государственного университета.

Латыпов Вадим Сагитьянович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Макарейко Николай Владимирович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, проректор по образовательной деятельности Уфимского университета науки и технологий.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мартынов Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

Мичурин Оксана Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Морозов Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета.

Муравьев Кирилл Владимирович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова (по научной работе).

Мухаметов Павел Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Надтачаев Павел Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Небратенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России.

Нугаева Эльвира Дамировна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминали-

стики Уфимского юридического института МВД России.

Нухов Салават Жавдатович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Уфимского университета науки и технологий.

Овсеян Жанна Иосифовна – доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии естествознания, заведующая кафедрой государственного (конституционного) права Южного федерального университета.

Орехова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта Московского государственного областного университета.

Осокин Роман Борисович – доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Павличенко Николай Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и процесса Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов.

Петрова Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, Отличник образования Республики Башкортостан, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Петрянин Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Пономарева Екатерина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Самигуллин Венир Калимуллович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Уфимского университета науки и технологий.

Химичева Ольга Викторовна – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Ходякова Наталия Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России.

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института (по научной работе).

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Рег. №: ПИ № ФС77-75866 от 24 мая 2019 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLIBRARY».

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агентство «Книга-Сервис», 39481.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Литературный редактор Л. Р. Байдавлетова. Техническая верстка А. Ф. Чиняева.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_yui@mvd.ru, rio_yui@mvd.gov.ru.

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России.

Подписано в печать: 21.06.2024. Дата выхода в свет: 28.06.2024.

Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 23. Гарнитура Times. Тираж 1000 экз. Первый завод 50 экз.

Заказ № 48. Цена свободная.

Scientific and practical journal

Published since June 1998 quarterly

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Terekhov Alexey Yurievich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work).

Deputy editor-in-chief:

Rakhimov Eldar Kharisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Members of the editorial board:

Abdrazyapov Ranis Rishatovich – Candidate of Law, Deputy Head of the Department of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Avdeeva Olga Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law Disciplines of the East Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Aksenov Sergey Gennadievich – Doctor of Economy, Candidate of Law, Professor, Head of the Department of Fire Safety at the Ufa University of Science and Technology.

Anichkin Evgeniy Sergeevich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of Altai State University.

Anokhin Yuri Vasilyevich – Doctor of Law, Professor, Honored Officer of Internal Affairs Bodies of the Russian Federation.

Baisheva Zilya Vagizovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Honored Teacher of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Bakirova Lena Rifkhatovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign and Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Barkov Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Beglova Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Foreign Language and Speech Culture of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bikinin Irek Anasovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bukanova Roza Gafarovna – Doctor of History, Professor, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Vardanyan Akop Varazdatovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminalistics and Investigative Activities of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vasiliev Anton Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Director of Law Institute of Altai State University.

Vilkova Alevtina Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Deputy Head of the Research Institute of Federal Penitentiary Service of Russia.

Gazizov Rafael Arkadievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Romano-Germanic Philology of Ufa University of Science and Technology.

Geizhan Natalya Fedorovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Desyatov Mikhail Sergeevich – Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for academic work).

Dzhorobekova Arzygul Mamayunusovna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Kyrgyz Republic, Deputy Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic named after Major General of Militia E.A. Aliyev (for educational and scientific activities).

Divaeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dizer Oleg Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin (for scientific work).

Emelin Sergey Mikhailovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Russian Academy of Sciences, full member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Director of the Institute of Ethnological Studies named after R.G. Kuzeev of Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Endoltseva Alla Vasilievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Zaitsev Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Zautorova Elvira Viktorovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ivanov Dmitry Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Department of Preliminary Investigation of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Ivanov Petr Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ilavicius Marina Rimantasovna – Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Kuban State University.

Iskandarova Gulnara Rifovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Foreign and Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kaats Marina Evaldovna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kazamirov Anatoly Ivanovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimova Gulnaz Yurisovna – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karkhalev Denis Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Kovtunenکو Lyubov Vasilievna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of Voronezh State University.

Latypov Vadim Sagityanovich – Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makareiko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Ilona Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Vice-Rector for Educational Activities of Ufa University of Science and Technology.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mamleeva Dilara Radikovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Martynov Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky.

Michurina Oksana Valerievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Morozov Sergey Yurievich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Dean of the Faculty of Law of Ulyanovsk State University.

Muravyov Kirill Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov (for scientific work).

Mukhametov Pavel Alekseevich – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nadtachaev Pavel Valerievich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennady Gennadievich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law Disciplines of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nugaeva Elvira Damirovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Criminology Department of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nukhov Salavat Zhavdatovich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of the English Language and Intercultural Communication of the Faculty of Romano-Germanic Philology of Ufa University of Science and Technology.

Ovsepyan Zhanna Iosifovna – Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences,

Head of the Department of State (Constitutional) Law of the Southern Federal University.

Orekhova Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of the Modern Russian Language named after Professor P.A. Lekant of Moscow State Regional University.

Osokin Roman Borisovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Faculty for the Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot.

Pavlichenko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of Sochi Institute (branch) of the Peoples' Friendship University of Russia.

Petrova Elena Alexandrovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Excellence in Education of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of Foreign and Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Petryanin Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Director of Nizhny Novgorod Branch of St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Pobedkin Alexander Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezzhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the

Department of Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ponomareva Ekaterina Vladimirovna – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Samigullin Venir Kalimullovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Tarasov Alexander Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Khimicheva Olga Viktorovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Khodyakova Natalia Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with the Staff of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tsukanov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute (for scientific work).

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, information technologies and mass communications.

Reg. №.: PI № FS77-758669 24.05.2019.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 39481.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

The copy editor L. R. Baidavletova. Layout A. F. Chinyaeva.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru, rio_uyi@mvd.gov.ru.

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 21.06.2024. Release date: 28.06.2024.

Format 60x84 1/8. Conv. print sheets 23. Typeface Times.

Circulation: 1000 copies. The first plant is 50 copies. Order № 48. Free price.

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретико-исторические правовые науки

Голод Е. П. Плюрализм подходов к понятию доверия в юридической науке 10

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Бойченко А. С. Современные подходы к пониманию института административных наказаний: вопросы теории и практики 20

Кириловский О. В. Административное принуждение в системе мер обеспечения государственной защиты сотрудников уголовно-исполнительной системы 28

Толкачева О. П., Грачев А. В. Роль органов внутренних дел в цифровизации экономики 36

Частно-правовые (цивилистические) науки

Дегтярев С. Л. Необходимые для разрешения вопросы при компенсации морального вреда в гражданском судопроизводстве 44

Кудина С. А., Надтачаев П. В. Анализ правоприменительной практики по делам о защите чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел 51

Уголовно-правовые науки

Ахмедов А. Г., Насыров Р. Р. Актуальные вопросы оперативно-розыскного противодействия этнической преступности 58

Беженцев А. А. Участковые уполномоченные полиции и сотрудники уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России: актуальные вопросы взаимодействия 70

Вишневский Д. О. Правовые и организационные меры территориальных органов внутренних дел по декриминализации лесной отрасли (на примере МВД по Республике Бурятия) 78

Иванов П. И. К вопросу о понятии, сущности и содержании информационного противоборства оперативными подразделениями полиции 88

Киселева А. А. Производная вербальная информация в уголовно-процессуальном доказывании: виды и некоторые особенности оценки 99

Федотова Е. Н., Юнусов С. А. Реализация мер уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних: актуальные проблемы и перспективы совершенствования 111

Общие вопросы языкознания. Лингводидактика. Юрислингвистика

Букина Т. Г. Сетевой социолект в профессиональной и образовательной деятельности сотрудников органов внутренних дел 122

Искандарова Г. Р. Лингвистическая экспертиза: структура документа и компетенции лингвиста-эксперта 129

Кошеварова Ю. А., Безземельная О. А. Невербальное проявление эмоций в коммуникационном процессе (на материале романа У. С. Моэма «Театр») 136

Шашкова В. Н. Избирательность языковых средств, формирующих семантическое поле “forensic expertise” в английском языке 144

Общая педагогика, история педагогики и образования.

Методология и технология профессионального образования

Алексеев С. В., Соболев Н. Г. Особенности подготовки курсантов образовательных организаций ФСИН России к несению службы в суточных нарядах 152

Ступина О. А., Петрова Е. А. Ретроспективный анализ института наставничества в новой и новейшей истории России 160

Ходякова Н. В., Михайлова Т. В. Пути совершенствования дистанционного обучения в вузе с учетом мнений слушателей-заочников 167

Швырев Б. А., Полякова Я. Н. Педагогический процесс формирования культуры информационной безопасности в ФСИН России 174

Памятка 182

CONTENTS

Theoretical and historical legal sciences

Golod E. P. Pluralism of approaches to the concept of trust in legal science..... 10

Public law (state law) sciences

Boychenko A. S. Modern approaches to understanding the institution of administrative penalties: issues of theory and practice..... 20

Kirilovsky O. V. Administrative coercion in the system of measures for providing state protection of employees of the penal system..... 28

Tolkacheva O. P., Grachev A. V. The role of internal affairs bodies in the digitalization of the economy 36

Private law (civil law) sciences

Degtyarev S. L. Issues necessary to resolve when compensating for moral damage in civil proceedings 44

Kudina S. A., Nadtachaev P. V. Analysis of law enforcement practice in cases of protection of honor and dignity of employees of internal affairs bodies..... 51

Criminal law sciences

Akhmedov A. G., Nasyrov R. R. Current issues of operational-search counteraction to ethnic crime 58

Bezhtentsev A. A. District police officers and employees of penal inspections of the Federal Penitentiary Service of Russia: current issues of interaction 70

Vishnevskiy D. O. Legal and organizational measures of the territorial bodies of Internal Affairs on decriminalization of the forest industry (using the example of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Buryatia)..... 78

Ivanov P. I. On the issue of the concept, essence and content of information warfare by operational police units..... 88

Kiselyova A. A. Derivative verbal information in criminal procedure evidence: types and some features of assessment..... 99

Fedotova E. N., Yunusov S. A. Implementation of measures of a criminal law nature in relation to minors: current problems and prospects for improvement 111

General issues of linguistics. Linguodidactics. Legal linguistics

Bukina T. G. Network sociolect in professional and educational activities of law enforcement officers 122

Iskandarova G. R. Linguistic expertise: the structure of the document and the competence of the linguistic expert..... 129

Koshevarova Yu. A., Bezzemelnaya O. A. Non-verbal expression of emotions in the communication process (based on the novel by W. S. Maugham “Theatre”) 136

Shashkova V. N. The selectivity of language means forming the semantic field “forensic expertise” in the English language..... 144

General pedagogy, history of pedagogy and education.**Methodology and technology of professional education**

Alekseev S. V., Sobolev N. G. Features of training cadets of educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia to serve in daily duty details 152

Stupina O. A., Petrova E. A. Retrospective analysis of mentoring in new and recent history of Russia 160

Khodyakova N. V., Mikhailova T. V. Ways to improve distance learning at the university, taking into account the opinions of part-time students..... 167

Shvyrev B. A., Polyakova Y. N. The pedagogical process of forming an information security culture in the Federal penitentiary service of Russia 174

Instruction 182

Научная статья
УДК 340.113

ПЛЮРАЛИЗМ ПОДХОДОВ К ПОНЯТИЮ ДОВЕРИЯ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Елизавета Петровна Голод
Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Россия, burak.elizaveta@yandex.ru

Аннотация. В современной действительности коммуникативное взаимодействие субъектов общественных отношений, в том числе правовых, неразрывно связано с таким явлением, как доверие. Целью исследования является рассмотрение проблемы плюрализма научных подходов к понятию доверия в юриспруденции. Проведение исследования обусловлено тем, что предлагаемые в юридической науке трактовки доверия не раскрывают его природу и сущность в полном объеме, требуют выявления основных характерных черт данного понятия как социоюридического феномена в единой дефиниции. В статье выделены основные подходы к понятию доверия в философии, социологии, психологии, юриспруденции; проведен анализ вариативного проявления доверия в праве; предложено единое значение понятия «доверие» как социоюридического феномена.

Ключевые слова: доверие, право, юриспруденция, социоюридический феномен, терминология, источники права.

Для цитирования: Голод Е. П. Плюрализм подходов к понятию доверия в юридической науке // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 2 (104). С. 10–19.

Original article

PLURALISM OF APPROACHES TO THE CONCEPT OF TRUST IN LEGAL SCIENCE

Elizaveta P. Golod
St. Petersburg University of the Ministry of the Internal of Russia, St. Petersburg, Russia,
burak.elizaveta@yandex.ru

Abstract. In modern reality, the communicative interaction of subjects of social relations, including legal relations, is inextricably linked with such a phenomenon as trust. The purpose of the study is to consider the problem of pluralism of scientific approaches to the concept of trust in jurisprudence. The research is due to the fact that the interpretations of trust proposed in legal science do not reveal its nature and essence in full and require consolidation of the main characteristic features of trust as a socio-legal phenomenon in a single definition. The article highlights the main approaches to the concept of trust in philosophy, sociology, psychology, and jurisprudence; analyzes the variable manifestation of trust in law; proposes a single meaning of the concept of trust as a socio-legal phenomenon.

Keywords: trust, law, jurisprudence, socio-legal phenomenon, terminology, sources of law.

For citation: Golod E. P. Pluralism of approaches to the concept of trust in legal science // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (104). P. 10–19. (In Russ.)

Введение

В условиях радикального усложнения жизни современного общества особое вни-

мание следует уделить такому явлению, как доверие. Оно играет огромную роль в современных реалиях, лежит в основе ста-

бильных социальных, экономических, политических и иных сфер общества. Интерес к доверию в юридической науке возник у ученых относительно недавно и с правовой точки зрения изучен недостаточно, несмотря на то, что идея добросовестности, лежащая в основе доверия, (*bona fides*) берет свои истоки из римского права. На сегодняшний день в юриспруденции отсутствует единое понимание феномена доверия, что создает сложности в использовании данного термина в законодательстве.

Большинство современных исследований посвящено не самостоятельному анализу доверия, а вопросам формирования и повышения уровня доверия к институтам государственной власти, правовым институтам; соотношению понятий «доверие» и «недоверие», укреплению взаимодействия граждан на основе доверительных отношений, поддержке прозрачности и открытости в государственных и коммерческих организациях.

Активное использование этого понятия в юридических исследованиях обуславливает потребность анализа доверия не только как социального, но и как юридического феномена. Доверие выступает ключевым элементом в правовом взаимодействии как одним из видов социального взаимодействия. Немаловажным в данном вопросе является определение границ доверия. В связи с этим возникает необходимость обоснования юридического содержания данного понятия, выявления в сложном и разноплановом социальном феномене «доверие» юридических характеристик, позволяющих в условиях его высокой семантической вариативности использовать для решения правовых вопросов.

Методы

При проведении исследования были использованы следующие методы: общенаучные (анализ, синтез, исторический метод, сравнения, абстрагирования) и частно-научные (формально-юридический, толкования права).

Результаты

Восприятие доверия формируется за счет личностных установок и тезисов, предлагае-

мых учеными в различных науках. Доверие может быть рассмотрено как совокупность идей, эмоций, чувств, представлений о данном социальном явлении. Каждый отдельно взятый индивид вкладывает в понятие доверия собственные установки. С другой стороны, существует фактическое представление о доверии как о реально складывающихся общественных отношениях. В данном случае возникает вопрос, отражает ли такое понимание доверия те идеи, эмоции, чувства и представления, которые сложились у отдельно взятых субъектов общественных отношений, в данном социальном явлении. В своих исследованиях представители различных социальных наук в попытках прийти к единому пониманию доверия стремятся совместить идеальное представление о данном феномене и фактическое. При этом единое понятие доверия отсутствует.

Отдельные социальные действия влекут за собой юридически значимые последствия, что подчеркивает значимость изучения социального и правового в совокупности. В связи с тем, что доверие обладает такими характерными чертами, как хрупкость и неуловимость, его границы могут перейти в параноидальные настроения и ксенофобию в обществе, что негативно отражается и на правовой сфере. Пределы доверия устанавливают границы полномочий, возложенных на должностных лиц и государственные органы, для дальнейшего определения ответственности. Понятие «доверие» используется во внеправовой сфере и является более приближенным к морали и нравственности, однако, учитывая его активное употребление в действующих нормативных правовых актах, где за отдельные действия, связанные с доверием, наступает юридическая ответственность, важно выделить не только социальные, но и юридические аспекты этого феномена.

Происхождение термина «доверие» следует считать чрезвычайно архаичным, поскольку первые упоминания об этом явлении отражены в текстах Ригведы (2-е тысячелетие до н. э.), упанишад, буддизма. В одном из древнейших собраний религи-

озных текстов Ригведе, написание которого относят к 1700–1100 гг. до н. э., доверие трактуют в контексте акта доверия богу. Иначе трактовали доверие в индоевропейской терминологии. Для обозначения доверия использовалось слово *kred*, которое имело обособленное от религии значение, а именно «доверить кому-либо что-либо с уверенностью в том, что эта вещь будет возвращена»¹.

Изучением понятия «доверие» и внедрением его в практическую деятельность занимались в период раннего римского права. Слово *fiducia* (доверие) происходит от латинского слова *fides*, которое имело значение «доверие», но также воспринималось как «смелость, безопасность», а в юридическом понимании – «залог, гарантия». Следует подчеркнуть, что термин «доверие» произошел не от латинского *fides* («вера, убеждение»), как может показаться на первый взгляд. Первоначальный вариант термина доверия, упомянутый в раннем римском праве, применяется в отдельных отраслях права, в том числе российского, и в современной действительности. К примеру, в Российской Федерации используют понятие «фидуциарные сделки», то есть сделки, имеющие доверительный характер. В зарубежных правовых источниках также можно встретить первоначальный вариант термина доверия. В качестве примера выступает закрепление понятия фидуции (*la fiducie*) в Гражданском кодексе Франции (ст. 2011–2030).

В современной действительности понятие «доверие» рассматривают специалисты различных научных областей, в том числе филологии, философии, социологии, экономики, психологии и других. Для более

детального изучения доверия следует обратиться к основным понятиям данного явления. В словарях русского языка С. И. Ожегова, Т. Ф. Ефремовой и В. И. Даля приводятся следующие понимания термина «доверие».

Доверие – уверенность в чьей-нибудь добросовестности, искренности, в правильности чего-нибудь². Доверие – убежденность в честности, добросовестности, искренности кого-либо, чего-либо, в правильности чего-либо и основанное на этом отношении к кому-либо³. Доверие – чувство или убеждение, что такому-то лицу, обстоятельству или надежде можно доверять, верить; вера в надежность кого, чего⁴.

Ученые рассматривают термин «доверие» в различных науках. Многоаспектный подход к данному понятию позволяет рассмотреть его наиболее полно, выявить как отличительные черты, так и точки пересечения ключевых характеристик доверия в широком перечне наук. Обращаясь к философскому пониманию термина «доверие», следует проанализировать точки зрения ученых-философов различных временных периодов.

Ряд философов связывали понятие доверия с надеждой, определяли его как отношение к людям, которые, как мы полагаем, являются надежными [1, с. 39]. При этом доверие невозможно без риска быть преданным. Доверие представляет собой разновидность надежды, имеющей разумное основание и нацеленной не столько на будущее, сколько на настоящее, не столько на неведомое, сколько на хорошо знакомое, не столько на то, что от нас не зависит, сколько на то, что зависит именно от нас⁵. Свой взгляд на понятие доверия был у немецкого

¹ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995. С. 147.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. С. 121.

³ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. С. 144.

⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / В. И. Даль; совмещ. ред. изд. В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртенэ. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. С. 156.

⁵ Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М.: Палимпсест, Издательство «Этерна». 2012. С. 215.

философа Э. Гуссерля, который утверждал, что «доверие является ключевым элементом «жизненного мира», в котором формируется определенный доверительный образ, воплощающийся в человеческом сознании и реализующийся в поведении людей»¹. Отдельные философы рассматривали доверие в относительно скептическом ключе. Доверие – предварительное условие для всякой человеческой жизни. Потеря его неизбежно ведет к отчаянию и к отрицательным экзистенциальным переживаниям» [2, с. 140]. В современной философии доверие также рассматривали в качестве середины между легковерием и подозрительностью.

Таким образом, в качестве основных характеристик понятия «доверия» с точки зрения философии можно выделить следующее: 1) неотъемлемый элемент полноценной жизни человека, пронизывающий все сферы его существования; 2) тесная концептуальная взаимосвязь доверия с надеждой, при которой они имеют непосредственное влияние друг на друга; 3) наличие баланса между рациональным, скептическим и беспечным, основанного на вере в порядочность и добросовестность другой стороны.

Проблемы доверия затрагивают ученые в области социологии, занимающиеся изучением функционирования и развития общества. Общественные отношения базируются на взаимодействии ряда субъектов, где доверие или недоверие является одним из ключевых элементов подобного взаимодействия [3, с. 70]. Следовательно, наличие доверия в обществе – один из основополагающих вопросов, изучаемый социологами, который требует четкой терминологии. При неоднозначном толковании понятия «доверие» будет нарушена профессиональная коммуникация между специалистами в дан-

ной области, что негативно отразится на результатах проводимых социологических исследований. Обратимся к предлагаемым учеными-социологами толкованиям данного термина. Доверие является «основной договорной необходимостью»², «аспектом всех общественных взаимодействий и всех общественных систем»³, «базовым компонентом всех длительных общественных отношений»⁴, оно «наблюдается часто и повсеместно в каждодневной общественной жизни»⁵. По мнению отечественного исследователя В. С. Карпичева, «доверие есть постоянно действующий диалог в социуме, обществе, государстве, в котором происходит консолидация вокруг власти» [4, с. 15].

Обобщение основных характеристик доверия как научного понятия, содержащихся в различных социологических подходах к его исследованию, позволяет выделить ключевые особенности данного термина: 1) неотъемлемый элемент всех общественных отношений, наличие которого отражается на качестве социальных связей в обществе; 2) прямая ориентированность на будущее, позволяющая выстраивать долгосрочные межличностные и общественные отношения; 3) наличие риска невыполнения обещанных обязательств; 4) элемент повседневности жизни общества.

В психологии доверие рассматривают как некое эмоциональное и психологическое состояние, акцентируя внимание на физиологическом состоянии человека. Помимо этого, в психологическом подходе ученые признают доверие одной из ключевых характеристик детерминации поведения людей в обществе. Психолог в сфере психологии развития и психоаналитик Э. Эриксон считает доверие и недоверие базисными чувствами, определяющими в

¹ Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Сагуна, 1994. С. 129.

² Тернер Дж. Аналитическое теоретизирование // Теория общества: фундаментальные проблемы / под ред. А. Ф. Филиппова. М.: Канон-пресс-Ц, 1999. С. 137.

³ Barber В. Trust in science. Transaction Publishers. New Brunswick, New Jersey, 1990. P. 133.

⁴ Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 13.

⁵ Штомпка П. Доверие – основа общества / Петр Штомпка: пер. с пол. Н. В. Морозовой. М.: Логос, 2012. С. 27.

дальнейшем развитие практически всех основных отношений к другим людям, к себе самим и к миру в целом¹. По мнению Ю. В. Смык, доверие является психологическим образованием, формирующимся в межличностных отношениях, которое обеспечивает понимание личностью себя и других, существенно расширяет внутреннее пространство безопасности личности [5, с. 2]. Также психологи рассматривают доверие как психологическое состояние, включающее намерение принять собственную уязвимость и основанное на позитивных ожиданиях относительно намерения или поведения другого².

Единого подхода к определению доверия с точки зрения психологии на сегодняшний день нет, ученые рассматривают его как базисное чувство, психологическое образование, психологическое состояние. Схожесть понятий заключается в непосредственной взаимосвязи доверия с выстраиванием человеком межличностных отношений, формированием отношения к самому себе, своего собственного отношения к миру в целом. Характерными особенностями доверия в психологии являются: 1) базирование на внутренних чувствах и ощущениях человека; 2) взаимосвязь с эмоциональным интеллектом; 3) влияние на формирование психологической безопасности человека.

Доверие отражено в различных социальных науках, в каждой из которой отражена своя специфика. В юриспруденции на сегодняшний день понятие «доверие» активно используется в нормативных правовых актах, при этом единая юридическая дефиниция доверия отсутствует. Немногочисленный ряд авторов предлагает свое видение данного понятия с точки зрения юриспруденции. Одним из авторов выступает Д. Г. Макаренко, по мнению которого, доверие представляет собой понятие, кото-

рое описывает отношения между субъектами права, основанные на вере в то, что одна сторона будет действовать в интересах другой [6, с. 8]. Данное определение является обширным, что вызывает дискуссии в связи с плюральностью характерных черт доверия. Говоря об одном понятии, специалисты в области юриспруденции опираются на разные ключевые особенности доверия, что порождает различия в оценке его сущности и значения. В связи с этим необходимо рассмотреть возможные проявления доверия в праве и дать единую дефиницию данному понятию.

В юридической науке доверие анализируется с разных сторон, в частности, как: правовая категория, правовая ценность, правовой принцип, правовое состояние, фактор легитимации права.

Доверие, которое проявляется в тех или иных правоотношениях, является правовой категорией. Правовые категории представляют собой наиболее общие, фундаментальные и глубокие правовые понятия, являющиеся наивысшим пределом научного обобщения в определенной области юридических знаний, в правоведении и юридической практике в целом. Ж. К. Тихонова в своих трудах отмечает, что доверие, обладающее признаками, присущими доверию в праве, является правовой категорией. Среди признаков автор выделяет следующее: нестабильность, алеаторность, прогностичность, верифицируемый, специальный субъектный состав и иные. Автор утверждает о том, что доверие как чувство, не имеющее внешнего выражения в каких-либо правоотношениях, – не правовая категория, и наоборот [7, с. 9].

Анализируя приведенную точку зрения, стоит отметить, что предпосылкой закрепления доверия в качестве правовой категории должно быть правовое признание его наличия и особой значимости в системе объектов

¹ Эриксон Э. Детство и общество / пер. [с англ.] и науч. ред. А. А. Алексеев. СПб.: Летний сад, 2000. С. 54.

² Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 49.

правовых отношений, что в современной правовой действительности отсутствует. Правовая категория представляет собой не только средство фиксации определенного содержания, но и средство организации знания в познание¹. То есть «доверие» должно представлять собой не просто определение правового явления, а совокупность знаний о правовом явлении, отображенном в понятии. Доверие не представляет собой комплексное уяснение сущности правовых явлений и процессов, оно скорее является составной частью иных правовых категорий (правоотношение, субъекты права и т. д.).

Отсюда следует, что доверие присутствует в праве, но отнести его к правовой категории нельзя, поскольку оно не выступает специфическим инструментом научного познания, не обладает фундаментальностью и глубиной, содержит признаки, присущие иным правовым категориям, то есть является их составной частью.

Доверие следует рассмотреть и с точки зрения правовой ценности. Одним из основополагающих векторов развития права в современном российском обществе является поиск правовых ориентиров [8, с. 161]. Важнейшими элементами таких ориентиров выступают правовые ценности, которые оказывают влияние на успешное развитие любого правового государства. В своих трудах ученые-правоведы все чаще обращают внимание на аксиологический подход к праву, на вопросы о ценностях правового сознания. Они раскрывают доверие как «облеченную в правовые формы ценность, в том числе играющую роль критерия действительности норм, установленных государством» [9, с. 166]. Отмечают, что доверие можно справедливо оценить как высшую правовую ценность. В. А. Кузьменков в качестве правовой ценности рассматривает доверие к различным государственным институтам и институтам гражданского общества (доверие к полиции, судам, парламенту, политическим партиям, правительству и гражданским службам) [10, с. 82].

Значительное внимание авторов отводится раскрытию феномена доверия в качестве правовой ценности. Анализ данных подходов позволяет выдвинуть ряд особенностей доверия, которые характерны для правовой ценности. Одной из них является определение поведения субъектов права в юридически значимых ситуациях (например, поведение сторон при заключении договора доверительного управления имуществом, предусмотренного ст. 1012 Гражданского кодекса Российской Федерации). Доверие носит идеологический характер, присущий либерально-демократическим обществам. Феномен доверия, как иные правовые ценности, выражает позитивный потенциал права, его «вклад» в обеспечение социального регулирования.

После изучения различных подходов к определению доверия в качестве правовой ценности подытожим, что право является ценным, когда оно прямо или косвенно способствует самореализации гражданина, открывает перед ним, обществом и государством новые возможности, способствует качественному изменению личностного потенциала, создает оптимальные условия для жизни. Это становится возможным в том случае, когда у обеих сторон выстроены грамотные доверительные отношения, где доверие выступает приоритетным аспектом. Обобщив сказанное, можно сделать вывод, что доверие выступает одной из правовых ценностей современного российского государства.

Принципы права непосредственно связаны с основными правовыми ценностями, детерминирующими правотворческую и правоприменительную деятельность. Исходя из предыдущего анализа доверия в качестве правовой ценности, важно изучить, легло ли оно в основу правовых принципов действующего российского законодательства. Преамбула Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122 определяет «принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства путем сохранения стабильности

¹ Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. С. 126.

правового государства». Данный принцип исходит из разумной стабильности регулирования, предполагающей адекватные условия изменения правового статуса участников длящихся правоотношений [11, с. 45]. Вполне обоснованно выводят принцип оправданного взаимного доверия во взаимоотношениях между гражданами и административными органами из принципа правового государства (ст. 1 Конституции Российской Федерации) авторы проекта Федерального закона «Об административных процедурах». Указанный принцип в их понимании, в частности, означает, что гражданин имеет право на защиту своего доверия по отношению к заверениям органа власти или иному поведению администрации, обосновывающему определенные ожидания. К числу иных правовых принципов, базирующихся на доверии, следует отнести принцип общественного доверия и поддержки граждан, предусмотренный ст. 9 Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Общественное доверие граждан подразумевает под собой убежденность населения в справедливости осуществления управленческой или иной деятельности органами государственной власти и институтами гражданского общества. Главной задачей правоохранительных органов в вопросе повышения уровня доверия граждан является поддержание коммуникации с целевой аудиторией, общественными институтами, ключевыми журналистами в соответствующих сферах.

Следует отметить, что в современном российском законодательстве понятие «доверие» неоднократно встречается в качестве одного из основополагающих начал права. Доверие является своеобразным фундаментом для формирования правовых принципов в различных отраслях права. Поведение граждан на основе правового принципа, содержащего понятие доверия, выступает всеобъемлющим началом правопорядка, ключевым элементом правового государства.

Таким образом, доверие в качестве правового принципа, на наш взгляд, является следствием признания доверия в качестве правовой ценности, поскольку правовые принципы собирательно символизируют наиболее значимые аспекты правовой действительности, отраженные в ценностях. Восприятие доверия в качестве правовой ценности способствует формированию на его основе правовых принципов в различных отраслях права, что было подтверждено в ходе анализа приведенных правовых норм.

Вопрос рассмотрения доверия как правового состояния на сегодняшний день является мало изученным. Среди немногочисленных мнений ученых-правоведов относительно данного вопроса рассмотрим труды Д. Г. Макаренко. Автор отметил, что «доверие как правовое состояние человека реализуется в способе и форме его участия в существующих либо вновь создаваемых правоотношениях» [12, с. 22]. Опираясь на понятие, трактуемое Д. Г. Макаренко, рассмотрим пример проявления доверия в качестве правового состояния. Примером послужат выборы, представляющие собой форму прямого волеизъявления граждан, осуществляемую в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, конституциями (уставами), законами субъектов Российской Федерации, уставами муниципальных образований в целях формирования органа государственной власти, органа местного самоуправления или наделения полномочиями должностного лица¹. В данном случае, исходя из понятия доверия как правового состояния, следует отметить, что гражданин (избиратель), руководствуясь своим доверием либо недоверием к выборам, решает вопрос о собственной форме участия в избирательных правоотношениях (оставить голос или воздержаться).

Анализируя точку зрения Д. Г. Макаренко, отметим, что доверие как правовое состояние обладает такими характерными

¹ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (п. 9 ст. 2) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

чертами, как наличие правоотношений; применение различных способов и форм участия в них. Рассматривать доверие с такой позиции необходимо, в первую очередь, с учетом признаков правового состояния. Ю. С. Новикова выделяет такие признаки, как разновидность социального состояния, действие в определенный момент времени и в определенном пространстве; закрепление в законодательстве. Следовательно, понятие доверия как правовое состояние, представленное Д. Г. Макаренко, не обладает признаками, характерными для правового состояния.

Следует отметить, что рассматривать понятие «доверие» в качестве правового состояния необходимо, отталкиваясь от понятия «правовое состояние» и его признаков. На сегодняшний день данный феномен изучен недостаточно и сказать однозначно, является ли он правовым состоянием, нельзя.

Феномен доверия может выступать в качестве фактора легитимации права. С. В. Кузнецова отмечает, что легитимность как доверие, признание обществом того или иного института, едва ли не в первую очередь зависит от них [13, с. 19]. В период появления легитимности как категории правовой науки ученые-теоретики в западноевропейской традиции отождествляли его с категорией «легальность». Однако на сегодняшний день благодаря подробному изучению данных явлений и использованию ряда критериев было установлено обратное. Легитимность, по мнению, к примеру, немецкого юриста Карла Шмитта, гораздо шире понятия «легальность» [14, с. 83].

Приведенные высказывания демонстрируют то, что легитимность служит неким социально-психологическим явлением, в то время как легальность правоведы описывают с точки зрения юридического факта. Важным является тот факт, что легитимная власть изначально базируется на согласии и взаимном доверии в отношении граждан и государственных институтов, а легальная, иными словами, законная власть, не всегда пользуется доверием у населения, что является одним из проблемных вопросов современных юридических наук.

Важно отметить следующее: доверие является одним из важнейших факторов легитимации права, оно служит основой формирования позитивного отношения граждан к аппарату государственного управления, от его наличия зависят поддержание высокого уровня правопорядка и социальная стабильность [15, с. 53].

Такой социоюридический феномен, как доверие, является многоаспектным и сложноизмеримым феноменом, влияние на который оказывают множество внешних и внутренних факторов. Данный феномен является той основой, от которой зависит легитимность государственной власти, успешность функционирования правовых институтов, степень вовлеченности граждан в решение задач, стоящих перед государством.

Заключение

Детальный анализ исследуемой проблемы показал, что в юриспруденции отсутствует единое толкование термина «доверие», что значительно усложняет реализацию правовых норм, в которых данный термин содержится. Доверие рассматривают в различных науках, затрагивают в учениях, используют в качестве критерия проведения социологического анализа. Однако в юриспруденции подход к данному феномену весьма разносторонний. С одной стороны, это создает сложности в понимании сути доверия, от которого зависят те или иные правоотношения; негативно отражается на объективности восприятия данного феномена. С другой стороны, многоаспектный подход позволяет выделить ключевые характеристики доверия, отраженные в каждом из подходов, а также продемонстрировать, в каких ролях данный феномен проявляет себя в праве. Анализ проявления доверия в праве продемонстрировал, что данное понятие является правовой ценностью, правовым принципом и фактором легитимации права, в то время как к правовой категории и правовым состоянием его назвать нельзя. Для грамотного восприятия понятия «доверие» в юриспруденции и применения его в нормативных правовых актах

необходима обобщенная дефиниция, которая позволит в определенной степени упорядочить представление о многоаспектном социюридическом феномене «доверие». В соответствии с вышеизложенными рассуждениями, доверие – это внутреннее волевое состояние, возникающее в контексте

социальных связей на основе искренности мотивов поведения, обусловленное честностью, порядочностью, добросовестностью; позволяющее эффективно реализовывать взаимно корреспондируемые права и обязанности; особый детерминант правового поведения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алёшин С. В. Доверие как социально-философская категория // Научная мысль Кавказа. 2010. № 3 (63). С. 35–40.
2. Больнов О. Ф. Новая укрытость. Проблема преодоления экзистенциализма. Философская мысль. 2001. № 2. С. 137–145.
3. Неофитова А. А. Доверие как категория социологического анализа // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 4 (6). С. 69–74.
4. Карпичев В. С. Доверие как социальный механизм стабилизации общества и государства // Государственная служба. 2015. 4 (96). С. 13–16.
5. Смык Ю. В. Доверие в структуре психологической безопасности личности // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 1. С. 1–9.
6. Макаренко Д. Г., Задорин И. В. Право и доверие // Мониторинг правоприменения. 2023. № 4 (49). С. 8–15.
7. Тихонова Ж. К. К вопросу о доверии в праве // Вопросы экономики и права. 2019. № 127. С. 7–9.
8. Напольских И. М. Доверие как правовая ценность // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. № 4. С. 161–164.
9. Арапов Н. А. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в российском конституционном праве и правосудии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2015. 28 с.
10. Кузьменков В. А. Ценностный консенсус как социально-правовая проблема // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2018. № 4 (77). С. 81–84.
11. Алешкова И. А., Дудко И. А. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства: конституционное содержание и особенности его обеспечения в практике Конституционного Суда РФ // Образование и право. 2021. № 2. С. 44–52.
12. Макаренко Д. Г. Механизмы формирования доверия общества к институтам государственной власти // Мониторинг правоприменения. 2021. № 2 (39). С. 21–26.
13. Кузнецова С. В. Правовые и символические аспекты легитимации политической власти в России: автореферат дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2003. 22 с.
14. Шмитт К. Легальность и легитимность (послесловие к изданию 1958 г.) / пер. с нем. А. Филиппов. 2013. Т. 12. № 3. С. 76–92.
15. Пантыкина М. И. Доверие в праве как когнитивная установка индивидуального правосознания // Философия права. 2016. № 2 (75). С. 53–58.

REFERENCES

1. Aleshin S. V. Trust as a social and philosophical category // Scientific thought of the Caucasus. 2010. No. 3 (63). P. 35–40. (In Russ.)
2. Bolnov O. F. New shelter. The problem of overcoming existentialism. Philosophical thought. 2001. No. 2. P. 137–145. (In Russ.)
3. Neofitova A. A. Trust as a category of sociological analysis // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series “Philosophy. Sociology. Art history”. 2016. No. 4 (6). P. 69–74. (In Russ.)
4. Karpichev V. S. Trust as a social mechanism for stabilizing society and the state // State Service. 2015. No. 4 (96). P. 13–16. (In Russ.)

5. Smyk Yu. V. Trust in the structure of psychological security of the individual // World of Science. Pedagogy and psychology. 2019. No. 1. P. 1–9. (In Russ.)
6. Makarenko D. G., Zadorin I. V. Law and trust // Monitoring of law enforcement. 2023. No. 4 (49). P. 8–15. (In Russ.)
7. Tikhonova Zh. K. On the issue of trust in law // Questions of economics and law. 2019. No. 127. P. 7–9. (In Russ.)
8. Napolskikh I. M. Trust as a legal value // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2022. No. 4. P. 161–164. (In Russ.)
9. Arapov N. A. The principle of maintaining citizens' trust in the law and the actions of the state in Russian constitutional law and justice: abstract. dis. ...Cand. law sci. St. Petersburg, 2015. 28 p. (In Russ.)
10. Kuzmenkov V. A. Value consensus as a social and legal problem // Scientific Bulletin of Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2018. No. 4 (77). P. 81–84. (In Russ.)
11. Aleshkova I. A., Dudko I. A. The principle of maintaining citizens' trust in the law and the actions of the state: constitutional content and features of its provision in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation // Education and Law. 2021. No. 2. P. 44–52. (In Russ.)
12. Makarenko D. G. Mechanisms for forming public trust in the institutions of state power // Monitoring of law enforcement. 2021. No. 2 (39). P. 21–26. (In Russ.)
13. Kuznetsova S. V. Legal and symbolic aspects of the legitimation of political power in Russia: abstract of thesis. ... cand. polit. sci. Saratov, 2003. 22 p. (In Russ.)
14. Schmitt K. Legality and legitimacy (afterword to the 1958 edition) / translated from German by A. Filippov. 2013. Vol. 12. No. 3. P. 76–92. (In Russ.)
15. Pantykina M. I. Trust in law as a cognitive attitude of individual legal consciousness // Philosophy of law. 2016. No. 2 (75). P. 53–58. (In Russ.)

Информация об авторе:

Е. П. Голод, аспирант.

Information about the author:

E. P. Golod, postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 04.05.2024; одобрена после рецензирования 28.05.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 04.05.2024; approved after reviewing 28.05.2024; accepted for publication 21.06.2024.

Научная статья
УДК 342.924

**СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ИНСТИТУТА
АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Артём Сергеевич Бойченко

Белгородский государственный национально-исследовательский университет,
Белгород, Россия, sgt.boychenko@gmail.com

Аннотация. В настоящее время кардинальному пересмотру подвергаются многие традиционные представления – об обществе и государстве, о человеке и личности. Подобный переломный ход развития событий требует от научного сообщества принятия решительных мер по пересмотру существующей модели человечества, в том числе путем создания концептуальных основ ее новой, перспективной модели. XXI век ярко свидетельствует о том, что парадигма науки в современном мире меняется, что обусловлено и событиями последних лет: пандемией COVID-19, беспрецедентным санкционным давлением, которое оказывают на Россию страны Запада, динамичными темпами цифровизации, укреплением фактора многополярности в мировом сообществе. В свете происходящего особого внимания заслуживают современные теоретические и практические подходы к пониманию административных наказаний и их неотвратимости в контексте административной ответственности.

Ключевые слова: правонарушение, административное наказание, административная ответственность, проступок, общественная опасность.

Для цитирования: Бойченко А. С. Современные подходы к пониманию института административных наказаний: вопросы теории и практики // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 2 (104). С. 20–27.

Original article

**MODERN APPROACHES TO UNDERSTANDING
THE INSTITUTION OF ADMINISTRATIVE PENALTIES:
ISSUES OF THEORY AND PRACTICE**

Artyom S. Boychenko

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia, sgt.boychenko@gmail.com

Abstract. Currently, many traditional ideas, i.e. about society and the state, about man and personality, are undergoing a radical revision. Such a turning point in the development requires the scientific community to take decisive measures to revise the existing model of humanity, including the creation of the conceptual foundations of its new, promising model. The 21st century clearly shows that the paradigm of science in the modern world is changing, which is due to the events of recent years: the COVID-19 pandemic, unprecedented sanctions pressure exerted on Russia by Western countries, the dynamic pace of digitalization, and the strengthening of the multipolarity factor in the world community. In the light of current events, modern theoretical and practical approaches to understanding administrative penalties and their inevitability in the context of administrative responsibility deserve special attention.

Keywords: offense, administrative punishment, administrative responsibility, misconduct, public danger.

For citation: Boychenko A. S. Modern approaches to understanding the institution of administrative penalties: issues of theory and practice // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (104). P. 20–27. (In Russ.)

© Бойченко А. С., 2024

Введение

В кризисные периоды науке свойственно снижать исследовательскую интенсивность [1, с. 225], особенно по отношению к государственным институтам, чтобы в достаточной мере сосредоточиться на разработке образа человека современности. В научном сообществе высказываются обоснованные мнения о существовании в XXI веке человека правового, который обладает высоким уровнем политико-правовой культуры и правосознания [2, с. 189]; человека счастливого, который способен видеть перспективы будущего [3, с. 170]; человека органичного, который имеет необходимые ресурсы и природную готовность противостоять негативным явлениям окружающей среды [4, с. 128]. Кроме того, можно встретить концептуальные рассуждения о формировании новой модели личности, которая обладает согласованной с коллективной ответственностью индивидуальной свободой [5, с. 21]. Благодаря этому в обществе создается справедливый строй, где фундамент составляют солидарность и свобода населения. Целью такого строя является отрицание личного противостояния, групповой или классовой борьбы, поскольку в приоритете – поиск путей оптимального сосуществования.

Д. А. Давыдов, анализируя множество проблем эпохи посткапитализма, отмечает, что научный фокус давно следует сместить, поскольку многие модели производства и потребления личностей уже изжили себя, следовательно, от них следует отказаться [6, с. 78]. Неоднократно о кризисах и нестабильности реальности высказывался Ю. А. Тихомиров, по мнению которого правовая наука должна стремиться к исследованию и выработке новой методологии, заинтересованной в принятии адекватных решений на общественном и государственном уровнях. В качестве ключевого вектора предлагается «системный выбор правовых регуляторов» [7, с. 11].

Методы

В ходе написания работы использовались такие методы научного исследования, как диалектический метод научного позна-

ния действительности, а также исторический, логический, сравнительно-правовой, системно-структурный и другие частные научно-исследовательские методы.

Результаты

Российские теоретики права объектом правоотношения называют поведение человека, которое в то же время рассматривается и как результат реализации правовой регламентации общественных отношений. Подобный подход позволяет последовательно изучать степень воздействия права на поведение людей [8, с. 457]. В частности, А. Б. Венгеров утверждает, что на поведение человека существенное влияние оказывают определенные мотивы, обусловленные объективными и субъективными потребностями – так называемыми интересами субъектов права [8, с. 459]. В контексте понимания мотивов поведения, безусловно, не следует ограничиваться только теоретическими правовыми воззрениями. Крайне важны и наработки науки социальной психологии. Опираясь на теорию права, позволим себе выделить следующие психологические формы поведения субъектов права:

а) эгоизм (речь идет о выгоде исключительно для себя);

б) альтруизм (оценка поведения происходит с позиции его пользы для всего общества);

в) теодиция (для будущего благополучия субъект права в настоящее время готов претерпевать определенные страдания и лишения).

Весьма интересной и показательной в данном контексте является концепция социальных оснований права, разработанная Г. В. Мальцевым, согласно которой современные люди вынуждены выступать объектами управления, а также обречены подвергаться принудительному навязыванию различных взаимодействий. Существующие санкции являются способом реагирования на отказ подчиняться доминантному воздействию и навязанной воле [9, с. 291].

Юридическая наука полагает, что ориентирование правомерного поведения напрямую зависит от тех или иных правовых сведений, соответственно, правонарушения

относятся к числу социальных явлений, которые сопровождают право еще со времен его возникновения и дальнейшего развития [10, с. 30]. По своей природе правонарушение является антиобщественным, асоциальным поведением, которое запрещено правовыми нормами. Условно правонарушения можно разделить на преступные деяния, деликты и проступки, которые являются различными по степени опасности и вреда отклонениями от правовых требований. Общим объектом правонарушения выступает правопорядок – закономерный результат применения, исполнения и соблюдения правовых норм в обществе. Правопорядок в широком смысле может рассматриваться и как идеальное юридическое состояние общественных отношений, при котором соблюдаются нормы права, не совершаются правонарушения, не нарушены ориентиры правового поведения субъектов права [10, с. 31].

Совершаемое правонарушение практически всегда сопровождается причинением вреда общественным или личным интересам других субъектов, нарушением стабильности общественной жизни. Объектом правонарушения является благо. К весьма распространенному виду правонарушений относится проступок, который отличается от преступного деяния тем, что не несет общественной опасности, хотя при этом сопровождается определенной общественной вредностью. Административный проступок способен нарушить правила организации и управления, устойчивость общественной жизни. Традиционно проблемами административных правонарушений занимается наука административного права (в отдельных странах данная наука именуется наукой полицейского права). В этой связи в науке справедливо отмечается, что между административным правом и теорией государства и права следует укреплять взаимосвязи, что позволит в ближайшей перспективе развивать принцип научного управления в условиях непосредственного участия и заинтересованности государства и гражданского общества [7, с. 12].

С. С. Алексеев отмечал, что социальная ценность права определяется, прежде все-

го, точностью и четкостью законодательных формулировок. Кроме того, подчеркивалось, что роль (прогрессивная или реакционная) юридических приемов зависит от поставленных юридических задач перед юридическим регулированием и складывающейся социальной обстановки [11, с. 234]. В сфере правотворчества, без сомнений, должна превалировать юридическая логика, тогда как классовые логические приемы юридической системы должны отходить на второй план. Чтобы в полной мере охарактеризовать состояние общественного развития, целесообразно определиться с организационно-правовой основой, упорядочивающей общественные отношения. Данная основа может быть представлена разрешительной системой, системой общих дозволений, либо комплексным сочетанием данных систем. По мнению С. С. Алексеева, для установления природы социального строя необходимо оценить ряд реальных показателей и ответить на несколько ключевых вопросов, а именно – в каком объеме и какие именно субъекты:

– обладают дозволением на право собственности (решение вопроса господства в обществе в общественно-политическом ключе);

– обладают императивно-властными правами (ответ на данный вопрос позволит оценить масштабы реального воздействия и силы влияния государственной власти на социальную жизнь) [11, с. 236].

Существующая система государственных органов власти в совокупности представляет собой инфраструктурную форму социального регулирования. Данные органы в их системном взаимодействии могут быть разделены на правоохранительные и правотворческие организации. Ю. А. Тихомиров отмечает, что для достижения целей права следует использовать правовую систему, которая способна определять правосознание, формировать правопонимание, разграничивать и устанавливать правомерные действия. Встраиваясь в социальную реальность, правовая система предопределяет архитектуру права. В этой связи Ю. А. Тихомиров рассматривает правовую систему как «ключ

права», как совокупность субъектов, которые занимаются защитой прав и свобод граждан, охраной национальной безопасности и поддержанием государственного суверенитета, осуществляют правоприменение и правообразование [7, с. 16]. Подобный подход, на наш взгляд, в достаточной степени позволяет определить границы взаимодействия внешних и внутренних элементов правовой системы, установить рамки взаимодействия на системно-методологическом уровне.

Следуя рассуждениям С. С. Алексеева и Ю. А. Тихомирова, полагаем, что цель современной правовой науки состоит в том, чтобы достичь оптимального единства деятельности правоприменителя и законодательного правопонимания. В этой связи необходимо последовательно решать как правотворческие, так и правоприменительные задачи: преодолевать хаотичность применения норм права, бороться с проявлениями законодательной бессистемности, налаживать органичную связь между органами власти и иными общественными институтами, укреплять целостность в решении стратегических задач и воплощении национальных приоритетов государства. Значимые юридико-методологические установки в российской правовой системе делает Конституционный Суд Российской Федерации – во многом реформационный орган власти, анализ деятельности которого позволит нам определить концептуальные направления развития института административной ответственности, а также сформулировать его современную парадигму. Особый интерес в рамках данного исследования представляют выборочные судебные акты Конституционного Суда в период 1999–2022 гг.

Так, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 28 мая 1999 г. № 9-П отмечал, что производство по делам об административных правонарушениях следует рассматривать как форму административного судопроизводства¹. Также Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что правосудие осуществляется судьями при любых обстоятельствах независимо от того, выносит суд решение по результатам рассмотрения конкретной жалобы, либо же суд принимает решение о наложении административного взыскания. В рамках упомянутого Постановления № 9-П Конституционный Суд Российской Федерации анализировал нормы действующего в 1999 г. КоАП РСФСР² и на основе этого предложил провести масштабную унификацию видов судопроизводства, которые имеют место на стадии обжалования тех или иных судебных решений. Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что в арбитражных судах и в судах общей юрисдикции необходимо установить общую процедуру обжалования на инстанционном уровне. Подобный подход, следуя правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, отраженной в Постановлении № 9-П, позволит избавиться от избыточной функции последующего контроля, которая имеет место в судах общей юрисдикции.

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2011 г. № 6-П сделано важное уточнение, согласно которому административные правонарушения целесообразно рассматривать как публично-правовые деликты³. Фактор публичности позволяет при рассмотрении дел об административных правонарушениях

¹ По делу о проверке конституционности части второй ст. 266 и п. 3 части первой ст. 267 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан Е. А. Арбузовой, О. Б. Колегова, А. Д. Кутырева, Р. Т. Насибулина и В. И. Ткачука: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 1999 г. № 9-П // Российская газета. 1999. № 109.

² Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (утв. ВС РСФСР 20.06.1984) (ред. от 20.03.2001) (документ утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1984. № 27. Ст. 909.

³ По делу о проверке конституционности части 1 ст. 3.7 и части 2 ст. 8.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «СтройКомплект»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2011 г. № 6-П // Российская газета. 2011. № 98.

ях руководствоваться конституционными нормами о справедливом судебном разбирательстве и праве на защиту. Конституционный Суд Российской Федерации также отметил, что существующие в России основы правопорядка базируются на общих принципах юридической ответственности, в связи с чем признаки состава административного правонарушения должны в достаточной мере соответствовать провозглашенным в России принципам демократического государства. Среди данных принципов особую роль играют принципы виновной ответственности и презумпции невиновности, принцип справедливости, особенно в контексте взаимодействия государства, физических лиц и организаций [12, с. 8]. Важное значение, с точки зрения Конституционного Суда Российской Федерации, имеет такое основание для привлечения к административной ответственности как вина, которая подлежит установлению в рамках производства по делам об административных правонарушениях.

Важный с практической точки зрения принцип административно-деликтного законодательства (принцип баланса прав и свобод физических и юридических лиц, публичного интереса, направленный на защиту государства, общества и каждой личности от правонарушений) был сформулирован Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 4 декабря 2017 г. № 35-П¹. Упомянутый принцип имеет чрезвычайно важное значение в вопросах производства по делам об административных правонарушениях, поскольку позволяет своевременно, полно и всесторонне выяснять все обстоятель-

ства по делу. Формулируя анализируемый доктринальный принцип, Конституционный Суд Российской Федерации рассмотрел практические аспекты реализации возможностей по продлению сроков, предусмотренных законодательно для оплаты административного штрафа в половину суммы. Принцип баланса прав и свобод субъектов административных отношений и общественных интересов по смыслу тесно взаимосвязан с принципами правового государства, в числе которых принципы юридического равенства, справедливости, верховенства закона [13, с. 50]. Отступление от упомянутых конституционно-правовых принципов всегда связано с некоторыми рисками необоснованного и избыточного применения административного принуждения. В рамках Постановления от 4 декабря 2017 г. № 35-П Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что при наличии уважительных причин целесообразно для правонарушителя восстановить 20-дневный срок по уплате штрафа, даже в том случае, если первоначально была допущена просрочка.

Отдельный интерес в рамках настоящего исследования представляют Определение от 11 ноября 2021 г. № 2356-О² и Постановление от 17 мая 2022 г. № 19-П³, в которых Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал специальный принцип для исчисления сроков давности привлечения к административной ответственности – принцип определенности, который преследует определенные цели:

а) создание необходимых условий, которые способны обеспечить неотвратимость административной ответственности;

¹ По делу о проверке конституционности части 1.3 ст. 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Ю. А. Рейнхеммеля: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2017 г. № 35-П // Российская газета. 2017. № 280.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Нагорной Ирины Андреевны на нарушение ее конституционных прав положениями части 1 статьи 4.5, части 2 ст. 14.17.1 и части 2 ст. 30.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2021 г. № 2356-О // Российская газета. 2021. № 516.

³ По делу о проверке конституционности части 1 ст. 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки О. А. Мельниковой: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 мая 2022 г. № 19-П // Российская газета. 2022. № 113.

б) предотвращение избыточного административного преследования и неоправданных мер административного наказания;

в) исключение случаев произвола со стороны правоприменителя в вопросах привлечения к административной ответственности.

Цели административного наказания находят свое воплощение в институте давности привлечения к административной ответственности [14, с. 50]. Предполагается, что принцип определенности позволит на практике эффективно осуществлять и решать законодательные задачи в области привлечения к административной ответственности: своевременно и в полном объеме выяснять обстоятельства по каждому делу, обеспечивать надлежащим образом исполнение административных наказаний, полно и объективно разрешать дело по существу, выяснять условия, которые стали причиной совершения административного правонарушения [15, с. 21].

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить следующее:

1. Институт административной ответственности в Российской Федерации в течение последних двух десятилетий постоянно развивался и совершенствовался, что подтверждается рассмотренными в настоящем параграфе материалами правоприменительной практики. В интерпретации Конституционного Суда Российской Федерации административная ответственность модернизировалась, пройдя путь развития от формы административного судопроизводства до публично-правовой формы производства, основанной на конституционных принципах справедливости и судебной защиты.

Кроме того, анализ правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации показал, что административная ответственность изначально базировалась на единых принципах государственного принуждения как для административного, так и для уголовного права. В настоящее время судебные инстанции исходят из критерия сопоставимости уголовной и административной ответственности, не исключая возможность дифференцированного подхода и отдавая предпочтение согласованному правовому регулированию.

2. Результаты правоприменительной деятельности последних нескольких десятилетий свидетельствуют о том, что решить масштабную задачу по унификации производства по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции и арбитражных судах не удалось. Существующие конституционные и специальные отраслевые принципы позволяют обозначить векторы административной ответственности. В числе данных принципов: равенство перед законом и судом, верховенство закона, законность, доступность суда, справедливость и юридическое равенство, гарантии прав и свобод человека и гражданина, презумпция невиновности, полное и объективное выяснение обстоятельств дела. Кроме того, следует отметить приоритетность принципа неотвратимости административной ответственности, а также принципа индивидуализации ответственности за совершенное административное правонарушение. Последние из упомянутых принципов фактически не имеют полноценного законодательного закрепления, однако правоприменительная практика и законодатель допускают их использование.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Яркова Е. Н. История и методология юридической науки: учебное пособие. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. С. 225–226.
2. Тихомиров Ю. А. Право: традиции и новые повороты: монография. М.: Блок-Принт, 2021. 411 с.
3. Емельянова И. Н. Воспитание счастливого человека как социально-культурная и педагогическая задача // Философия образования. 2022. Т. 22. № 2. С. 169–178.

4. Барболин М. П. Концептуальная модель созидания человека новой цивилизации – человека органичного // *Философия образования*. 2022. Т. 22. № 2. С. 128–135.
5. Бессонова О. Э. Идеология в общественном развитии России: новый ракурс // *Социологические исследования*. 2022. № 1. С. 17–29.
6. Давыдов Д. А. Ценностные основания посткапитализма: от «модуса обладания» к индивидуализму самореализующихся личностей // *Социологические исследования*. 2021. № 12. С. 78–88.
7. Тихомиров Ю. А. Систематика в праве в условиях глобальной нестабильности // *Журнал российского права*. 2022. Т. 26. № 5. С. 5–18.
8. Венгеров А. Б. *Теория государства и права*. 3-е изд. М.: Юриспруденция, 1999. 811 с.
9. Мальцев Г. В. *Социальные основания права*. М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. 440 с.
10. Кobleva M. M., Lusegenova Z. S. Актуальная методология понимания административной ответственности // *Мировой судья*. 2022. № 12. С. 26–33.
11. Алексеев С. С. *Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8*. М.: Статут, 2010. 700 с.
12. Иваненко И. Н., Пенькова А. С. Разграничение административного правонарушения и преступления // *Научный журнал КубГАУ – Scientific Journal of KubSAU*. 2017. № 129. С. 7–19.
13. Кисин В. Р., Хадисов Г. Х. Специальные субъекты административных правонарушений, подлежащие ответственности как должностные лица // *Административное право и процесс*. 2023. № 3. С. 50–54.
14. Кисин В. Р., Малахов С. А. Состояние нормативно-правового регулирования административной ответственности должностных лиц // *Административное право и процесс*. 2021. № 9. С. 48–52.
15. Ермолаева Е. В. Презумпция вины юридического лица в совершении административного правонарушения // *Административное право и процесс*. 2022. № 11. С. 20–23.

REFERENCES

1. Yarkova E. N. *History and methodology of legal science: textbook*. Tyumen: Tyumen State University Publishing House, 2012. P. 225–226. (In Russ.)
2. Tikhomirov Yu. A. *Law: traditions and new turns: monograph*. M.: Blok-Print, 2021. 411 p. (In Russ.)
3. Yemelyanova I. N. Education of a happy person as a socio-cultural and pedagogical task // *Philosophy of education*. 2022. Vol. 22. No. 2. P. 169–178. (In Russ.)
4. Barbolin M. P. Conceptual model of the creation of a new civilization of man – an organic man // *Philosophy of education*. 2022. Vol. 22. No. 2. P. 128–135. (In Russ.)
5. Bessonova O. E. Ideology in the social development of Russia: a new perspective // *Sociological research*. 2022. No. 1. P. 17–29. (In Russ.)
6. Davydov D. A. The value foundations of post-capitalism: from the “mode of possession” to the individualism of self-fulfilling personalities // *Sociological research*. 2021. No. 12. P. 78–88. (In Russ.)
7. Tikhomirov Yu. A. Systematics in law in conditions of global instability // *Journal of Russian Law*. 2022. Vol. 26. No. 5. P. 5–18. (In Russ.)
8. Vengerov A. B. *Theory of state and law*. 3rd ed. Moscow: Jurisprudence, 1999. 811 p. (In Russ.)
9. Maltsev G. V. *Social foundations of law*. M.: Norm; INFRA-M, 2011. 440 p. (In Russ.)
10. Kobleva M. M., Lusegenova Z. S. Actual methodology of understanding administrative responsibility // *A justice of the peace*. 2022. No. 12. P. 26–33. (In Russ.)
11. Alekseev S. S. *Collected works: in 10 vols. Vol. 8*. M.: Statute, 2010. 700 p. (In Russ.)
12. Ivanenko I. N., Penkova A. S. Differentiation of an administrative offense and a crime // *KubSAU Scientific Journal – Scientific Journal of KubSAU*. 2017. No. 129. P. 7–19. (In Russ.)
13. Kisin V. R., Hadisov G. H. Special subjects of administrative offenses liable as officials // *Administrative law and procedure*. 2023. No. 3. P. 50–54. (In Russ.)
14. Kisin V. R., Malakhov S. A. The state of regulatory regulation of administrative responsibility of officials // *Administrative law and procedure*. 2021. No. 9. P. 48–52. (In Russ.)
15. Ermolaeva E. V. Presumption of guilt of a legal entity in committing an administrative offense // *Administrative law and procedure*. 2022. No. 11. P. 20–23. (In Russ.)

Информация об авторе:

А. С. Бойченко, аспирант.

Information about the author:

A. S. Boychenko, graduate student.

Статья поступила в редакцию 09.02.2024; одобрена после рецензирования 08.04.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 09.02.2024; approved after reviewing 08.04.2024; accepted for publication 21.06.2024.

Научная статья
УДК 351.95:343.85

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ В СИСТЕМЕ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Олег Валерьевич Кириловский^{1, 2}

¹ Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний,
Вологда, Россия

² Вологодский государственный университет, Вологда, Россия,
kirilovskiy77@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8718-396X

Аннотация. Исследование посвящено вопросам реализации административного принуждения при обеспечении мер государственной защиты в отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы. В вводной части на основе приведенных сведений, в том числе результатов социологического исследования, обозначается актуальность выбранной темы. Содержанием работы выступают изучение и рассмотрение вопросов реализации положений института административного принуждения при осуществлении мер правовой защиты персонала пенитенциарного ведомства. В ходе исследования анализируются основные аспекты незаконного распространения сведений о защищаемом лице как административного правонарушения, специфика рассмотрения в качестве субъекта данного правонарушения сотрудников ФСИН России. В заключительной части статьи подводятся итоги, формулируются выводы с предложением использования результатов исследования в практической деятельности.

Ключевые слова: административное принуждение, ответственность, государственная защита, сведения о защищаемом лице, уголовно-исполнительная система.

Для цитирования: Кириловский О. В. Административное принуждение в системе мер обеспечения государственной защиты сотрудников уголовно-исполнительной системы // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 2 (104). С. 28–35.

Original article

ADMINISTRATIVE COERCION IN THE SYSTEM OF MEASURES FOR PROVIDING STATE PROTECTION OF EMPLOYEES OF THE PENAL SYSTEM

Oleg V. Kirilovsky^{1, 2}

¹ Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia

² Vologda State University, Vologda, Russia
kirilovskiy77@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8718-396X

Abstract. The study is devoted to the implementation of administrative coercion when ensuring state protection measures for employees of the penitentiary system. In the introduction, based on the information provided, including the results of sociological research, the relevance of the chosen topic is indicated. The content of the work is the study and consideration of issues related to the implementation of the provisions of the institution of administrative coercion in the implementation of legal protection measures for personnel of the penitentiary department. The study analyzes the main aspects of the illegal dissemination of information about a protected person as an administrative offense, the specifics of considering employees of the Federal Penitentiary Service of Russia as the subject of this offense. The final part of the article summarizes the results and formulates conclusions with a proposal to use the research results in practice.

© Кириловский О. В., 2024

Keywords: administrative coercion, responsibility, state protection, information about the protected person, penal system.

For citation: Kirilovsky O. V. Administrative coercion in the system of measures for providing state protection of employees of the penal system // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (104). P. 28–35. (In Russ.)

Введение

В условиях сложной криминологической обстановки в исправительных учреждениях, которая обусловлена постоянным увеличением доли лиц, содержащихся в них за тяжкие и особо тяжкие преступления, ранее неоднократно судимых, по отношению к численности осужденных, отбывающих наказания впервые за нетяжкие преступления, вопросы обеспечения безопасности личного состава исправительных учреждений в современных условиях весьма актуальны. Данная тенденция, на наш взгляд, является оборотной стороной, реализуемой на протяжении последних лет политики гуманизации в уголовной и уголовно-исполнительной сферах. Результатами данной политики, с одной стороны, бесспорно, следует признать расширение спектра альтернативных лишению свободы уголовных наказаний, а с другой – сосредоточение в исправительных учреждениях лиц с высокой степенью общественной опасности.

Преступления насильственного характера и правонарушения против установленного порядка управления в учреждениях, объектами которых выступает персонал Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (далее – ФСИН России), в связи со служебной деятельностью совершаются регулярно и имеют тенденцию к их увеличению. Особенно важно обратить внимание на факты посягательств, когда сотрудникам учреждений причиняются вред здоровью различной степени тяжести или смерть.

Обозначенные факты нашли свое подтверждение в ходе анкетирования сотрудников более чем пятидесяти территориальных органов уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), проведенного в ходе диссертационного исследования. По результатам опроса, только четверть (26 %) респонден-

тов считают, что уровень их безопасности выше среднего, остальные (74 %) указали, что их уровень защищенности со стороны государства оценивается как средний и низкий [1, с. 181–84].

Данные сведения подтверждают необходимость предметного исследования в данном направлении. Одним из способов повышения уровня защищенности персонала УИС выступают меры правовой защиты, в частности, меры административного принуждения.

Настоящее исследование направлено на изучение отдельных вопросов реализации мер административной ответственности в механизме правового регулирования деятельности по обеспечению состояния защищенности сотрудников пенитенциарного ведомства в случаях, когда их личная (физическая) неприкосновенность, здоровье и жизнь, их имущество находятся в состоянии опасности причинения вреда.

Методы

В качестве методов исследования в настоящей работе выбраны общенаучные методы (анализ, синтез), а также специальные научные методы (сравнительно-правовой, социологический, статистический и др.). На наш взгляд, именно данные методы позволят всесторонне изучить предмет настоящего исследования, поскольку рассмотрение поставленных вопросов лежит в публично-правовой сфере.

Результаты

Правовое регулирование общественных отношений, возникающих по поводу обеспечения государственной защиты жизни, здоровья и имущества сотрудников УИС России, при наличии угрозы посягательства на их жизнь, здоровье и имущество в связи с их служебной деятельностью осуществляется нормами Федерального закона от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите

судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»¹ (далее – Закон о государственной защите). По мнению О. А. Зайцева, «Закон о государственной защите является специальным нормативным актом, в котором впервые закреплены понятие государственной защиты, ее виды, меры безопасности, предусмотрены поводы и основания для применения мер государственной защиты, механизм принятия решения о введении их в действие, перечислен круг органов, на которые возложена реализация мер государственной защиты, а также ответственность за нарушение установленных законом требований» [2, с. 25–31].

Приступая к изучению вопроса о государственной защите персонала правоохранительных органов, отметим, что государственная защита конституционно гарантирована [3, с. 94–95]. В научной литературе не имеется единого подхода к определению данного понятия, однако значительная часть ученых придерживаются мнения о том, что это комплексное понятие, содержащее в себе правовой, организационный, оперативный, тактический аспекты [4, с. 15–16]. На основе анализа положений Закона о государственной защите, а также результатов научных исследований по данному вопросу полагаем необходимым сформулировать данное определение самостоятельно.

Под государственной защитой сотрудников УИС и их близких, по нашему мнению, следует понимать деятельность подразделений собственной безопасности (далее – ПСБ), отделов специального назначения и других подразделений УИС, заключающаяся в применении совокупности мер безопасности, социальной и правовой защиты, применяемых при наличии угроз посягательства на жизнь, здоровье и имущество указанных лиц, в целях обеспечения их прав и законных интересов, защиты жизни, здоровья и имущества, а также возмещения причинен-

ного им вреда в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей в установленном законом или иными нормативными правовыми актами порядке [5, с. 14–15].

Как отмечает Н. Н. Кутаков, «меры безопасности являются одним из основных и эффективных средств поддержания стабильного функционирования учреждений УИС» [6, с. 131–133]. Данные меры выступают средством обеспечения безопасности должностного лица, то есть применяются в случае наличия угрозы применения насилия, повреждения или уничтожения имущества.

Меры социальной защиты применяются в случае, когда меры непосредственного обеспечения безопасности не достигли своей цели и последствия в отношении сотрудника в виде причинения вреда здоровью или жизни наступили. В этом случае применяют компенсационные механизмы возмещения причиненного вреда. И это, в первую очередь, как утверждает А. А. Зимица, обусловлено риском для жизни и здоровья сотрудников при исполнении ими своих служебных обязанностей [7, с. 74–76].

Меры правовой защиты носят превентивный, предупредительный характер и направлены на предотвращение, недопущение фактов противоправных посягательств. Одним из средств правовой защиты рассматриваемой категории должностных лиц в общем смысле выступает институт административного принуждения, в конкретном – административная ответственность.

Совершенствование мер административного принуждения в данном аспекте подлежит рассмотрению через призму механизма правового регулирования как основополагающего теоретико-правового явления. Посредством осознания данного правового явления можно уяснить роль и место в нем мер административного принуждения.

Выделение основных элементов механизма правового регулирования основано на

¹ См.: О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 17. Ст. 1455.

позиции о том, что механизм представляет собой длящийся процесс, состоящий из этапов, стадий. С учетом указанного подхода С. С. Алексеев выделяет его составные части: юридические нормы, правоотношения, акты реализации прав и обязанностей (правоприменительная деятельность). При этом состав правоотношения включает в себя: объекты правоотношений; субъекты права, то есть участников правоотношений; содержание правоотношений, то есть юридические права и обязанности; ответственность, обеспеченную мерами государственного принуждения (в том числе в виде административной ответственности) [8, с. 281–282].

При рассмотрении правоотношения в механизме правового регулирования нельзя не отметить один из его характерных признаков, заключающийся в том, что правоотношение – это образующаяся посредством правовых норм связь между субъектами, которая поддерживается (гарантируется) принудительной силой государства. Право одних обеспечивается обязанностью других, и неисполнение последних служит поводом для осуществления мер государственного принуждения, в том числе мер юридической ответственности [9, с. 502–506].

Согласно одной из распространенных в научных кругах концепций, юридическая ответственность отождествляется с формой государственного принуждения. Так, по утверждению С. С. Алексеева, ответственность – это государственное принуждение, выраженное в праве, выступающее как внешнее воздействие на поведение, основанное на организованной силе государства и наличии у него «вещественных» орудий воздействия в целях неукоснительного исполнения государственной воли [10, с. 122–123].

В связи с этим дальнейшее исследование направлено на определение особенностей административного принуждения как эффективного средства, обеспечивающего состояние защищенности со стороны госу-

дарства должностных лиц ФСИН России. Справедливо отмечено Н. В. Анискиной, что поддержание нормального функционирования деятельности учреждений и органов УИС обеспечивается, в том числе через механизмы административного принуждения [11, с. 9–10].

Подразделения собственной безопасности, отделы специального назначения территориальных органов УИС выступают непосредственными исполнителями рассматриваемых защитных мер. Статья 19 указанного закона закрепляет норму о том, что должностные лица данных подразделений, не выполняющие или ненадлежащим способом выполняющие свои обязанности, в том числе по распространению сведений об охраняемом лице, подлежат установленной законодательством Российской Федерации ответственности (уголовной, административной, дисциплинарной).

В ходе последующего анализа рассмотрим особенности привлечения должностных лиц УИС к административной ответственности при осуществлении ими полномочий в сфере реализации мер государственной защиты. Статьей 17.13 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) предусмотрена административная ответственность за незаконное распространение сведений о защищаемых лицах в рамках реализации государственной защиты¹.

Проанализируем состав данного правонарушения. Объектом являются общественные отношения, связанные с нормальной деятельностью органов государственной власти, а также общественные отношения, возникающие по поводу защиты личности, ее имущественных и неимущественных интересов от противоправных посягательств, при осуществлении служебных полномочий. В рассматриваемом контексте дополнительным объектом выступает защита здоровья, жизни и имущества работников ФСИН России при наличии угрозы причинения им

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

вреда. Состояние защищенности обеспечивается надлежащими условиями сохранности информации о защищаемом лице.

Объективная сторона правонарушения заключается в незаконном распространении сведений и данных о защищаемом лице. Распространение, как правило, осуществляется в ходе беседы, в том числе по телефону, с посторонними лицами, личной передачи им документов с персональными данными и (или) через электронные письма, путем показа видео-, аудио записей либо посредством выступления в средствах массовой информации и т. д. Такие действия совершаются в форме активных действий. Посторонним лицом в данном случае выступает любое лицо, которому доступ к получению данных о защищаемом лице ограничен.

Деяния, совершаемые в форме бездействия, выражаются в непринятии должностными лицами ПСБ решения о запрете на распространение конфиденциальной информации, содержащей сведения об охраняемом лице. Рассматриваемые действия (бездействия) не должны содержать сведения о мерах безопасности, в противном случае данное деяние уже квалифицируется как преступление [12, с. 165–166]. Данное противоправное поведение уже образует состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 320 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Если в результате данного деяния причинены вред здоровью или смерть защищаемого лица, повреждение либо уничтожение его имущества, применяются нормы, предусмотренные ч. 2 данного состава, закрепляющей санкцию в виде лишения свободы сроком до 5 лет¹.

Состав рассматриваемого административного правонарушения формальный, то есть правонарушение считается оконченным с момента незаконного распространения сведений о защищаемом лице. Обязательным элементом рассматриваемого состава является предмет правонарушения в виде сведений (персональных данных) о за-

щищаемом лице или его близких. Данными сведениями, по мнению А. В. Минбалева, могут выступать любые данные о защищаемом лице [13, с. 65–71]. Кроме того, в качестве обязательного элемента рассматриваемого состава является способ совершения правонарушения, который выражается в незаконном, то есть в нарушении установленных правил и процедур, распространении информации о защищаемом лице. Законным способом передачи информации о защищаемом лице могут признаваться действия по передаче данных о защищаемом лице по запросу суда, прокурора, следователя в рамках уголовного дела, находящегося в его производстве. Также сведения могут передаваться операторам обработки персональных данных, при этом они должны быть предупреждены об ответственности за их разглашение. Если указанные обстоятельства должностными лицами ПСБ УИС не выполнены, то их действия носят характер незаконных.

Субъективная сторона рассматриваемого правонарушения определяется внутренним психическим отношением лица, совершившего данное деяние, к его содержанию и последствиям. С учетом интеллектуального и волевого аспектов данного элемента состава следует отметить, что если деяние совершается в результате сознательных, непосредственных действий, то необходимо вести речь о прямом умысле, если деяние совершается путем бездействий, тогда следует рассматривать косвенный умысел.

Должностные лица УИС и, прежде всего, подразделений, которые задействованы в реализации мер государственной защиты (ПСБ, ОСН), получившие доступ к сведениям о защищаемом лице, выступают специальными субъектами рассматриваемого правонарушения.

Стоит особо подчеркнуть наличие особого порядка привлечения к административной ответственности должностных лиц, проходившие службы которых определяются дисциплинарными уставами. На сотруд-

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

ников УИС, в том числе должностных лиц ПСБ и отделов специального назначения, распространяются положения Дисциплинарного устава УИС, утвержденного приказом Минюста России от 12 сентября 2019 г. № 202¹. Сотрудники УИС в соответствии ч. 1 ст. 2.5 КоАП РФ за совершенные административные правонарушения несут дисциплинарную ответственность, кроме ряда административных правонарушений, указанных в ч. 2 данной статьи. Административное правонарушение по ст. 17.13 КоАП РФ в сфере государственной защиты среди правонарушений, предусмотренных ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ, законодателем не предусмотрено. Следовательно, сотрудники УИС, совершившие административное правонарушение в виде незаконного распространения сведений о защищаемых лицах, подлежат только дисциплинарной ответственности.

По мнению А. М. Колоскова, дисциплинарные взыскания сотрудников УИС, в отличие от более строгих наказаний, предусмотренных КоАП РФ и УК РФ, содержат в себе воспитательные цели, побуждающие к добровольному, добросовестному исполнению лицом своих профессиональных обязанностей и несению службы [14, с. 44–46]. На приоритетность воспитательной цели дисциплинарного взыскания также обратила внимание А. В. Кучинская в своем исследовании «Соотношение дисциплинарной и административной ответственности сотрудников УИС за совершение административных правонарушений» [15, с. 238–240].

В соответствии со ст. 50 Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свобо-

ды»², мерами дисциплинарного воздействия выступают: замечание, выговор, строгий выговор, предупреждение о неполном служебном соответствии и увольнение. В случае совершения данного правонарушения виновный сотрудник УИС будет подвергнут одному из приведенных дисциплинарных наказаний, самым строгим из которых будет увольнение со службы в УИС.

Заключение

На основании изложенного следует сделать вывод о том, что в существующей системе мер государственного принуждения административное принуждение в виде административной ответственности за правонарушение в сфере обеспечения государственной защиты (ст. 17.13 КоАП РФ) в отношении сотрудников ПСБ и других подразделений УИС утрачивает свое упорядочивающее воздействие. При этом остается открытым, дискуссионным вопрос о соответствии тяжести наказания за совершение одних и тех же действий как дисциплинарного проступка, с одной стороны, где самым строгим наказанием является увольнение, и административного штрафа в размере до трехсот тысяч рублей в отношении должностных лиц УИС.

В связи с тем, что речь идет о специальном субъекте (должностном лице УИС) административных правоотношений, в отношении которых за совершение рассматриваемого правонарушения не применяются меры административной ответственности, то приведенный подробный анализ элементов состава правонарушения может служить основой для объективного, всестороннего, квалифицированного служебного расследования по данным фактам.

Результаты настоящего исследования могут быть не только использованы в отношении должностных лиц УИС, но имеют

¹ См.: Об утверждении дисциплинарного устава уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»: приказ Минюста России от 12 сентября 2019 г. № 202 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.12.2023).

² См.: О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»: федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ // Российская газета. 2018. № 160.

теоретическую и практическую значимость для анализа незаконного распространения сведений о защищаемых лицах, совершенного должностными лицами других пра-

воохранительных органов, наделенных полномочиями по реализации мер государственной защиты (МВД России, ФСБ России, ФТС России и иных органов).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кириловский О. В. Правовое регулирование и организация деятельности по обеспечению государственной защиты сотрудников уголовно-исполнительной системы: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Рязань, 2019. 203 с.
2. Зайцев О. А., Шамурзаев Т. Т. Обеспечение государственной защиты участников уголовного судопроизводства (сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Кыргызской Республики) // *Союз криминалистов и криминологов*. 2018. № 2. С. 25–31.
3. Козаренко В. С. Меры по обеспечению государственной защиты сотрудников органов внутренних дел: российский и зарубежный опыт // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2018. № 4 (47). С. 93–98.
4. Кудрявцев А. В., Сенатов А. В. Обеспечение государственной защиты сотрудников УИС // *Ведомости уголовно-исполнительной системы*. 2014. № 4 (143). С. 13–17.
5. Кириловский О. В. Правовое регулирование и организация деятельности по обеспечению государственной защиты сотрудников уголовно-исполнительной системы: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2021. 28 с.
6. Кутаков Н. Н., Новицкий С. С. Применение мер безопасности сотрудниками мест лишения свободы и содержания под стражей: анализ пенитенциарной статистики // *Право и государство: теория и практика*. 2021. № 10(202). С. 131–133.
7. Зимина В. А. Проблемы реализации мер социальной защиты сотрудников органов внутренних дел на современном этапе развития Российской Федерации // *Юридические науки, правовое государство и современное законодательство: сб. статей XVIII Межд. научно-практ. конф.* Пенза: Наука и Просвещение, 2022. С. 74–76.
8. Алексеев С. С. *Общая теория права: учеб. 2 изд., перераб. и доп.* Москва: Изд-во Проспект, 2008. С. 281–282.
9. Старостин С. А. О некоторых проблемах применения судами мер административного принуждения // *Уголовно-исполнительное право*. 2017. Т. 12. № 4. С. 502–506.
10. Алексеев С. С. *Социальная ценность права в советском обществе*. Москва, 1971. С. 122–123.
11. Анискина Н. В. Субъекты и объекты административного принуждения в уголовно-исполнительной системе // *Вопросы современной науки и практики*. 2020. № 1 (2). С. 8–13.
12. Кочои С. М. *Уголовный кодекс Российской Федерации: комментарий не только для юристов*. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023. 352 с.
13. Минбалеев А. В. Проблемы правового обеспечения кибербезопасности при распространении персональных данных в сети Интернет по обновленному законодательству в // *Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере*. 2021. № 2 (40). С. 65–71.
14. Колосков А. М. Особенности дисциплинарной ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы // *Вестник института: преступление, наказание, исправление*. 2009. № 8. С. 44–46.
15. Кучинская А. В. Соотношение дисциплинарной и административной ответственности сотрудников УИС за совершение административных правонарушений // *Государственная служба Российской Федерации: поиск эффективной модели, правовые и управленческие аспекты: сб. мат. всероссийской научно-практ. конф.* Санкт-Петербург: Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний», 2022. С. 237–241.

REFERENCES

1. Kirilovsky O. V. *Legal regulation and organization of activities to ensure state protection of employees of the penal system: dissertation for the degree of candidate of legal sciences*. Ryazan, 2019. 203 p. (In Russ.)

2. Zaitsev O. A., Shamurzaev T. T. Ensuring state protection of participants in criminal proceedings (comparative analysis of the legislation of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic) // The Union of criminalists and criminologists. 2018. No. 2. P. 25–31. (In Russ.)
3. Kozarenko V. S. Measures to ensure state protection of employees of internal affairs bodies: Russian and foreign experience // Bulletin of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4 (47). P. 93–98. (In Russ.)
4. Kudryavtsev A. V., Senatov A. V. Providing state protection for employees of the penal system // Gazette of the penal system. 2014. No. 4 (143). P. 13–17. (In Russ.)
5. Kirilovsky O. V. Legal regulation and organization of activities to ensure state protection of employees of the penal system: abstract of the dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Moscow, 2021. 28 p. (In Russ.)
6. Kutakov N. N., Novitsky S. S. Application of security measures by employees of places of deprivation of liberty and detention: analysis of penitentiary statistics // Law and State: Theory and Practice. 2021. No. 10 (202). P. 131–133. (In Russ.)
7. Zimina V. A. Problems of implementing measures of social protection of employees of internal affairs bodies at the current stage of development of the Russian Federation // Legal sciences, legal state and modern legislation: collection of articles of the XVIII International scientific-practical conference. Penza, 2022. P. 74–76. (In Russ.)
8. Alekseev S. S. General theory of law: textbook. 2nd ed., revised. Moscow, 2008. P. 281–282. (In Russ.)
9. Starostin S. A. On some problems of the use of administrative coercion measures by courts // Criminal executive law. 2017. Vol. 12. No. 4. P. 502–506. (In Russ.)
10. Alekseev S. S. Social value of law in Soviet society. Moscow, 1971. P. 122–123. (In Russ.)
11. Aniskina N. V. Subjects and objects of administrative coercion in the penal system // Issues of modern science and practice. 2020. No. 1 (2). P. 8–13. (In Russ.)
12. Kochoi S. M. Criminal Code of the Russian Federation: a commentary not only for lawyers. Moscow, 2023. 352 p. (In Russ.)
13. Minbaleev A. V. Problems of legal support for cybersecurity when distributing personal data on the Internet according to the updated legislation // Bulletin of the Ural Federal District. Security in the information sphere. 2021. No. 2(40). P. 65–71. (In Russ.)
14. Koloskov A. M. Features of disciplinary responsibility of employees of the penal system // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2009. No. 8. P. 44–46. (In Russ.)
15. Kuchinskaya A. V. Correlation of disciplinary and administrative responsibility of employees of the penal system for committing administrative offenses // State service of the Russian Federation: search for an effective model, legal and managerial aspects: collection. mat. of all-Russian scientific and practical conf. St. Petersburg, 2022. P. 237–241. (In Russ.)

Информация об авторе:

О. В. Кириловский, кандидат юридических наук.

Information about the author:

O. V. Kirilovsky, Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 25.12.2023; одобрена после рецензирования 01.03.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 25.12.2023; approved after reviewing 01.03.2024; accepted for publication 21.06.2024.

**РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
В ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ****Ольга Петровна Толкачева¹, Александр Владимирович Грачев²**^{1,2} Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия¹olg-ol@mail.ru, ²grachevalexunder@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается место органов внутренних дел в цифровизации экономики, при определении которого авторы исходили из различных статусов подразделений органов внутренних дел в цифровой экономике (хозяйствующий субъект цифровой экономики; субъект финансового контроля; субъект, осуществляющий противодействие преступлениям; субъект образовательной системы). Предложенные позиции органов внутренних дел в цифровой экономике позволили определить целевые ориентиры предложений и рекомендаций, направленных на повышение эффективности деятельности органов внутренних дел в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровая экономика, органы внутренних дел, роль, цифровизация.

Для цитирования: Толкачева О. П., Грачев А. В. Роль органов внутренних дел в цифровизации экономики // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 2 (104). С. 36–43.

Original article

**THE ROLE OF INTERNAL AFFAIRS BODIES
IN THE DIGITALIZATION OF THE ECONOMY****Olga P. Tolkacheva¹, Alexander V. Grachev²**^{1,2} St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg, Russia¹olg-ol@mail.ru, ²grachevalexunder@rambler.ru

Abstract. The article examines the place of internal affairs bodies in the digitalization of the economy, in determining of which the authors proceeded from various statuses of internal affairs units in the digital economy (an economic entity of the digital economy; a subject of financial control; a subject engaged in countering crimes; a subject of the educational system). The proposed positions of the internal affairs bodies in the digital economy made it possible to determine the targets of proposals and recommendations aimed at improving the efficiency of the internal affairs bodies in the digital economy.

Keywords: digital economy, internal affairs bodies, role, digitalization.

For citation: Tolkacheva O. P., Grachev A. V. The role of internal affairs bodies in the digitalization of the economy // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (104). P. 36–43. (In Russ.)

Введение

Цифровая экономика – это объективная реальность, окружающая нас в настоящее время. Процесс цифровизации экономики и ее результат – цифровую экономику – можно рассматривать:

– как фактор, способствующий обеспечению безопасности страны и отдельных хо-

зяйствующих субъектов за счет: роста производительности труда; экономии ресурсов; сокращения рисков угроз, источником которых выступает человеческий фактор; повышения доступности людей к информации, товарам, услугам; повышения прозрачности хозяйственной деятельности; создания информационных технологий, применяемых

непосредственно для целей обеспечения экономической безопасности;

– как фактор, несущий новые риски для безопасности страны и отдельных хозяйствующих субъектов, прежде всего, за счет использования цифровых технологий в преступных целях.

Так цифровые технологии могут быть использованы для целей:

– совершения киберпреступлений (финансовое мошенничество; вымогательство (шантаж));

– содействия в совершении преступлений (финансирование экстремизма и терроризма; сокрытие преступлений и уход от ответственности);

– ведения теневой (нелегальной) торговли (сеть Даркнет).

Здесь можно выделить следующие отрицательные последствия:

– прямой ущерб от киберпреступлений (похищенные средства цифровыми мошенниками; средства, выплаченные киберпреступнику в рамках шантажа; потери, связанные с остановкой (замедлением) деятельности хозяйствующего субъекта, подвергшегося кибератакам; потери, связанные с восстановлением нормального функционирования после кибератак);

– косвенный ущерб (затраты на обеспечение информационной безопасности);

– неготовность правоохранительной системы к противодействию новым видам преступлений, вызванных цифровизацией экономики.

Степень распространения и указанные выше последствия цифровизации экономики не позволяют оставаться в стороне от них органам внутренних дел.

Методы

При написании статьи использовались следующие методы:

– анализ нормативных основ цифровизации в деятельности органов внутренних дел;

– анализ научных работ, посвященных влиянию процессов цифровизации на деятельность органов внутренних дел и использованию органами внутренних дел в своей деятельности цифровых технологий;

– анализ статистической информации о результатах деятельности органов внутренних дел по противодействию преступлениям, совершенным с использованием информационно-коммуникационных технологий;

– метод формальной логики и структурирования.

Результаты

Можно выделить два направления взаимодействия процессов цифровизации и органов внутренних дел:

– во-первых, процессы цифровизации экономики оказывают влияние на функционирование органов внутренних дел;

– во-вторых, органы внутренних дел выступают активным субъектом цифровизации экономики.

Цифровизация деятельности органов внутренних дел нашла отражение в ведомственных документах стратегического характера, к которым следует отнести:

1. Концепцию реализации в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации государственной политики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации, утвержденную приказом МВД России от 14 октября 2021 г. № 760.

2. Ведомственную программу цифровой трансформации МВД России на 2022–2024 годы, утвержденную Распоряжением МВД России от 11 января 2022 г. № 1/37.

Далее приведем результаты деятельности органов внутренних дел по противодействию преступлениям, совершенным с использованием информационно-коммуникационных технологий. Анализ осуществлен по данным ГИАЦ МВД России.

За период 2020–2022 гг. выросло количество выявленных сотрудниками органов внутренних дел преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, с 505493 в 2020 году до 522065 в 2022 году (на 18572 или 3,69 %). Увеличилась доля выявленных сотрудниками органов внутренних дел преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, в общем количестве выявленных пре-

ступлений с 24,63 % в 2020 году до 26,54 % в 2022 году.

Наиболее существенный рост произошел по преступлениям: экстремистской направленности и террористического характера – 187,04 %; связанным с незаконным оборотом наркотиков – 37,42 %; экономической направленности – 26,78 %.

Основным субъектом выявления преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, являются: сотрудники подразделений уголовного розыска; сотрудники подразделения информационно-телекоммуникационных технологий; следователи.

Анализ динамики показателей раскрываемости преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, свидетельствует о росте раскрываемости всех преступлений данного вида с 15,99 % в 2020 году до 25,57 % в 2022 году; преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, с 50,32 % в 2020 году до 59,05 % в 2022 году. Раскрываемость преступлений экстремистской направленности и террористического характера выросла с 65,23 % в 2020 году до 81,08 % в 2022 году, а преступлений экономической направленности – с 15,99 % в 2020 году до 25,57 % в 2022 году.

За рассматриваемый период произошло сокращение: на 33,57 % преступлений, совершенных с использованием банковских карт; на 25,2 % преступлений, совершенных с использованием программных средств; на 14,09 % преступлений, совершенных с использованием фиктивных электронных платежей; на 35,39 % преступлений, совершенных с использованием SIP-телефонии. Произошел рост: на 20,65 % преступлений, совершенных с использованием сети Интернет; на 38,28 % преступлений, совершенных с использованием социальных сетей; на 16,88 % преступлений, совершенных с использованием интернет-мессенджеров; на 20,65 % преступлений, совершенных с использованием электронных платежных систем. Появились преступления, совершенные с использованием: Ddos-атак, сети

Даркнет, фишингового поддельного сайта или ссылки.

Влияние процессов цифровизации на деятельность органов внутренних дел, использование органами внутренних дел в своей деятельности цифровых технологий стали объектами внимания научной мысли. Данные проблемы освещены в работах: И. А. Кубасова [1, с. 180], М. С. Романова, А. Я. Дидюка, Н. М. Трифоненко, Д. В. Солодянкина [2, с. 48], Б. В. Секисова [3, с. 90], А. А. Теппеева, З. Х. Урусова, Г. С. Краинской [4], Б. А. Торопова, Ш. Х. Гонова [5, с. 160], И. В. Горошко [6, с. 98]

И. А. Кубасов в своей статье отразил: «проблемные вопросы нормативно-правового и методического обеспечения применения систем и технологий искусственного интеллекта; проблемные вопросы обеспечения безопасности применения систем и технологий искусственного интеллекта; основные проблемы, препятствующие эффективному развитию и внедрению технологий искусственного интеллекта в интересах обеспечения безопасности государства; научные исследования и перспективные разработки в области интеллекта в интересах МВД России» [1, с. 180].

М. С. Романов, А. Я. Дидюк, Н. М. Трифоненко и Д. В. Солодянкин рассматривают «практические возможности внедрения инновационных технических средств, специальных программных комплексов и иных инновационных технических продуктов в процесс расследования и раскрытия преступлений, поднимают проблемы повышения квалификации и обучения сотрудников полиции в части подготовки квалифицированных специалистов в области применения технологий искусственного интеллекта и беспилотных летательных аппаратов в системе МВД России» [2, с. 48].

Б. В. Секисов и И. А. Кубасов провели ретроспективный анализ развития информационных технологий в управлении органами внутренних дел Российской Федерации и выделили три этапа развития. По их мнению, в настоящее время проходит этап цифровой трансформации МВД России [3, с. 90].

А. А. Тепшеев, З. Х. Урусов, Г. С. Краинская отразили цифровые технологии, используемые подразделениями МВД России, выделив среди них: автоматизированные информационно-поисковые системы; автоматизированные информационно-справочные системы; экспертные системы; автоматические системы для создания портретов; автоматизированные дактилоскопические информационные системы; автоматизированные системы для контроля за перемещением и поиска транспортных средств [4].

Б. А. Торопова, Ш. Х. Гонова провели исследование готовности сотрудников полиции к внедрению искусственного интеллекта в оперативно-служебную деятельность органов внутренних дел. В результате они пришли к выводу о том, что «личный состав подразделений МВД России все же в большинстве своем имеет слабые или умеренные представления о возможностях и ограничениях, связанных с внедрением и использованием искусственного интеллекта. Это, безусловно, выступает сдерживающим фактором процесса цифровой трансформации системы МВД России в целом» [5, с. 160].

Обращено внимание на использование цифровых технологий правоохранительными органами для противодействия коррупции. Данная проблема рассматривалась в работах: Д. М. Фарахиева, Д. Ф. Минзяновой [7, с. 60], О. А. Грачевой, И. Н. Вишневецкой [8, с. 140], А. Г. Кравченко, А. И. Овчинникова, А. Ю. Мамычева, С. А. Воронцова [9, с. 26], О. Л. Усманова [10, с. 567], Д. В. Крылова [11, с. 241], А. И. Овчинникова [12, с. 158], А. К. Мойсиевской [13, с. 62], З. И. Сичинавы [14, с. 97], О. И. Мирошниченко [15, с. 136].

В целом можно сделать вывод о том, что основное внимание в имеющихся в настоящее время научных статьях уделено применению цифровых технологий для противодействия преступлениям, где, как правило, отражаются:

- имеющиеся цифровые технологии, используемые органами внутренних дел для противодействия преступности;
- перспективные цифровые технологии, которые должны быть внедрены в деятель-

ность органов внутренних дел, для повышения эффективности деятельности;

- проблемы выявления и расследования преступлений, совершаемых с применением информационно-коммуникационных технологий.

Безусловно, такое положение дел объясняется тем, что противодействие преступности является основной функцией и целью создания органов внутренних дел. Однако считаем, что место органов внутренних дел в цифровизации экономики несколько шире, чем противодействие преступлениям, совершаемым с применением информационно-коммуникационных технологий.

Предлагаем рассматривать различные статусы подразделений органов внутренних дел в цифровой экономике:

1. Органы внутренних дел – хозяйствующий субъект цифровой экономики:

- пользователь цифровыми технологиями как налогоплательщик;
- пользователь цифровыми технологиями как участник бюджетного процесса;
- пользователь цифровыми технологиями как заказчик в системе закупок для обеспечения государственных нужд;
- пользователь цифровыми технологиями для целей управления трудовыми (кадровыми) ресурсами;
- разработчик, администратор и пользователь цифровыми технологиями для целей оказания государственных услуг.

Используемые цифровые технологии (по данным Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2022–2024 годы, утвержденной Распоряжением МВД России от 11 января 2022 г. № 1/37): ИСОД МВД России, «Такснет», СБиС «Электронная отчетность», «Комита Отчет», ПО «Инфо-бухгалтер», ПО «СМАРТ-Администратор», Программный комплекс «Региональная система учета государственных и муниципальных платежей», «1С: Бухгалтерия государственного учреждения», «1С: Зарплата и кадры государственного учреждения», «Такском-Спринтер», Программа для ЭВМ «Астрал Отчет», «Парус-Бюджет 8», «Профиттер-Каскад», «Кон-

тур-Экстерн», «КАМИН: Расчет заработной платы для бюджетных учреждений», Электронная Система «Госфинансы», Информационно-справочная система «Спарк-Маркетинг», «Электронный бюджет», «Налог-3», единая информационная система в сфере закупок; государственная информационная система «Независимый регистратор», единый агрегатор торговли «Березка», «Госуслуги», Информационная система «Планы».

2. Органы внутренних дел – субъект финансового контроля:

– пользователь цифровыми технологиями как субъект ведомственного финансового контроля;

– пользователь цифровыми технологиями как субъект внутреннего финансового аудита;

– пользователь цифровыми технологиями как субъект внутреннего финансового аудита.

Используемые цифровые технологии: «Финансовый контроль-СМАРТ», «Финансовый бюджетный контроль».

3. Органы внутренних дел – субъект, осуществляющий противодействие преступлениям:

– разработчик, администратор и пользователь цифровыми технологиями, направленными на обеспечение правоохранительной деятельности;

– субъект, осуществляющий противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий;

– субъект, участвующий в разработке нормативных правовых актов, регламентирующих использование цифровых технологий, с целью минимизации рисков правоохранительного характера.

4. Органы внутренних дел – субъект образовательной системы:

– пользователь образовательными цифровыми технологиями;

– субъект, формирующий компетенции для работы с цифровыми технологиями.

Используемые цифровые технологии: сайт образовательной организации, электронные библиотеки, «Апекс-вуз», «Moodle», справочно-правовые системы и др.

Противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, оказывает следующий эффект на процессы дикриминализации цифровой экономики:

а) выявление и раскрытие совершенных преступлений влечет за собой:

– применение санкций к преступникам и их исключение из экономической системы (лиц, совершивших преступления, и информационно-коммуникационных технологий, используемых для совершения преступлений);

– возмещение материального ущерба;

– предупреждение (профилактика) преступлений в будущем (со стороны выявленных лиц за счет их исключения из экономической системы; со стороны лиц, потенциально готовых совершить преступления за счет сдерживающего эффекта от информирования участников экономической системы о выявлении преступлений и применении санкций к преступникам);

б) обобщение опыта противодействия преступлений в формах:

– разработки методических рекомендаций по выявлению, документированию и расследованию новых видов и форм совершения преступлений (которые могут быть использованы практиками и образовательными организациями);

– разработки новых цифровых технологий для правоохранительных целей и методических рекомендаций по их применению;

– разработки предложений по изменению нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность хозяйствующих субъектов в цифровой экономике, для минимизации рисков правоохранительного характера.

Заключение

Представленные нами позиции органов внутренних дел в цифровой экономике позволяют определить целевые ориентиры предложений и рекомендаций, направленных на повышение эффективности деятельности органов внутренних дел в условиях цифровой экономики:

а) мероприятия, направленные на повышение эффективности использования циф-

ровых технологий органами внутренних дел как хозяйствующего субъекта цифровой экономики:

- закупка современных персональных компьютеров;
- улучшение качества работы сети Интернет;
- решение проблемы ограниченности использования персональных компьютеров, подключенных к системе ИСОД;
- обучение в рамках программ высшего образования, дополнительного образования сотрудников для работы с соответствующими цифровыми технологиями;
- решение проблемы обеспечения сотрудников органов внутренних дел электронной цифровой подписью;
- реализация мероприятий по цифровой трансформации государственных услуг МВД России:
- повышение защищенности ведомственной информации без ущерба для работы пользователей;

б) мероприятия, направленные на повышение эффективности использования цифровых технологий органами внутренних дел как хозяйствующего субъекта финансового контроля:

- цифровая трансформация контрольно-надзорной деятельности МВД России;
- разработка (закупка) и распространение специализированных программ автоматизации ведомственного финансового контроля, внутреннего финансового аудита, внутреннего финансового контроля;

в) мероприятия, направленные на повышение эффективности использования цифровых технологий органами внутренних дел

как хозяйствующего субъекта, осуществляющего противодействие преступлениям:

- внедрение технологий искусственного интеллекта в деятельность по выявлению и раскрытию преступлений;
- продолжение работы по цифровизации криминалистических банков данных;
- обучение в рамках программ высшего образования, дополнительного образования сотрудников для работы с соответствующими цифровыми технологиями (повышение общей и специальной цифровой грамотности сотрудников органов внутренних дел);
- разработка методических рекомендаций по выявлению, документированию и расследованию новых видов и форм совершения преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий;
- г) мероприятия, направленные на повышение эффективности использования цифровых технологий органами внутренних дел как хозяйствующего субъекта образовательной системы:

- улучшение материально-технического обеспечения образовательных организаций системы МВД России (создание или закупка программных продуктов, симуляторов автоматизированных информационных систем, используемых на практике для внедрения в образовательный процесс; закупка современных персональных компьютеров; улучшение качества работы сети Интернет);
- повышение цифровых компетенций преподавателей;
- повышение доступности цифровых образовательных технологий (доступ в электронные библиотеки, информационно-справочные системы).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кубасов И. А. Проблемные вопросы применения технологий искусственного интеллекта в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 3. С. 180–186.
2. Романов М. С., Дидюк А. Я., Трифоненко Н. М., Солодянкин Д. В. Воздействие цифровизации на деятельность органов МВД России // Юридическая наука. 2022. № 7. С. 48–51.
3. Кубасов И. А., Секисов Б. В. Ретроспективный анализ развития информационных технологий в управлении органами внутренних дел Российской Федерации // Академическая мысль. 2021. № 4 (17). С. 90–93.

4. Тепшеев А. А., Урусов З. Х., Краинская Г. С. Применение цифровых технологий в деятельности ОВД // Право и управление. 2022. № 9. С. 107–110.
5. Торопов Б. А., Гонов Ш. Х. Результаты исследования готовности сотрудников полиции к внедрению искусственного интеллекта в оперативно-служебную деятельность органов внутренних дел Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 2 (62). С. 160–167. DOI 10.24412/2072-9391-2022-262-160-167.
6. Горошко И. В. Цифровизация – современный тренд развития правоохранительных органов // Обозреватель. 2022. № 2 (385). С. 98–110. DOI 10.48137/2074-2975_2022_02_98.
7. Фарахияев Д. М., Минзянова Д. Ф. Перспективы внедрения информационно-коммуникационных технологий в деятельность оперативных подразделений полиции по противодействию коррупции // Современная наука. 2022. № 1. С. 60–63.
8. Грачева О. А., Вишневецкая И. Н. Использование информационных технологий в деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией // Вестник СГЮА. 2021. № 5 (142). С. 212–217.
9. Кравченко А. Г., Овчинников А. И., Мамычев А. Ю., Воронцов С. А. Использование цифровых технологий в сфере противодействия коррупции // Административное и муниципальное право. 2020. № 6. С. 52–62.
10. Усманова О. Л. Использование цифровых технологий в расследовании преступлений коррупционной направленности в сфере здравоохранения // Устойчивое развитие России: правовое измерение: сборник докладов X Московского юридического форума. В 3-х частях. М.: Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина, 2023. С. 567–570.
11. Крылова Д. В., Максименко А. А. Использование искусственного интеллекта в вопросах выявления и противодействия коррупции: обзор международного опыта // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 84. С. 241–255. DOI 10.24412/2070-1381-2021-84-241-255.
12. Овчинников А. И. Противодействие коррупции в условиях цифровизации: возможности, перспективы, риски // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 158–170. DOI 10.12737/jrl.2019.11.12.
13. Мойсиевская А. К. Реализация антикоррупционной политики в условиях цифровизации экономики и общества // Научные записки молодых исследователей. 2018. № 3. С. 62–68.
14. Заречная О. Ю., Сичинава З. И., Черепанов Ф. М., Ясницкий Л. Н. О возможности создания нейро-экспертной системы поддержки принятия решений в сфере продаж // Искусственный интеллект в решении актуальных социальных и экономических проблем XXI века: сборник статей по материалам Второй всероссийской научно-практической конференции, проводимой в рамках Пермского естественнонаучного форума «Математика и глобальные вызовы XXI века». Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2017. С. 97–100.
15. Мирошниченко О. И., Филоненко Т. В. Цифровые технологии как фактор снижения коррупционных проявлений в судебной системе // Правовая парадигма. 2020. Т. 19. № 2. С. 136–143. DOI 10.15688/lc.jvolsu.2020.2.20.

REFERENCES

1. Kubasov I. A. Problematic issues of using artificial intelligence technologies in the activities of internal affairs bodies of the Russian Federation // Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 3. P. 180–186. (In Russ.)
2. Romanov M. S., Didyuk A. Ya., Trifonenko N. M., Solodyankin D. V. The impact of digitalization on the activities of the Russian Ministry of Internal Affairs // Legal Science. 2022. No. 7. P. 48–51. (In Russ.)
3. Kubasov I. A., Sekisov B. V. Retrospective analysis of the development of information technologies in the management of internal affairs bodies of the Russian Federation // Academic thought. 2021. No. 4 (17). P. 90–93. (In Russ.)
4. Tepseev A. A., Urusov Z. Kh., Krainskaya G. S. Application of digital technologies in the activities of internal affairs bodies // Law and Management. 2022. No. 9. P. 107–110. (In Russ.)
5. Toropov B. A., Gonov Sh. Kh. Results of a study of the readiness of police officers to implement artificial intelligence in the operational activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2 (62). P. 160–167. DOI 10.24412/2072-9391-2022-262-160-167. (In Russ.)

6. Goroshko I. V. Digitalization is a modern trend in the development of law enforcement agencies // Observer. 2022. No. 2 (385). P. 98–110. DOI 10.48137/2074-2975_2022_02_98. (In Russ.)
7. Farakhiev D. M., Minzyanova D. F. Prospects for the implementation of information and communication technologies in the activities of operational police units to combat corruption // Modern Science. 2022. No. 1. P. 60–63. (In Russ.)
8. Gracheva O. A., Vishnevetskaya I. N. The use of information technologies in the activities of law enforcement agencies in the fight against corruption // Bulletin of the State Law Academy. 2021. No. 5 (142). P. 212–217. (In Russ.)
9. Kravchenko A. G., Ovchinnikov A. I., Mamychev A. Yu., Vorontsov S. A. The use of digital technologies in the field of anti-corruption // Administrative and municipal law. 2020. No. 6. P. 52–62. (In Russ.)
10. Usmanova O. L. The use of digital technologies in the investigation of corruption crimes in the healthcare sector // Sustainable development of Russia: legal dimension: collection of reports of the X Moscow Legal Forum. In 3 parts. Moscow: Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, 2023. P. 567–570. (In Russ.)
11. Krylova D. V., Maksimenko A. A. The use of artificial intelligence in identifying and combating corruption: a review of international experience // Public Administration. Electronic newsletter. 2021. No. 84. P. 241–255. DOI 10.24412/2070-1381-2021-84-241-255. (In Russ.)
12. Ovchinnikov A. I. Anti-corruption in the context of digitalization: opportunities, prospects, risks // Journal of Russian Law. 2019. No. 11. P. 158–170. DOI 10.12737/jrl.2019.11.12. (In Russ.)
13. Moisievskaia A.K. Implementation of anti-corruption policy in the context of digitalization of the economy and society // Scientific notes of young researchers. 2018. No. 3. P. 62–68. (In Russ.)
14. Zarechnaya O. Yu., Sichinava Z. I., Cherepanov F. M., Yasnitsky L. N. On the possibility of creating a neuro-expert system for supporting decision-making in the field of sales // Artificial intelligence in solving current social and economic problems of the XXI century: a collection of articles based on the materials of the Second All-Russian Scientific and Practical Conference, held within the framework of Perm Natural Science Forum “Mathematics and Global Challenges of the 21st Century”. Perm: Perm State National Research University, 2017. P. 97–100. (In Russ.)
15. Miroshnichenko O. I., Filonenko T. V. Digital technologies as a factor in reducing corruption in the judicial system // Legal paradigm. 2020. Vol. 19. No. 2. P. 136–143. DOI 10.15688/lc.jvolsu.2020.2.20. (In Russ.)

Информация об авторах:

О. П. Толкачева, кандидат экономических наук;
А. В. Грачев, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors:

O. P. Tolkacheva, Candidate of Economy;
A. V. Grachev, Candidate of Economy, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 07.07.2023; одобрена после рецензирования 17.03.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 07.07.2023; approved after reviewing 17.03.2024; accepted for publication 21.06.2024.

Научная статья
УДК 347.15/18

**НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ РАЗРЕШЕНИЯ ВОПРОСЫ
ПРИ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА
В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Сергей Леонидович Дегтярев

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, dsl001@mail.ru

Аннотация. В связи с цифровизацией общественных отношений и в гражданском праве, и в гражданском процессе на сегодняшний день большие проблемы вызывает идентификация субъектов как в гражданских, так в дальнейшем и в гражданских процессуальных правоотношениях. Заключая гражданско-правовые сделки в цифровом пространстве и в сети Интернет, мы зачастую даже не задумываемся о том, кто является нашим контрагентом по договору при оплате услуг и товаров. Естественно, иногда мы даже не задумываемся, какой собственно гражданско-правовой договор заключаем, не говоря уже, подпадает ли этот договор под юрисдикцию судебной власти в Российской Федерации. При возбуждении и рассмотрении гражданского дела о компенсации морального вреда у потерпевшего возникает ряд уже процессуальных вопросов, без разрешения которых невозможно будет выиграть дело. Например, это вопросы подведомственности, подсудности, определения предмета доказывания по делу, определение необходимых доказательств, обоснование размера компенсации морального вреда.

Ключевые слова: физическое лицо, идентификация, предмет доказывания, необходимые доказательства, компенсация морального вреда.

Для цитирования: Дегтярев С. Л. Необходимые для разрешения вопросы при компенсации морального вреда в гражданском судопроизводстве // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 2 (104). С. 44–50.

Original article

**ISSUES NECESSARY TO RESOLVE WHEN COMPENSATING
FOR MORAL DAMAGES IN CIVIL PROCEEDINGS**

Sergey L. Degtyarev

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Yekaterinburg, Russia, dsl001@mail.ru

Abstract. Today the identification of subjects both in civil and, in the future, in civil procedural legal relations causes great problems in connection with the digitalization of public relations both in civil law and in civil proceedings. When concluding civil transactions in the digital space and on the Internet, we often don't even think about who our contractual counterparty is when paying for services and goods. Naturally, sometimes we don't even think about what kind of civil law agreement we are concluding, not to mention whether this agreement falls under the jurisdiction of the judiciary in the Russian Federation. When initiating and considering a civil case for compensation for moral damage, the victim faces a number of procedural issues, without the resolution of which it will be impossible to win the case. For example, these are issues of jurisdiction, suability, determination of the subject of proof in the case, determination of the necessary evidence, justification of the amount of compensation for moral damage.

Keywords: individual, identification, subject of proof, necessary evidence, compensation for moral damage.

© Дегтярев С. Л., 2024

For citation: Degtyarev S. L. Issues necessary to resolve when compensating for moral damage in civil proceedings // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (104). P. 44–50. (In Russ.)

Введение

Первый вопрос, с которым мы сталкиваемся в современном цифровом мире в случае нарушения наших субъективных гражданских прав в цифровом пространстве, говоря процессуальным языком, это необходимость определиться с надлежащим ответчиком, а зачастую и с надлежащим истцом, ведь не всегда, вступая в договорные правоотношения в цифровом пространстве, мы действуем от своего имени или только в своих интересах. Например, при заказе такси или доставки товара для группы лиц, оплате билетов и аренды жилья не только для себя, но и для других лиц и компаний на интернет-площадках, которые предоставляют только интернет-пространство для размещения информации и т. д. Еще большую актуальность приобретает необходимость определения надлежащего ответчика в случае возникновения деликтов на цифровом пространстве в сети Интернет и т. п., так как зачастую мы сталкиваемся с ситуацией о необходимости привлечения к ответственности нескольких лиц (соответчиков, например, при так называемом обязательном соучастии) и т. д. Правонарушения в гражданской сфере несут для потерпевших негативные последствия в виде имущественных потерь (убытков) и (либо) в виде нарушения личных неимущественных прав.

Методы

Методологической основой исследования выступают следующие методы познания: системно-структурный, описательно-аналитический и формально-исторический, применение которых позволило проанализировать вопросы компенсации морального вреда в гражданском судопроизводстве.

Результаты

Необходимость возмещения понесенных имущественных утрат и потерь стояла перед человечеством всегда. С момента установления товарно-денежных отношений в обществе стал особенно актуальным

вопрос о защите прав и законных интересов имущественного характера участников этих отношений. Одним из древнейших и основополагающих институтов в защите нарушенных прав является институт возмещения убытков, который сохраняет свое значение по сей день. Возмещение убытков как один из видов гражданско-правовой ответственности в силу своей правовой природы применяется при регулировании не только внутригосударственных, но и международных отношений [1; 2]. Современные же реалии свидетельствуют о том, что все чаще и все больше становится необходимость гражданина в защите прав неимущественного характера, личных неимущественных прав и законных интересов гражданина. В связи с этим определяющими становятся два вопроса, на которые приходится отвечать любому потерпевшему: во-первых, что это за права и интересы, которые он считает нарушенными, а во-вторых, в каком порядке их следует защищать и возможна ли их реальная защита.

Первый вопрос (понятие морального вреда и т. п.) требует более подробного освещения в специальном исследовании, а вот отвечая на поставленный выше второй вопрос, выясняется, что последовательно приходится отвечать на более простые, но от этого не менее важные вопросы, подлежащие разрешению в их логической последовательности:

– вид юридической ответственности, к которой может быть привлечен причинитель морального вреда;

– стороны в данном спорном правоотношении (надлежащие истец и надлежащий ответчик, правосубъектность этих субъектов, как гражданско-правовая, так и гражданская процессуальная);

– основания и условия привлечения к исследуемой нами гражданско-правовой ответственности. Следует отметить, что в материальном праве это называется «состав

правонарушения», в процессуальной науке – это первоначально «основание иска», затем «предмет доказывания» по делу, элемент мотивировочной части судебного решения, в дальнейшем может рассматриваться как обоснованность или необоснованность судебного решения, например, как основание для обжалования и т. п. Ввиду этого здесь прослеживается взаимосвязь материального права с правом процессуальным, а именно правом на предъявление иска, предметом доказывания по делу, необоснованностью судебного решения, основаниями для обжалования судебного решения и другими процессуальными нормами и институтами;

– определение подведомственности и подсудности (как предметной, родовой, так и территориальной) спора (в настоящее время особо актуальным стала необходимость определения не только вида судопроизводства (гражданского, арбитражного, административного, конституционного, уголовного), но и вида производства в рамках, например, гражданского судопроизводства (искового, приказного, упрощенного, особого и т. д.);

– выполнение действий, реализующих порядок предъявления иска, который включает в себя целый комплекс процессуальных обязанностей (составление искового заявления, оплата госпошлины, соблюдение при необходимости претензионного порядка, рассылка копий искового заявления и других документов лицам, участвующим в деле, выбор одного из трех способов обращения в судебный орган (лично, посредством почты (направления почтовой корреспонденции), посредством электронного обращения) и т. д.);

– выполнение обязанности по доказыванию в возбужденном судебном процессе (правильное определение предмета доказывания по делу, соблюдение возложенных обязанностей по выявлению, сбору, раскрытию и представлению необходимых доказательств, оценка в процессе доказательств с точки зрения их свойств – относимости, допустимости, достоверности, достаточности, взаимосвязи и др.);

– соблюдение процессуальных сроков;

– использование процессуальных возможностей по обжалованию судебных актов (по существу, в силу требования гражданской процессуальной формы: действий судьи, суда, органов судебной власти, обличенных в судебные акты и т. д.).

Практика и реальная действительность показывают, что для реализации всего этого придется столкнуться с необходимостью определения содержания как минимум следующих юридических дефиниций: юридическая ответственность, гражданско-правовая ответственность, моральный вред, компенсация морального вреда, право на имя или псевдоним. К сожалению, гражданам, не обладающим юридическими знаниями, это представляется затруднительным, поэтому попытаемся вместе с читателем ответить на некоторые из этих вопросов в настоящем исследовании.

Таким образом, подтверждая взаимосвязь материального и процессуального, в нашем случае гражданского права и гражданского процесса (в широком его понимании), рассмотрим гражданско-правовую ответственность с процессуальных позиций. Необходимость связана как с научной, так и практической точками зрения, т. к. теоретические наработки, отраженные в нормах гражданского права, встречаются с действительностью в рамках конкретного рассматриваемого гражданского дела органом судебной власти. В свою очередь, рассмотрение гражданского дела невозможно без применения норм гражданского процессуального права. Взаимопроникновение, а соответственно, и взаимосвязь между материальным и процессуальным проходит, прежде всего, по доказательственной деятельности, результаты которой и выступают мерилем действительности той или иной нормы как материального, так и процессуального права, того или иного ее положения, что отражается в результатах судебной деятельности – судебных актах. Несмотря на то, что компенсация морального вреда на настоящий момент возможна не только в денежной, но и в натуральной форме, понятно,

что речь не идет об ответственности «око за око» (по общему правилу моральный вред компенсируется в денежной форме (пункт 1 статьи 1099 и пункт 1 статьи 1101 ГК РФ): причинитель вреда вправе добровольно предоставить потерпевшему компенсацию морального вреда как в денежной, так и в иной форме (например, в виде ухода за потерпевшим, в передаче какого-либо имущества (транспортного средства, бытовой техники и т. д.), в оказании какой-либо услуги, в выполнении самим причинителем вреда или за его счет работы, направленной на сглаживание (смягчение) физических и нравственных страданий потерпевшего))¹, именно денежное наполнение размера гражданско-правовой ответственности, особо подчеркнем – практически любой гражданско-правовой ответственности, позволяет нам сделать следующие выводы.

Если первые три обстоятельства – противоправность, причинно-следственная связь и вина, присущи всем видам гражданско-правовой ответственности и по своей сущности (внутреннему содержанию) не отличаются друг от друга при выборе потерпевшим гражданско-правового способа защиты в рамках гражданско-правовой ответственности (не определяют сам выбранный способ защиты, не позволяют сказать, что за способ защиты выбран – возмещение убытков, если убытков, то каких – реального ущерба или упущенной выгоды, компенсация морального вреда или взыскание неустойки и т. п.), то именно размер этой ответственности является ключевым в этой форме ответственности, и именно механизм определения этого размера и разграничивает гражданско-правовые способы защиты один от другого. Точнее говорить, именно не о размере, а о предусмотренном в законе механизме определения этого размера ответственности. В общих чертах, с точки зрения закрепления этот механизм может содержаться в нормах закона или устанавливаться

договором сторон; может устанавливаться в твердой денежной сумме, процентах и т. п., либо определяться суммой понесенного ущерба, аналогичного утраченному товару, его свойствам, рыночной цене и т. д.

Конечный результат – это денежная сумма, к выплате которой присуждается ответчик, но вот именно механизм, порядок ее определения, эквиваленты, применяемые формулы, стандарты для сравнения, определение минимальных и максимальных границ этой денежной суммы в зависимости от закона, договора, жизненных обстоятельств и судебной практики, – все это и позволяет с процессуальной точки зрения разграничить формы гражданско-правовой ответственности и способы защиты гражданских прав на практике, что проявляется, еще раз подчеркнем, в доказательственной деятельности участников гражданского процесса (в широком его понимании).

Компенсация морального вреда как вид гражданско-правовой ответственности и способ защиты гражданских прав основан на предоставлении возможности человеку защищать свои личные неимущественные права. Естественно, что сначала они (эти права) должны были появиться и сформироваться как правовые категории, одновременно с этим появлялся и формировался правовой механизм их защиты.

Вслед за М. И. Лухмановым согласимся, что в Древнем Риме область неимущественных интересов, признаваемых и защищаемых правом, была совсем небольшой. Но по прошествии столетий вместе с культурным развитием общества и ростом материального благосостояния людей повышается значение идеальных потребностей, и все больше неимущественных интересов конкретной человеческой личности требуют от права своего признания и защиты. Так было, по его мнению, «с областью прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации – так называемой интел-

¹ О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 (п. 24) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

лектуальной собственностью, неизвестной римскому праву. Тот же путь проделали и личные неимущественные права – право на имя, честь, достоинство, деловую репутацию и т. д. Постепенно гражданское право стало защищать в широких или узких пределах физическую человеческую целостность, а также душевные чувства и психическое равновесие, позволяя в разнообразных формах денежную компенсацию в случаях противоправного посягательства на тонкую человеческую организацию» [3; 4].

Компенсация морального вреда является достаточно молодым институтом для современного российского гражданского права, закрепленного в качестве способа защиты гражданских прав. Возможности компенсировать через орган судебной власти причиненный потерпевшему моральный вред в его денежном эквиваленте в советском гражданском, тем более уголовном и административном законодательстве не предусматривалось, а сама возможность получения компенсации за понесенный моральный вред оформилась законодательно только в 1990 году [5; 6].

С включением института компенсации морального вреда в действующее правовое пространство мы фактически вернулись к истокам нашего дореволюционного гражданского права, т. к. досоветскому (дореволюционному) российскому законодательству и судебной практике институт компенсации морального вреда в его денежном эквиваленте был известен и успешно применялся.

Известный российский правовед того времени Д. И. Мейер, выделяя «гражданское вознаграждение» и «гражданское наказание» как негативные последствия гражданского правонарушения для лица, совершившего эти противозаконные действия, указывал, что «гражданское наказание» могло применяться и к таким противозаконным действиям, которые вовсе не составляют нарушения имущественного права. Так, пишет он, гражданское наказание налагается за личную обиду [7, с. 261]. Интересны в связи с этим основания применения такого граж-

данского наказания и приводимые автором примеры из существовавшей тогда судебной практики. Д. И. Мейер указывает, что, конечно, с личной обидой может соединяться и имущественный вред: например, наносится оскорбления врачу, вследствие чего он лишается врачебной практики. «Но все-таки личная обида сама по себе не нарушает имущественных прав лица, она нарушает право лица, обиженного на честь, на уважение со стороны граждан – одно из тех прав, которые составляют право личности: и вот за нарушение этого права определяется законодательством гражданское наказание, разве бы обиженный потребовал уголовного наказания за обиду» [7, с. 261]. Далее автор дает объяснения, почему личная обида была перенесена из разряда уголовных преступлений в разряд гражданского правонарушения.

В качестве первого и основного выделяется следующее: «... законодательство могло бы всегда признавать за личной обидой характер преступления, потому что для законодательства есть интерес, чтобы граждане дорожили своей честью и охраняли ее. Но законодательство наше придерживается той мысли, что обида не относится непосредственно к общему благу, что она задевает непосредственно только личность частного лица, которое не должно быть лишено возможности являть в случае обиды христианскую добродетель – прощение ближнего» [7, с. 262].

Вторым основанием, предпосылкой для преобразования из уголовной ответственности в гражданскую Д. И. Мейер видит в «исторических преданиях»: «в младенческом быту общества лицо оскорбленное само смывает обиду, и вот законодательство, хотя не признает за гражданином права самоуправно удовлетворять себя за обиду, но все-таки сохраняет за ним право прощать обиду и само преследование ее обращает в действие, относящееся непосредственно к частному лицу».

В-третьих, по мнению автора, «непрощенное вмешательство общественной власти в дела об обидах было бы стеснительно для самих обиженных: какая-нибудь искра

раздувала бы пламя вражды; какой-нибудь случай, который быть может, остался бы безгласным, делался бы общеизвестным и поражал бы доброе имя, скандализировал его» [7, с. 262].

Что же касается размеров гражданско-правовой ответственности в случае признания судом наличия личной обиды («гражданского наказания») по Д. И. Мейеру, то дореволюционное российское законодательство определяло только *maximum* и *minimum* наказания – до 150 рублей серебром, точнейшее же определение меры наказания по каждому отдельному случаю предоставлялось назначать суду, «по соображению знания обиженного лица и его отношения к обидчику» [7, с. 262]. Данное правило определения судом окончательного размера морального вреда, подлежащего компенсации в каждом конкретном случае, сохраняется и в современном гражданском законодательстве России, однако верхних ограничительных пределов такой ответственности в современном гражданском законодательстве не предусмотрено.

Не менее интересным и заслуживающим внимания с точки зрения царящих тогда и сейчас нравов, этических представлений и моральных устоев в обществе представляется то, на что тратились полученные денежные средства за выигранное дело по «личной обиде». Д. И. Мейер на полях своей работы отмечает, что по современным тогда поняти-

ям считалось предосудительным принимать денежную плату в вознаграждение за личную обиду, «и тогда каждый сколько-нибудь порядочный человек, если преследует обидчика судебным порядком и хочет наказать его, то или предъявляет гражданский иск и требует, чтобы штраф был взыскан в пользу какого-либо общественного заведения, или предъявляет иск уголовный; тогда обидчик подвергается или аресту, или денежному штрафу, поступающему в пользу мест заключения» [7, с. 262; 8].

Заключение

Компенсация морального вреда после «забвения» в советский период развития российского права вновь полноправно вернулась в разряд одних из самых широко применяемых на практике способов защиты нарушенных прав и законных интересов личности. В отличие от периода Российской империи из исключительного института компенсация морального вреда в современный период превратилась в обыденный, «рутинный» институт судебной практики, целью которого является не удовлетворение собственной личной обиды и даже не трата взысканных денежных средств на снижение нравственных и физических страданий, связанных с вредом, причиненным личности, а удовлетворение своих ежедневных жизненных потребностей, а где-то даже и обогащение потерпевшего лица за счет имущества причинителя морального вреда.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дегтярев С. Л. Возмещение убытков в гражданском и арбитражном процессе: учебно-практическое пособие. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Волтерс Клувер, 2003. 208 с.
2. Дегтярев С. Л. Гражданско-правовая ответственность и способ защиты личных неимущественных прав в виде компенсации морального вреда // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 4 (40). С. 40–46.
3. Лухманов М. И. Интерес особого пристрастия: защита субъективной неимущественной ценности в имущественном благе. // Опыт цивилистического исследования: сборник статей. Выпуск 3 / рук. авт. кол. и отв. ред. А. М. Ширвиндт, Н. Б. Щербаков. М.: Статут, 2019.
4. Лухманов М. И. Необходимость отнесения вреда на лицо, которому экономически легче нести его последствия, как аргумент для решения проблемы альтернативной каузальности в деликтном праве. 2022. Т. 22. № 1. С. 88–107.
5. Эрделевский А. М. Моральный вред и компенсация за страдания: научно-практическое пособие. М.: Издательство ВЕК, 1998. 188 с.

6. Эрделевский А. М. О компенсации за причинение страданий // Хозяйство и право. 2024. № 2 (565). С. 3–16.
7. Мейер Д. И. Избранные труды: в 2 т. / вступит. слово д-ра юрид. наук, проф. П. В. Крашенинникова. Т. 1. Москва: Статут, 2019. 304 с.
8. Мейер Д.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2003.

REFERENCES

1. Degtyarev S. L. Compensation of losses in civil and arbitration proceedings: educational and practical guide. 2nd ed., rev. and enl. M.: Wolters Kluwer, 2003. 208 p. (In Russ.)
2. Degtyarev S. L. Civil liability and the method of protecting personal non-property rights in the form of compensation for moral harm // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (40). P. 40–46. (In Russ.)
3. Likhmanov M. I. Interest of special predilection: protection of subjective non-property value in a property good. // Experiments in civil law research: collection of articles. Issue 3 / Authors leadership and resp. ed. A. M. Shirvindt, N. B. Shcherbakov. M.: Statute, 2019. (In Russ.)
4. Likhmanov M. I. The need to attribute harm to a person who is economically easier to bear its consequences, as an argument for solving the problem of alternative causation in tort law. 2022. Vol. 22. No. 1. P. 88–107. (In Russ.)
5. Erdelevsky A. M. Moral harm and compensation for suffering: a scientific and practical guide. M.: Publishing House VEK, 1998. 188 p. (In Russ.)
6. Erdelevsky A. M. About compensation for causing suffering // Economy and Law. 2024. No. 2 (565). P. 3–16. (In Russ.)
7. Meyer D. I. Selected works: in 2 volumes / intr. word of Doctor of Law, Prof. P. V. Krasheninnikova. Vol. 1. Moscow: Statute, 2019. 304 p. (In Russ.)
8. Meyer D. I. Russian civil law. M.: Statute, 2003. (In Russ.)

Информация об авторе:

С. Л. Дегтярев, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author:

S. L. Degtyarev, Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 23.05.2024; одобрена после рецензирования 03.06.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 23.05.2024; approved after reviewing 03.06.2024; accepted for publication 21.06.2024.

Научная статья
УДК 347.1

**АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ
ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА
СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Светлана Анатольевна Кудина¹, Павел Валерьевич Надгачаев²

¹ Башкирская академия государственной службы и управления
при Главе Республики Башкортостан, Уфа, Россия

² Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

¹ k.svetlanna@yandex.ru, ² napaval77@mail.ru

Аннотация. Авторами рассмотрены общие положения законодательства о защите чести, достоинства и деловой репутации, основные вопросы условий защиты чести, достоинства сотрудников органов внутренних дел, особенности гражданско-правовой защиты чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел, анализируется право на защиту чести и достоинства сотрудника органов внутренних дел в общеправовом контексте защиты прав любой личности и практика обращений в суд сотрудников органов внутренних дел за защитой чести и достоинства.

Ключевые слова: гражданско-правовая защита, честь, достоинство, сотрудник органов внутренних дел, порочащие сведения, распространение, опровержение, моральный вред.

Для цитирования: Кудина С. А., Надгачаев П. В. Анализ правоприменительной практики по делам о защите чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 2 (104). С. 51–57.

Original article

**ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN CASES
OF PROTECTION OF HONOR AND DIGNITY
OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES**

Svetlana A. Kudina¹, Pavel V. Nadtachaev²

¹ Bashkir Academy of Public Administration and Management
under the Head of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia

² Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

¹ k.svetlanna@yandex.ru, ² napaval77@mail.ru

Abstract. The authors consider the general provisions of the legislation on the protection of honor, dignity and business reputation, the main issues of the conditions for the protection of honor, dignity of employees of internal affairs bodies, features of civil protection of honor and dignity of employees of internal affairs bodies, analyzes the right to protect the honor and dignity of an employee of internal affairs bodies in the general legal context of the protection of the rights of any person and the practice of appeals to the court of law enforcement officers for the protection of honor and dignity.

Keywords: civil protection, honor, dignity, employee of the internal affairs bodies, defamatory information, dissemination, refutation, moral harm.

For citation: Kudina S. A., Nadtachaev P. V. Analysis of law enforcement practice in cases of protection of honor and dignity of employees of internal affairs bodies // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (104). P. 51–57. (In Russ.)

© Кудина С. А., Надгачаев П. В., 2024

Введение

Статья 29 Конституции Российской Федерации¹ гарантирует каждому право свободы мысли и слова, а также право на распространение информации любым законным способом. Важное значение при этом принадлежит статье 17 основного закона государства, устанавливающей правило, по которому реализация прав одним лицом не должна нарушать права других лиц.

В соответствии с частью 1 статьи 23 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Честь и достоинство представляют собой нематериальные блага, неразрывно связанные с личностью, охраняемые не только уголовно-правовыми и административно-правовыми, но и гражданско-правовыми мерами.

Следует обратить внимание на то, что в настоящее время на законодательном уровне не закреплены понятия «честь» и «достоинство», однако в юридической литературе сложилось четкое представление о значении данных понятий [1, с. 129; 2, с. 15; 3, с. 7; 4, с. 103; 5, с. 18; 6, с. 11; 7, с. 30; 8, с. 76; 9, с. 63; 10, с. 214]. Под честью принято понимать объективную (общественную) оценку качеств личности с точки зрения их соответствия принятым в обществе нормам, под достоинством – субъективную (внутреннюю) оценку человеком своих качеств. [11, с. 75].

Материалы и методы

Материалами исследования послужили научные труды в области гражданского права, нормативные акты Российской Федерации, судебная практика. Основными методами, использованными при написании настоящей работы, стали общенаучные и

частно-научные методы, в частности сравнительно-правовой.

Результаты

Согласно пункту 2 статьи 150 Гражданского кодекса Российской Федерации² (далее – ГК РФ) правовое регулирование и защита чести и достоинства осуществляются в соответствии со статьей 12 ГК РФ, а именно общими способами защиты гражданских прав, но с учетом особенностей нарушенного нематериального права, а также характера и степени наступивших последствий совершенного нарушения.

Учитывая, что право на честь и достоинство определено законодателем как абсолютное субъективное право, право, которому противостоит обязанность всех и каждого не нарушать его, гражданин вправе требовать применения соответствующих случаю мер гражданско-правовой защиты от любого лица, нарушившего его [12, с. 151; 13, с. 20].

Механизм гражданско-правовой охраны указанных нематериальных благ закреплен в статье 152 ГК РФ. В соответствии с пунктом 1 статьи 152 ГК РФ гражданин (в том числе сотрудник органов внутренних дел) вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности.

Исходя из равенства всех перед законом, статус отдельных граждан, в том числе сотрудников органов внутренних дел, не влияет на подходы в решении вопросов гражданско-правовой защиты прав на честь и достоинство [14, с. 86; 15, с. 73].

Для законодателя сотрудник имеет образ обычной личности, который отражает факт состояния лица в служебной взаимосвязи

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.05.2024).

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

с государством. Принципиальная позиция гражданско-правового подхода к защите чести и достоинства заключается в том, что каждый гражданин независимо от статуса, роли в обществе имеет право ожидать того, чтобы о нем не распространяли порочащие, не соответствующие действительности сведения.

Наряду с этим уточнение содержания чести конкретного гражданина, ее вида (профессиональная, служебная, трудовая и др.) имеет значение в рамках конкретного гражданско-правового спора исключительно для целей установления факта признания порочащего характера сообщенных о личности сведений и анализа ее внутренних ощущений по причине совершения данного факта.

Так, например, разрешая спор по существу, суд принял во внимание данные о личности истца, являющегося одним из руководителей УМВД России по Белгородской области, указав на то, что любая информация, касающаяся истца, обсуждается жителями региона, в связи с чем распространение сведений, не соответствующих действительности, влечет негативные последствия для его деловой репутации¹.

В решении по другому делу, истцом по которому также выступал сотрудник органов внутренних дел, суд указал, что содержание распространенных ответчиком не соответствующих действительности в отношении должностного лица сведений о совершении

ими действий, прямо противоречащих задачам органов власти, нарушающих права и свободы граждан, порочат деловую репутацию должностного лица, умаляют его авторитет и способствуют снижению уровня доверия, препятствуя осуществлению деятельности по укреплению правопорядка и законности, а также противодействию преступности и сохранению основополагающих принципов государственного устройства².

Разъяснения о том, какие сведения считать порочащими, какие не соответствующими действительности даны в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» (далее – постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3)³.

В случае же возникновения спора о том, является ли распространенная информация порочащей честь, достоинство или деловую репутацию и соответствует ли она действительности, этот вопрос окончательно разрешается судом⁴.

Так, суд признал не соответствующими действительности и порочащими честь, достоинство и деловую репутацию Э.И.И. распространенную С.Е.В. информацию, изложенную в посте в сети Интернет, указав, что опубликованная ответчиком информация из-

¹ Решение Черемисиновского районного суда Курской области от 21 января 2022 г. Дело № 2-10/2022 // Черемисиновский районный суд Курской области. URL: https://cheremisinovsky--krs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=77103025&delo_id=1540005&new=&text_number=1/ (дата обращения: 28.05.2024).

² Решение Кировского районного суда г. Омска от 24 января 2022 г. Дело № 2-531/2022 // Кировский районный суд г. Омска. URL: https://kirovcourt--oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=190634501&case_uid=d69198bb-5cff-41ef-9f70-f5861f652af3&delo_id=1540005&new=/ (дата обращения: 28.05.2024).

³ О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 4.

⁴ По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона «О персональных данных» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «МедРейтинг»: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 мая 2021 г. № 22-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 31.05.2021. № 22. Ст. 3915.

ложена в утвердительной форме, не является выражением субъективного взгляда и может быть проверена на предмет соответствия действительности, при ее прочтении складывается определенное негативное мнение. Утверждения о конкретных фактах, содержащихся в посте в сети Интернет, порочат деловую репутацию истца как начальника ОП № 17 МУ МВД России «Нижнетагильское» в глазах широкого круга общественности, подрывают его авторитет, снижают уровень доверия населения, формируют негативное мнение относительно его деятельности как сотрудника органов внутренних дел, стоящего на страже закона, основная задача которого предотвращение и пресечение преступлений, наносят урон престижу органов внутренних дел¹.

Анализируя постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3, отметим, что центральным элементом, подлежащим установлению судом, наряду с фактом распространения ответчиком сведений об истце, выступают не соответствующие действительности, порочащие честь, достоинство, деловую репутацию истца сведения, распространяемые ответчиком. В свою очередь, именно ответчику нужно представить доказательства соответствия действительности оспариваемых сведений.

Для иллюстрации судебного толкования понятия сведений, не соответствующих действительности, порочащих честь, достоинство, деловую репутацию гражданина, следует обратиться к следующему примеру из судебной практики.

Удовлетворяя заявленные требования в части, суд полагает, что характеристика от ДД.ММ.ГГГГ, характеристика от ДД.ММ.ГГГГ, письмо от ДД.ММ.ГГГГ содержат

сведения, содержащие утверждения о совершении несовершеннолетним ФИО1 нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина.

Так, в данных характеристиках имеется указание на кражу несовершеннолетним ФИО1 мобильного телефона, хранение и употребление табакосодержащего вещества насвай, порчу имущества, при этом доказательств совершения несовершеннолетним данных проступков не представлено. В письме от ДД.ММ.ГГГГ также указаны сведения, не подтвержденные доказательствами, такие как употребление насвая, грубость по отношению к должностным лицам ФИО3 учебного заведения, кража личных вещей обучающихся.

В силу чего указанные в характеристике от ДД.ММ.ГГГГ сведения о краже мобильного телефона, хранении и употреблении табакосодержащего вещества насвай, порче имущества; в характеристике от ДД.ММ.ГГГГ сведения о краже мобильного телефона, хранении и употреблении табакосодержащего вещества насвай, порче имущества; в письме от ДД.ММ.ГГГГ сведения об употреблении насвая, грубости по отношению к должностным лицам ФИО3 учебного заведения, краже личных вещей обучающихся суд признает порочащими².

При этом, как мы видим из предыдущего примера, гражданско-правовой защите в рамках статьи 152 ГК РФ подлежит не только информация, высказанная в устной форме (например, выступление лица перед группой людей), но и изложенная в документе либо пе-

¹ Заочное решение Дзержинского районного суда города Нижнего Тагила Свердловской области от 21 апреля 2022 г. Дело № 2-344/2022 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебныерешения.рф/70430001/> (дата обращения: 28.05.2024).

² Решение № 2-2699/2023 2-2699/2023~М-744/2023 М-744/2023 от 14 ноября 2023 г. // Судебные и нормативные акты РФ URL: https://sudact.ru/regular/doc/871amtuKacb4/?regulartxt=признать+порочащими+и+ не+соответствующими+ действительности®ular-case_doc= ®ular-lawchunkinfo= ®ular-date_from= 01.01.2023®ular-date_to=04.06.2024®ular-workflow_stage= 10®ular-area= ®ular-court= ®ular-judge= &_ = 1717501993026&snippet_pos= 5898#snippet/ (дата обращения: 28.05.2024).

реданная посредством технических средств (по телевидению, радио, посредством сети Интернет) и другими способами. К примеру, выход на единичные пикеты с табличками, на которых имеется надпись в форме утверждения, носящая порочащий характер¹. Однако сообщение таких сведений лишь одному лицу, которого они касаются, не может признаваться их распространением.

Заключение

Изучение судебных решений показало, что содержащиеся в оспариваемых высказываниях ответчиков авторских мнений, суждений, выводов и оценок не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 ГК РФ, если только они не носят оскорбительный характер, так как являются субъективным мнением автора, а не утверж-

дением об имевшем место в действительности событии, которое возможно проверить и опровергнуть.

Факт распространения в отношении лица порочащих сведений должен быть доказан, иначе отсутствует подтверждение факта противоправного поведения ответчика. При установлении факта несоответствия сведений действительности следует принимать во внимание не факт несоответствия сведений на момент рассмотрения дела, а факт их несоответствия на момент распространения.

При причинении вреда распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина, наличие морального вреда предполагается независимо от вины причинителя вреда.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Елисеев А. П., Надтачаев П. В. Честь, достоинство и деловая репутация как нравственная основа службы в полиции // *Аграрное и земельное право*. 2016. № 11 (143). С. 129–131.
2. Защита чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел: социально-правовые и идеологические аспекты: монография / под ред. Е. Г. Комиссаровой. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2016. 172 с.
3. Матросова М. Е. Защита чести достоинства сотрудников органов внутренних дел: уголовно-правовые и криминалистические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 28 с.
4. Морин А. В., Надтачаев П. В., Калашникова Я. Н. Проблемные вопросы, возникающие в процессе защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников полиции // *Нематериальные блага и их защита в условиях цифровизации: отечественный и зарубежный опыт: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции*. Санкт-Петербург, 2021. С. 103–106.
5. Надтачаев П. В. Особенности гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников полиции: учебное пособие. Уфа, 2018. 53 с.
6. Надтачаев П. В., Мельник С. В. Вопросы обеспечения защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников полиции // *Осуществление и защита гражданских прав и интересов полиции России: вопросы теории и практики: материалы всероссийской научно-практической конференции Санкт-Петербург*, 2021. С. 11–17.
7. Надтачаев П. В. Гражданско-правовая защита чести и достоинства сотрудников и деловой репутации органов внутренних дел: монография. Уфа, 2008.
8. Надтачаев П. В., Мельник С. В., Кудина С. А. Проблемы определения понятий «честь», «достоинство» и «деловая репутация» как объектов защиты неимущественных прав сотрудников полиции. Часть 2 // *Аграрное и земельное право*. 2019. № 11 (179). С. 76–78.
9. Надтачаев П. В., Мельник С. В., Галимов Р. Р. Проблемы определения понятий «честь», «достоинство» и «деловая репутация» как объектов защиты неимущественных прав сотрудников полиции. Часть 1 // *Аграрное и земельное право*. 2019. № 11 (179). С. 63–66.

¹ Решение Свердловского районного суда города Перми от 23 марта 2022 г. Дело № 2-1436/2022 // Свердловский районный суд г. Перми. URL: https://sverdlov--perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1 &name_op=case&case_id= 261982368&case_uid= a417639a-c234-4456-b661-e94a0667b-9d5&delo_id= 1540005&new=/ (дата обращения: 28.05.2024).

10. Попова Л. Е. Понятие и защита свободы, чести и достоинства // Современные проблемы социально-гуманитарных и юридических наук: теория, методология, практика: сборник материалов V Международной научно-практической конференции. М., 2019. С. 214–217.

11. Рудман Д. С., Квасников Е. С. Особенности гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел // Современное право. 2019. № 5. С. 73–77.

12. Актуальные проблемы эффективности частного права: монография / К. А. Абдуллаев, Э. Б. Абдуряхимова, С. В. Алборов и др.; отв. ред. А. Н. Левушкин, Э. Х. Надысева. М.: Юстицинформ, 2022. 464 с.

13. Бучакова М. А., Дизер О. А., Александров А. Н. Теория и практика судебной защиты чести и достоинства, деловой репутации сотрудников органов внутренних дел // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 2. С. 20–24.

14. Спор о защите чести, достоинства и деловой репутации (на основании судебной практики Московского городского суда) // Помощник адвоката. 2024. (28.05.2024).

15. Фокин Е. А. Юридический дайджест: защита чести, достоинства и деловой репутации (актуальные позиции высших судебных инстанций) // Цивилист. 2023. № 6. С. 73–77.

REFERENCES

1. Eliseev A. P., Nadtachaev P. V. Honor, dignity and business reputation as a moral basis of service in the police // Agrarian and land law. 2016. No. 11 (143). P. 129–131. (In Russ.)

2. Protection of the honor and dignity of employees of internal affairs bodies: socio-legal and ideological aspects: monograph / ed. E. G. Komissarova. Tyumen: Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. 172 p. (In Russ.)

3. Matrosova M. E. Protection of the honor and dignity of employees of internal affairs bodies: criminal law and forensic aspects: abstract. dis. ...cand. legal Sci. M., 1997. 28 p. (In Russ.)

4. Morin A. V., Nadtachaev P. V., Kalashnikova Ya. N. Problematic issues arising in the process of protecting the honor, dignity and business reputation of police officers // Intangible benefits and their protection in the context of digitalization: domestic and foreign experience: collection of materials from the All-Russian scientific and practical conference. St. Petersburg, 2021. P. 103–106. (In Russ.)

5. Nadtachaev P. V. Peculiarities of civil legal protection of honor, dignity and business reputation of police officers: training manual. Ufa, 2018. 53 p. (In Russ.)

6. Nadtachaev P. V., Melnik S. V. Issues of ensuring the protection of honor, dignity and business reputation of police officers // Implementation and protection of civil rights and interests of the Russian police: issues of theory and practice: materials of the All-Russian scientific and practical conference St. Petersburg, 2021. P. 11–17. (In Russ.)

7. Nadtachaev P. V. Civil protection of the honor and dignity of employees and business reputation of internal affairs bodies: monograph. Ufa, 2008. (In Russ.)

8. Nadtachaev P. V., Melnik S. V., Kudina S. A. Problems of defining the concepts of “honor”, “dignity” and “business reputation” as objects of protection of non-property rights of police officers. Part 2 // Agrarian and land law. 2019. No. 11(179). P. 76–78. (In Russ.)

9. Nadtachaev P. V., Melnik S. V., Galimov R. R. Problems of defining the concepts of “honor”, “dignity” and “business reputation” as objects of protection of non-property rights of police officers. Part 1 // Agrarian and land law. 2019. No. 11 (179). P. 63–66. (In Russ.)

10. Popova L. E. The concept and protection of freedom, honor and dignity // Modern problems of social, humanitarian and legal sciences: theory, methodology, practice: collection of materials of the V International Scientific and Practical Conference. M., 2019. P. 214–217. (In Russ.)

11. Rudman D. S., Kvasnikov E. S. Features of civil law protection of honor, dignity and business reputation of employees of internal affairs bodies // Modern law. 2019. No. 5. P. 73–77. (In Russ.)

12. Current problems of the effectiveness of private law: monograph / K. A. Abdullaev, E. B. Abduryakhimova, S. V. Alborov and others; resp. ed. A. N. Levushkin, E. Kh. Nadyseva. M.: Justitsinform, 2022. 464 p. (In Russ.)

13. Buchakova M. A., Dizier O. A., Aleksandrov A. N. Theory and practice of judicial protection of honor and dignity, business reputation of employees of internal affairs bodies // Problems of law enforcement. 2016. No. 2. P. 20–24. (In Russ.)

14. Dispute about the protection of honor, dignity and business reputation (based on the judicial practice of the Moscow City Court) // Assistant lawyer. 2024. (05/28/2024). (In Russ.)

15. Fokin E. A. Legal digest: protection of honor, dignity and business reputation (current positions of the highest courts) // Civilist. 2023. No. 6. P. 73–77. (In Russ.)

Информация об авторах:

С. А. Кудина, кандидат юридических наук;

П. В. Надтачаев, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors:

S. A. Kudina, Candidate of Law;

P. V. Nadtachaev, Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.06.2024; одобрена после рецензирования 17.06.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 13.06.2024; approved after reviewing 17.06.2024; accepted for publication 21.06.2024.

Научная статья

УДК 343

DOI: 10.35750/2017-8284-2021

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ**

Ахмед Гусейнович Ахмедов¹, Ренат Рабисович Насыров²

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

² Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

¹ Osnaz82@yandex.ru, ² ren127@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы, связанные с историей возникновения и формирования в оперативно-розыскной деятельности дефиниции «этническая преступность», с последующим использованием данного термина криминологами и включением в государственную уголовно-правовую статистическую отчетность, формируемую по результатам расследования уголовных дел, возбужденных в отношении лиц различных национальностей и народностей¹. Раскрываются вопросы, связанные с легитимностью и толкованием дефиниции «этническая преступность», реализацией конституционных принципов равенства перед законом, и проблемы, возникающие у оперативно-розыскных органов в процессе реализации полномочий по противодействию преступлениям, совершаемым данной категорией лиц.

Ключевые слова: оперативно-розыскные органы, этническая преступность, этнические преступные формирования, оперативно-розыскные мероприятия, оперативно-розыскная деятельность.

Для цитирования: Ахмедов А. Г., Насыров Р. Р. Актуальные вопросы оперативно-розыскного противодействия этнической преступности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 2 (104). С. 58–69.

Original article

**CURRENT ISSUES OF OPERATIONAL-SEARCH
COUNTERACTION TO ETHNIC CRIME**

Akhmed G. Akhmedov¹, Renat R. Nasyrov²

¹ St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
St. Petersburg, Russia

² Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

¹ Osnaz82@yandex.ru, ² ren127@mail.ru

Abstract. The article considers the topical issues related to the history of the emergence and formation of the definition of “ethnic crime” in operational search activities with the subsequent use of this term by criminologists and inclusion it in state criminal legal statistical reporting, formed on the results of investigations of criminal cases initiated against persons of various nationalities and ethnicities. It discloses the issues related to

¹ О едином учете преступлений: приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации и Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/ 353/399 (с изменениями и дополнениями от: 20 декабря 2006 г., 24 декабря 2007 г., 24 января, 30 декабря 2010 г., 11 января 2012 г., 18 января 2013 г., 20 февраля 2014 г., 15 октября 2019 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Ахмедов А. Г., Насыров Р. Р., 2024

the legitimacy and interpretation of the definition of “ethnic crime”, the implementation of the constitutional principles of equality before the law and the problems that encountered by operational search authorities in the process of exercising powers to combat crimes committed by this category of persons.

Keywords: operational search authorities, ethnic crime, ethnic criminal groups, operational search measures, operational search activities.

For citation: Akhmedov A. G., Nasyrov R. R. Current issues of operational-search counteraction to ethnic crime // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (104). P. 58–69. (In Russ.)

Введение

В настоящее время серьезной угрозой национальной безопасности России становится рост международной напряженности, межэтнической, религиозной и межконфессиональной розни, вводимые в отношении страны санкции и контрсанкции, продолжающаяся специальная военная операция. Все вышеперечисленные обстоятельства и сложившиеся условия приводят к росту цен на основные продукты питания, падению уровня жизни населения, росту преступности. Не снижается количество граждан иностранных государств, особенно стран Соединенных независимых государств, прибывающих на территорию Российской Федерации в поисках работы, особенно в крупные города, такие как, например, Москва и Санкт-Петербург и другие. Все перечисленные негативные факторы формируют совокупность внешних и внутренних угроз безопасности России. Складываются неблагоприятные условия жизнедеятельности всего населения страны. Они вызывают нестабильность в обществе, обусловленную вышеизложенными факторами. Негативные процессы, в свою очередь, влияют на состояние преступности, создают серьезные проблемы обществу в целом и силовым структурам государства в частности. Наиболее негативную реакцию в обществе вызывают преступления, совершаемые так называемыми «этническими» преступными формированиями.

Кроме того, часто вносимые в нормативные правовые акты изменения и дополнения, отсутствие прецедента и практики существенно влияют на решение задач оперативно-розыскными органами (далее – ОРО). В частности, с 1996 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) внесено более трех тысяч изменений и дополнений¹. В 2001 г. был принят Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), в котором изменения как в отдельные процессуальные нормы, так и в целые институты дополнены более чем 280 федеральными законами². В Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»³ (далее – Закон об ОРД) (при том, что в законе всего 23 статьи) с 1995 г. внесено более 36 изменений и дополнений.

Методы

Методологической основой исследования выступают следующие методы познания: системно-структурный, описательно-аналитический и статистический, применение которых позволило проанализировать вопросы реализации надзорных полномочий прокурора за оперативно-розыскной деятельностью.

Результаты

В результате изучения и анализа практической деятельности противодействия ОРО этнической преступности, правовых норм, регламентирующих данное направление оперативно-розыскной деятельностью,

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 23.03.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 23.03.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сформулирован вывод о том, что дефиниция «этническая преступность» не соответствует Главе 2 Конституции Российской Федерации о равенстве всех перед законом.

Российская Федерация по составу населения сформировалась многонациональной страной с широкой этнокультурой, где люди являются приверженцами различных религиозных течений.

Работая в условиях постоянно изменяющихся и дополняющихся законодательных норм, ОРО допускают нарушения законов, в том числе гарантируемых Конституцией Российской Федерации, таких как неприкосновенность жилища, тайна переписки и телефонных переговоров и других.

Результаты проведенных ОРО оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) [1], представленных в уголовном процессе в виде источников для доказывания, и допущенных при этом нарушений оперативно-розыскного законодательства по жалобам граждан неоднократно становились предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) [2].

В сложившихся обстоятельствах необходимым условием соблюдения законности и реализации полномочий ОРО является неукоснительное соблюдение законности, точное законодательное определение используемых норм и дефиниций, а также профессиональная подготовка сотрудников, занимающихся вопросами оперативно-розыскного противодействия преступности, особенно так называемым этническим преступным группами.

Дефиниция «этническая преступность» появилась в речевом обороте у подразделе-

ний по борьбе с организованной преступностью, которые были созданы в начале 90-х годов XX века, когда в условиях политической нестабильности и ухудшения жизненного уровня населения стали возникать и формироваться преступные группы и сообщества, состоявшие из одного региона или местности, не всегда одной национальности или вероисповедания, которые отличались внутренней дисциплиной и объединенные единой целью. Далее этот термин подхватили криминологи и таким образом на уровне своих научных исследований и практической деятельности легализовали. Дальнейшее закрепление термина «этническая преступность» нашло в приказе Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации и Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений»¹. Приказ предусматривает внесение в единые статистические карточки или документы первичного учета преступлений (форму 1.1 и форму 2) отдельных пунктов, в которых отображаются этнические данные, если привлекаемые к уголовной ответственности лица принадлежат не к титульной нации.

В то же время ознакомление с диссертациями, написанными криминологами за последние годы, показало, что нет предложений о формулировании юридического определения «этническая преступность» и не обоснована необходимость и актуальность создания в структуре МВД России специализированных подразделений, занимающихся раскрытием преступлений, совершаемых этническими преступными формированиями.

¹ О едином учете преступлений: приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации и Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 (с изменениями и дополнениями от: 20 декабря 2006 г., 24 декабря 2007 г., 24 января, 30 декабря 2010 г., 11 января 2012 г., 18 января 2013 г., 20 февраля 2014 г., 15 октября 2019 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, приходим к выводу о том, что законодательного определения понятия «этническая преступность» не существует и криминологического обоснования она не имеет. Кроме того, есть различные теории происхождения «этнуса», но нет единого определения даже у этнографов и специалистов зарубежных стран. Более того, в современных условиях, рассматривая этническую, мы имеем в виду не только уголовную, но и экономическую, террористическую, экстремистскую преступность, а также преступность в сфере высоких технологий, которую успешно осваивают.

Вопросами, связанными с раскрытием преступлений, совершаемых этническими преступными формированиями, ученые-специалисты начали заниматься еще в СССР в конце 1970 годов [3]. Впервые вопрос был вынесен на рассмотрение Коллегии МВД СССР в 1983 году, по итогам которой в 1984 году издан секретный приказ Министра, предусматривавший организацию борьбы с данным негативным явлением.

Задачей статьи является не рассмотрение имеющихся различных теорий об этносе, а акцентирование внимания на вопросах и проблемах эффективного противодействия с учетом практического опыта прошлых лет оперативно-розыскных подразделений МВД России.

Известно, что состояние экономики напрямую влияет на состояние преступности [1]. В условиях экономической нестабильности активизируются в том числе и «этнические преступные группировки». В этой связи актуализируется проблема этнической преступности, к которой, в частности, можно отнести:

- сложность этнического состава населения России;
- неравномерное экономическое развитие регионов и связанная с этим миграция, которая сама по себе определяет высокий уровень преступности;
- усиление внешней миграции;
- рост цен на основные продукты;
- сохраняющееся напряжение в международных отношениях;

– негативное влияние межэтнических и межнациональных конфликтов, происходящих как на территории России, так и в странах, образовавшихся после распада Советского Союза.

– специальная военная операция [4].

Кроме того, на территории Российской Федерации проживают более 190 национальностей. Это создает дополнительные трудности в вопросах, связанных с раскрытием преступлений, совершенных организованными этническими преступными формированиями, и дальнейшим оперативно-розыскным сопровождением уголовных дел. Независимо от причин и целей миграции – вынужденной, коммерческой или чисто криминальной – она всегда ведет к определенному ухудшению криминогенной ситуации и требует учета в деятельности органов внутренних дел.

В складывающейся обстановке актуальными являются исследования, направленные на выявление, пресечение, раскрытие и оперативно-розыскное сопровождение преступлений, совершаемых так называемыми организованными этническими преступными формированиями. В то же время изменения, происходящие в правоохранительных органах, связанные с реорганизациями, изменениями направлений и задач, не способствуют углубленному изучению вопросов противодействия этнической преступности и взаимодействию между различными субъектами оперативно-розыскной деятельности [3].

Как говорилось выше, до настоящего времени в научных кругах нет единого мнения об этнической преступности, не выработана дефиниция, т. е. нет строго зафиксированной формулировки, и вопрос существования вызывает дискуссии и неоднозначное отношение. Мнения у практических работников и научных работников по данному вопросу диаметрально противоположны. Специалисты в сфере ОРД и криминологии формулируют оперативно-розыскную и криминологическую характеристику, приводя достаточно широкий круг аргументов [5].

Некоторые ученые: Л. С. Арутюнов [6], М. А. Касьяненко [7], М. П. Клейменов [8],

Д. А. Шестаков [9] в своих работах указывают на наличие этнической преступности. Другие, в частности, Н. А. Горюнова в своей формулировке исходит из устойчивости какой-либо этнической группы и проживания на территории другого этноса [10, с. 36]. М. П. Клейменов делит этническую преступность на политическую, организованную и общеуголовную [8, с. 61], в том числе в формулировку вносит такую форму, как «массовая криминальная эксплуатация этнической идентичности» [8, с. 63].

Таким образом, приходим к выводу, что в определение «этническая преступность» включаются самые разнообразные понятия, начиная от исторической изменчивости, межнациональных отношений и заканчивая национальной, расовой, религиозной ненавистью и враждой либо кровной мезтью.

Учитывая разнообразие мнений, объединяющим рассмотренные понятия признаком остается групповой (организованный) характер, который свойственен не только этнической организованной преступности, а отнесение к определенному этносу (этнической общности) вызывает сомнения, так как существуют смешанные группы.

Исходя из вышесказанного, видим, что у ученых однозначного определения «этническая преступность» не имеется. Существуют ряд мнений, которые включают в себя разные суждения. Более того, В. А. Бурковская в своей докторской диссертации «Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия», выделяя факторы низкой эффективности противодействия этнической преступности, указывает на деформацию сознания сотрудников правоохранительных органов, что, на наш взгляд, не является определяющим и не влияет на конечный результат [11].

Другие исследователи являются противниками такого утверждения. Обосновывая свою позицию, они ссылаются на Конституцию Российской Федерации, в которой декларируются равенство всех перед законом и отсутствие законодательного определения данной дефиниции. Более того, они видят

противоречие с гарантируемыми основным законом страны гражданскими правами, а само употребление понятия «этническая преступность» в публичных выступлениях, печати и научных исследованиях предлагают рассматривать как публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (С. У. Дикаев и др.) [12; 13].

Таким образом, наблюдаем, что в исследованиях не выделены основные существенные свойства и черты этнической преступности, отсутствует единство мнений среди ученых и специалистов, высказываются противоположные позиции, добавляются психологические факторы (В. А. Бурковская) [11].

Многочисленные научные исследования [1; 14], проводимые учеными-специалистами в области криминологии, в сфере оперативно-розыскной деятельности, и судебно-следственная практика, наряду с отсутствием дефиниции «этническая преступность», говорят о существовании преступных объединений, созданных по различным принципам или признаку «землячества». Эти объединения изменяются по национальным, религиозным или иным составам и не являются постоянными. Динамика показывает, что, если в конце 1990-х и начале 2000-х наиболее активными являлись некоторые представители армянских, азербайджанских и северокавказских регионов, в настоящее время наибольшую активность проявляют преступные формирования среднеазиатских государств. За последние годы число граждан, прибывающих из Среднеазиатских стран, существенно увеличилось. Они в основном совершают преступления общеуголовной направленности, экстремистского и террористического характера, насильственные преступления сексуального характера. В первую очередь это связано с отсутствием визовых ограничений и ростом миграции, в том числе неконтролируемой.

Рассматривая криминогенную ситуацию в Российской Федерации по линии борьбы с преступлениями, совершаемыми так называемыми «этническими формированиями», можно отметить, что это не только россий-

ский феномен. Масса примеров свидетельствует, что этническая преступность возникла и существует в зарубежных странах гораздо раньше, чем в России. В частности: итальянские – «Ндрангета», «Каморра», «Коза Ностра», «пять семей» итальянской мафии в Америке, японские «Якудзы», сербская мафия, русская мафия, китайская «Триада» и другие.

В современных, динамично меняющихся условиях обращаем внимание на то, что преступность адаптируется к складывающейся обстановке, меняется структура и динамика этнической преступности в России, в частности: растет количество мошенничеств, совершенных с использованием ИТ-технологий, шире используется незаконный оборот наркотиков через сеть Интернет, в том числе с использованием «глубокого интернета» (например, даркнет-платформы Hydra Market («Гидра»), через которую осуществляется сбыт), хищения с банковских карт, в том числе зарубежных. Большинство операций контролируется лидерами этнических организованных преступных групп с последующей легализацией криминальных доходов через биржи криптовалют (что позволяет их участникам успешно уходить от уголовного преследования). Сохраняется стабильно высокий процент преступлений корыстно-насильственной направленности, совершаемых в основном выходцами из среднеазиатских государств. Следовательно, типичные способы совершения преступлений, проблемы в выявлении и документировании причастных к ним лиц априори предопределяют необходимость изучения и использования в практической деятельности отечественных правоохранительных органов положительного опыта, наработанного правоохранительными структурами других государств [15].

Учитывая многонациональный и многоконфессиональный состав населения, отметим, когда речь заходит о наличии в России этнической преступности или преступных формирований, объединенных по этническому признаку, возникает масса нюансов, позволяющих вести по этому вопросу острую дискуссию. Это обусловлено тем, что:

– во-первых, не существует термина «этническая преступность» с помощью выделения его основных, сущностных свойств или черт, т. е. единообразной законодательной дефиниции;

– во-вторых, Конституция Российской Федерации (ст. 71) определяет равенство всех перед законом; гарантирует права и свободы человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ст. 19 Конституции Российской Федерации)¹;

– в-третьих, обеспечение конституционных прав и свобод граждан осуществляется в соответствии со Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года², призванной развивать потенциал многонационального народа Российской Федерации (российской нации) и всех составляющих его народов (этнических общностей). Стратегия представляет собой систему современных приоритетов, целей, принципов, основных направлений, задач и механизмов реализации государственной национальной политики Российской Федерации;

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.01.2024).

² О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025: Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

– в-четвертых, Российская Федерация является одним из крупнейших многонациональных (полиэтнических) государств мира. На ее территории проживают представители 193 национальностей (по данным Всероссийской переписи населения 2022 года, сформированным на основе самоопределения граждан). Большинство народов России на протяжении веков формировались на территории современного российского государства и внесли свой вклад в развитие российской государственности и культуры¹;

– в-пятых, проявления межнациональной нетерпимости запрещены уголовным законодательством: 1) наличие уголовной ответственности за преступления, совершаемые по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (например, п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ; п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ; п. «б» ч. 2 ст. 213 УК РФ и др.); 2) наличие ст. 136 УК РФ «Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина», предусматривающей уголовную ответственность за дискриминацию, то есть нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам; 3) установление уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности: «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» (ст. 280

УК РФ), «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» (ст. 280.1 УК РФ), «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» (ст. 282 УК РФ), «Организация экстремистского сообщества» (ст. 282.1 УК РФ), «Финансирование экстремистской деятельности» (ст. 282.3 УК РФ);

– в-шестых, существующая в органах внутренних дел система сбора информации и регистрации преступлений не отражает реальной картины состояния рассматриваемой преступности, в том числе это связано с высоко латентным характером так называемой этнической преступности. Учитываемые (согласно совместному приказу от 29 декабря 2005 г.²) по статистическим карточкам уголовно-статистические данные об этнических формированиях позволяют получить информацию лишь о личности преступника и количестве преступлений, совершенных за определенный период организованной группой или преступным сообществом, без конкретизации этнической принадлежности;

– в-седьмых, определить национальную принадлежность по паспорту не представляется возможным, так как указывается лишь место рождения, этническая принадлежность не определяется (например, как определить национальность и этническую принадлежность уроженца Дагестана, где их более 40 национальностей и народностей);

– в-восьмых, уголовный закон, основываясь на Конституции Российской Федерации, за совершение преступлений в составе этнических преступных формирований от-

¹ Пленарное заседание Госдумы 19 октября 2022 года. Выступление Министра МВД России В. А. Колокольцева в ходе «правительственного часа» // Парламентская газета: официальное издание Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://www.pnp.ru/story/plenarnoe-zasedanie-gosdumy-19-oktyabrya-2022-goda/2> (дата обращения: 26.01.2024).

² О едином учете преступлений: приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации и Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/ 353/399 (с изменениями и дополнениями от: 20 декабря 2006 г., 24 декабря 2007 г., 24 января, 30 декабря 2010 г., 11 января 2012 г., 18 января 2013 г., 20 февраля 2014 г., 15 октября 2019 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ветственности не предусматривает, поэтому говорить о них как об отдельном виде преступлений не корректно с точки зрения формального (конвенционального) подхода к понятию преступления;

– в-девятых, как указано выше, основной закон государства гарантирует равенство всех перед законом. В то же время на наличие проблемы, связанной с межнациональными и межэтническими вопросами, обращают внимание на государственном уровне. Об этом свидетельствуют проанализированные нами нормативные правовые акты. В частности, Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» постановил Правительству Российской Федерации совместно с органами государственной власти субъектов государства обеспечить разработку комплекса мер, направленных на совершенствование работы органов государственной власти Российской Федерации по предупреждению межнациональных конфликтов, включая создание эффективных механизмов их урегулирования и проведение системного мониторинга состояния межнациональных отношений, а также на активизацию работы по недопущению проявлений национального и религиозного экстремизма и пресечению деятельности организованных преступных групп, сформированных по этническому принципу;

– в-десятых, для придания легитимности этой проблеме в Приложении № 3 Инструкции о порядке заполнения и представления учетных документов приказа «О едином учете преступлений» в разделе «Порядок заполнения и представления статистической карточки формы № 1.1» дается понятие «этнические преступные формирования». В качестве них учитываются группы, сообщества (организации), представляющие собой специфические криминальные объединения, формирующиеся по национальному (этни-

ческому) признаку, то есть объединяющие в своем составе лиц одной или нескольких родственных национальностей (этнических образований). Авторы приказа уточняют, что отнесение преступной группировки к этнической не определяется однородностью ее национального состава, он может быть и смешанным. Этническую принадлежность группировки определяют те, кто занимает в ней лидирующее положение. Таким образом, возникает естественный вопрос: если лидером является лицо титульной, а именно русской национальности, будет ли преступное формирование этническим;

– в-одиннадцатых, современное нормативное правовое регулирование противодействия криминальной деятельности групп (сообществ), сформированных по этническому признаку, разрознено, не выделены его основные, сущностные свойства или черты, понятийный аппарат скуден и бессистемен. В этой связи можно констатировать, что с учетом положений Конституции Российской Федерации выработка законодательной дефиниции «этническая преступность» представляется противоречащей основным положениям. Формулирование этого термина зависит от подхода, избираемого тем или иным исследователем в области криминологии, приводится в публичных выступлениях и в практической деятельности оперативно-розыскных органов. На федеральном уровне существует лишь понятие «коренные малочисленные народы Российской Федерации». К ним законодатель относит народы, проживающие на территориях расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйство и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями¹.

Официальная статистика по итогам 2021 г. отмечает рост преступлений, совер-

¹ Пленарное заседание Госдумы 19 октября 2022 года. Выступление Министра МВД России В. А. Колокольцева в ходе «правительственного часа» // Парламентская газета: официальное издание Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://www.pnp.ru/story/plenarnoe-zasedanie-gosdumy-19-oktyabrya-2022-goda/2> (дата обращения: 26.01.2024).

шенных мигрантами, на 6 % (36400). Следует помнить, что эта цифра, как и приведенные ниже, представлены МВД России с учетом раскрытых преступлений. 78,3 % (28500) совершено гражданами СНГ, без учета украинцев. По итогам 2022 г. отмечен рост преступлений, которые совершены иностранцами, на 10,3 % по сравнению с 2021 г., число которых составило 40200 (по данным И. Зубова, заместителя главы МВД России). Учитывая латентный характер совершаемых данной категорией преступлений, фактические значения можно смело умножать как минимум на два.

Министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев 19 октября 2022 на выступлении в Государственной Думе заявил, что криминальные проявления в среде мигрантов демонстрируют устойчивую тенденцию к росту. При этом 80 % роста приходится на поставки и реализацию наркотиков. Динамику роста этнических преступлений отметил также А. Бастрыкин, глава Следственного комитета Российской Федерации. На треть выросло число тяжких и особо тяжких преступлений: изнасилований – рост 12 %, убийств – 16 %¹.

Регистрируемые органами внутренних дел сообщения о преступлениях и правонарушениях показывают, что чаще стали возникать ситуации с хулиганством и массовыми драками приезжих между собой. Это в том числе значит, что созданием в структуре аппарата управления уголовного розыска подразделения, ориентированного на борьбу с этнической преступностью, проблему не решает. Правоохранителям следует переносить акцент на организацию работы с этнической преступностью на территориальный уровень, то есть нужна профилактическая работа силами территориальных отделов полиции, на территориях которых проживают мигранты. В то же время обращает внимание на себя тот факт, что основная работа профилактического характера и раскрытия преступлений дан-

ной категорией лиц ложится на участковых уполномоченных и оперуполномоченных уголовного розыска. Учитывая некомплект и нагрузку, участковые уполномоченные полноценно профилактической работой заниматься не могут. То же самое касается оперативно-розыскной профилактики и организации раскрытия преступлений подразделениями уголовного розыска территориальных отделов полиции.

В 2013 году по заданию Главного управления уголовного розыска МВД России Санкт-Петербургским университетом МВД России (кафедрой ОРД в ОВД) проводился анализ нагрузки на сотрудников уголовного розыска ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Целью анализа было определение наличия и обоснование необходимости увеличения штатной численности. Анализ показал, что при той нагрузке, которая ложится на каждого сотрудника уголовного розыска, организовать полноценную оперативно-розыскную деятельность на территориальном уровне физически невозможно. Кроме организации оперативно-розыскной работы, оперуполномоченные привлекаются к исполнению несвойственных им функций. С 2013 года нагрузка не уменьшилась, а штатная численность сократилась [3].

Далее исследования миграционных потоков показывают, что, несмотря на въездные запреты и ограничения, в стране растет число мигрантских общин. Они замыкаются в себе, формируют территориальные анклавные или фактические гетто, с учетом религиозного воспитания и традиций, в которых росли и воспитывались, отчетливо противопоставляют свои ценности общенациональным ценностям.

В связи с проведением специальной военной операции российская экономика нуждается в работниках. Некоторые руководители, особенно строительной отрасли, через средства массовой информации лоббируют

¹ Мигранты-факторы напряженности. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1825464/> (дата обращения: 05.03.2024).

завоз эмигрантов не только из среднеазиатских государств, но и из других.

В Российской Федерации мигранты распределены крайне неравномерно. Есть пять-семь экономически развитых регионов, куда они едут, а есть регионы, где их практически нет. В регионах, где мигрантов нет или незначительное число, показатели этнической преступности, соответственно, стремятся к нулю. При этом в Москве, Московской области, Петербурге, Ленинградской области и других городах ситуация будет абсолютно противоположной [5]. Из оперативно-розыскных данных и средств массовой информации знаем, что именно в тех регионах, где приезжих действительно очень много, совершаются преступления против личности, насильственные преступления сексуального характера, незаконный оборот наркотиков, преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Все это, по нашему мнению, происходит из-за отсутствия механизмов оперативно-розыскного контроля на территориях, где они компактно проживают, кроме того, эффективных инструментов интеграции востребованных мигрантов в российское общество недостаточно. Между тем рост преступности среди мигрантов приводит к усилению конфликтности в нашем обществе, а значит, и к более негативному восприятию россиянами приезжих, что дестабилизирует общественные отношения и влияет на поли-

тическую систему и национальную безопасность. Как показал опыт прошлых лет, создание в аппаратах управлений уголовного розыска отделов, специализирующихся на противодействии этнической преступности, проблему не решает.

Заключение

Таким образом, основываясь на положениях Конституции Российской Федерации о равенстве граждан перед законом, учитывая нестабильную международную обстановку, складывающуюся общественно-политическую ситуацию в связи с проведением специальной военной операции, сложности в сфере экономики, многонациональный характер населения государства, полагаем, что выработка универсальной дефиниции «этническая» преступность» без ущемления интересов каких-либо этносов в России не представляется возможным.

В то же время приходим к выводу, что создание в структуре полиции МВД России специализированного подразделения (по образцу упраздненных управлений по борьбе с организованной преступностью (УБОП), по борьбе с преступлениями, совершаемыми преступными группами (сообществами) различных этносов) решает задачи, так как этой категорией лиц совершаются преступления не только общеуголовные, но и в сфере экономики, высоких технологий, а также террористического характера и экстремистской направленности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Колесников А. В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при раскрытии и расследовании преступлений против личности // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2016. № 1. С. 79–92.
2. Луговик В. Ф. Прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью: учебник. Омск, 2014. 120 с.
3. Ахмедов А. Г., Жидков А. А. Оперативно-розыскное сопровождение предварительного расследования преступлений, совершаемых этническими преступными формированиями // Журнал правовых и экономических исследований. 2022. № 2. С. 107–112.
4. Сплоченность общества и укрепление межнациональных отношений – основа безопасности страны на современном этапе: военно-научная конференция, организованная Клубом военачальников Российской Федерации в Центральном Доме Российской Армии имени М. В. Фрунзе. М., 2023. С. 25–30.

5. Мацкевич И. М., Скиба А. П., Рахимджанова Д. С. Стенограмма круглого стола «Современные подходы к формированию национальной политики и профилактике правонарушений в сфере миграции и механизмы реализации» // *Союз криминалистов и криминологов*. 2022. С. 130–169.
6. Арутюнов Л. С. К вопросу о легитимности понятий «этническое преступное формирование» и «этническая преступность» в системе наук уголовно-правового цикла и их соотношение с основополагающим принципом равенства всех перед законом и судом // *Мировой судья*. 2008. № 9. С. 19–21.
7. Касьяненко М. А. Криминологические особенности и основы противодействия организованной преступности с признаками этнической идентичности: автореферат на соискание кандидата юридических наук. М., 2011. 29 с.
8. Клейменов М. П. Этническая организованная преступность и экстремизм // *Совершенствование борьбы с организованной преступностью, коррупцией и экстремизмом*. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2008. С. 61–70.
9. Шестаков Д. А. Введение в криминологию закона. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2011. 75 с.
10. Горюнова Н. А. Культурологический аспект этнической преступности и противодействие ей // *Реагирование на преступность: концепции, закон, практика*. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2002. С. 35–38.
11. Бурковская В. А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006. 469 с.
12. Дикаев С. У. О так называемой этнической преступности и экстремизме // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2012. № 24. С. 38–44.
13. Клишков В. Б., Костыря Е. А., Платонов А. В. и др. Методика выявления, предупреждения и раскрытия преступлений, совершаемых этническими организованными преступными группами: научно-практические рекомендации. СПб.: Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2008. С. 257–262.
14. Колдин С. В., Чекурин А. Н. Проблемы прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью // *Современная юриспруденция: актуальные проблемы, достижения и инновации: сборник статей XIX международной научно-практической конференции*. Пенза, 2019. С. 195–197.
15. Заславский В. Б. К вопросу об обжаловании прокурором судебных решений о производстве оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2017. № 7. С. 76–79.

REFERENCES

1. Kolesnikov A. V. Using the results of operational investigative activities in the detection and investigation of crimes against individuals // *Bulletin of RUDN University. Series: Legal sciences*. 2016. No. 1. P. 79–92. (In Russ.)
2. Lugovik V. F. Prosecutor's supervision of operational investigative activities: a textbook. Omsk, 2014. 120 p. (In Russ.)
3. Akhmedov A. G., Zhidkov A. A. Operational investigative support of the preliminary investigation of crimes committed by ethnic criminal groups // *Journal of Legal and Economic Research*. 2022. No. 2. P. 107–112. (In Russ.)
4. Social cohesion and strengthening interethnic relations are the basis of the country's security at the present stage: a military-scientific conference organized by the Military Leaders' Club of the Russian Federation at the Central House of the Russian Army named after M. V. Frunze. M., 2023. P. 25–30. (In Russ.)
5. Matskevich I. M., Skiba A. P., Rakhimdzhanova D. S. Transcript of the round table "Modern approaches to the formation of national policy and the prevention of offenses in the field of migration and implementation mechanisms" // *Union of Criminalists and Criminologists*. 2022. P. 130–169. (In Russ.)
6. Arutyunov L. S. On the issue of the legitimacy of the concepts "ethnic criminal formation" and "ethnic crime" in the system of sciences of the criminal legal cycle and their relationship with the fundamental principle of equality of all before the law and the court // *Justice of the Peace*. 2008. No. 9. P. 19–21. (In Russ.)
7. Kasyanenko M. A. Criminological features and fundamentals of counteracting organized crime with signs of ethnic identity: abstract for a candidate of legal sciences. Moscow, 2011. 29 p. (In Russ.)

8. Kleymenov M.P. Ethnic organized crime and extremism // Improving the fight against organized crime, corruption and extremism. M.: Russian Criminological Association, 2008. P. 61–70. (In Russ.)
9. Shestakov D. A. Introduction to criminology of the law. St. Petersburg: Publishing House “Legal Center Press”, 2011. 75 p. (In Russ.)
10. Goryunova N. A. Culturological aspect of ethnic crime and counteraction to it // Response to crime: concepts, law, practice. M.: Russian Criminological Association, 2002. P. 35–38. (In Russ.)
11. Burkovskaya V. A. Criminal religious extremism: criminal legal and criminological foundations of counteraction: dis. ... doc. legal sci. M., 2006. 469 p. (In Russ.)
12. Dikaev S. U. About the so-called ethnic crime and extremism // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2012. No. 24. P. 38–44. (In Russ.)
13. Klishkov V. B., Kostyrya E. A., Platonov A. V. et al. Methodology for identifying, preventing and solving crimes committed by ethnic organized criminal groups: scientific and practical recommendations. SPb.: St. Petersburg Publishing House. University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. P. 257–262. (In Russ.)
14. Koldin S. V., Chekurin A. N. Problems of prosecutorial supervision of operational investigative activities // Modern jurisprudence: current problems, achievements and innovations: collection of articles of the XIX International Scientific and Practical Conference. Penza, 2019. P. 195–197. (In Russ.)
15. Zaslavsky V. B. On the issue of the prosecutor appealing court decisions on the production of operational investigative measures that limit the constitutional rights of citizens // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2017. No. 7. P. 76–79. (In Russ.)

Информация об авторах:

А. Г. Ахмедов, кандидат юридических наук;
Р. Р. Насыров, кандидат юридических наук.

Information about the authors:

A. G. Akhmedov, Candidate of Law;
R. R. Nasyrov, Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 07.11.2023; одобрена после рецензирования 04.04.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 07.11.2023; approved after reviewing 04.04.2024; accepted for publication 21.06.2024.

**УЧАСТКОВЫЕ УПОЛНОМОЧЕННЫЕ ПОЛИЦИИ И СОТРУДНИКИ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ ФСИН РОССИИ:
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ****Александр Анатольевич Беженцев**

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, adovd@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9909-9869

Аннотация. В научной статье обосновывается, что важно предельно повышать эффективность координации деятельности участковых уполномоченных полиции и сотрудников уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России с целью обеспечения качественного производства ими необходимых профилактических мероприятий и принятия своевременных мер в случае выявления нарушений осужденными обязанностей и запретов, возложенных на них судом при назначении наказания, не связанного с лишением свободы. Сделаны основные выводы: а) достаточно сложным является вопрос о том, следует ли учитывать количество нарушений порядка отбывания условного осуждения тех, за которые к осужденному уже ранее применялись определенные меры воздействия. Автору представляется, что любые нарушения осужденным порядка отбывания наказания условно, вне зависимости от того, применялись ли они к нему за эти нарушения какие-либо меры воздействия или нет, должны учитываться при решении вопроса о наличии признака систематичности нарушений; б) сотрудники уголовно-исполнительных инспекций сталкиваются с проблемой определения, какое же именно основание отмены условного осуждения имеет место, что обусловлено наличием в Уголовно кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) открытого перечня тех обязанностей, которые могут быть возложены на лицо при назначении ему наказания условно. Полагаем, что следует сделать перечень обязанностей, которые может возложить суд, исчерпывающим, исключив указание на возможность наложения иных обязанностей на осужденного, кроме тех, которые перечислены в ч. 5 ст. 73 УК РФ.

Ключевые слова: участковые уполномоченные полиции, УУП, уголовно-исполнительные инспекции, УИИ, ФСИН России, взаимодействие УУП и УИИ, условное осуждение, суд, осужденный, испытательный срок, лишение свободы.

Для цитирования: Беженцев А. А. Участковые уполномоченные полиции и сотрудники уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России: актуальные вопросы взаимодействия // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 2 (104). С. 70–77.

Original article

**DISTRICT POLICE OFFICERS AND EMPLOYEES
OF PENAL INSPECTIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE
OF RUSSIA: CURRENT ISSUES OF INTERACTION****Alexander A. Bezhentsev**

Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, adovd@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9909-9869

Abstract. The scientific article substantiates that it is important to extremely increase the efficiency of coordination of the activities of district police officers and employees of the penal inspections of the Federal Penitentiary Service of Russia in order to ensure the high-quality implementation of the necessary preventive

© Беженцев А. А., 2024

measures and taking timely measures if convicted persons violate the duties and prohibitions imposed on them by court when imposing a non-custodial sentence. The main conclusions have been drawn: a) the question of whether the number of violations of the order of serving a suspended sentence should include those for which certain measures of influence have previously been applied to the convicted person. The author thinks that any violations of the procedure for serving a suspended sentence by a convicted person, regardless of whether any measures of influence were applied to them for these violations or not, should be taken into account when deciding whether there is a sign of systematic violations; b) employees of penal inspections are faced with the problem of determining what exactly is the basis for canceling a suspended sentence, as the Criminal Code of the Russian Federation contains an open list of those responsibilities that can be imposed to a person when assigning him a suspended sentence. We believe that the list of duties that court can impose should be made comprehensive, excluding the possibility of imposing duties on the convicted person other than those listed in Part 5 of Art. 73 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: local police officers, police department, penal inspections, correctional department, Federal Penitentiary Service of Russia, interaction between police inspections and correctional departments, suspended sentence, court, convicted person, probation, imprisonment.

For citation: Bezhentsev A. A. District police officers and employees of penal inspections of the Federal Penitentiary Service of Russia: current issues of interaction // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (104). P. 70–77. (In Russ.)

Введение

Основное направление, по которому осуществляется взаимодействие участковых уполномоченных полиции (далее – УУП) и сотрудников уголовно-исполнительных инспекций (далее – УИИ) ФСИН России представляет собой предупреждение совершения преступления ранее осужденными лицами, которым назначено наказание, не связанное с изоляцией от общества. Предупредительная деятельность может быть эффективной лишь при условии, что она осуществляется систематично и продуктивно. Однако анализ практики свидетельствует о том, что зачастую реализация данной деятельности УУП осуществляется эпизодически, от случая к случаю, без четко выработанной линии воздействия на объекты профилактики, в связи с чем и результативность ее невысока, что можно объяснить как объективными, так и субъективными причинами [1, с. 407–416; 2, с. 39–45; 3, с. 260–267].

Методы

Автором при написании данной статьи использовались формально-юридический метод научного исследования, метод системного анализа и др.

Результаты и обсуждение

Сосредоточим внимание на некоторых основных направлениях взаимодействия. Прежде всего УУП совместно с сотрудни-

ми УИИ принимают участие в проведении профилактических мероприятий, в числе которых можно назвать такие, как «Условник», «Группа риска», «Надежда», «Ресоциализация». Также УУП принимают участие в различных рейдах по проверке осужденных, выявлению лиц, скрывающихся от контроля УИИ. Проверки осуществляются в общественных местах, по месту работы, по месту жительства, учебы осужденного.

Ведомственный приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» возлагает на УУП масштабные обязанности участвовать в осуществлении контроля за осужденными, которым назначено наказание, не связанное с лишением свободы. Таких лиц участковый должен посещать не реже одного раза в три месяца. Проблема здесь заключается в том, что в настоящий момент отсутствует правовое регулирование вопроса доступа УУП в жилое помещение для проверки факта нахождения там осужденного, в то же время сотрудники УИИ обладают правом вхождения в жилое помещение при проверке осужденного (за исключением ночного времени), поэтому такие проверки результативными будут лишь при условии проведения их совместно с субъектами взаимодействия.

В том случае, когда выявлены факты невыполнения обязанностей, нарушения ограничений и запретов, установленных для условно осужденного судом, сотрудники УИИ и УУП вправе выйти с ходатайством о продлении испытательного срока условного осуждения либо о замене условного осуждения реальным отбыванием наказания [4, с. 14–18; 5, с. 32–37; 6; 7, с. 203–208; 8; 9, с. 32–35; 10, с. 21–26; 11, с. 15–18; 12, с. 102–105; 13, с. 13–18; 14, с. 252–254; 15, с. 174–181; 16, с. 56–60; 17, с. 45–54].

Подобный подход позволяет более эффективно реализовывать предупредительные меры. В частности, при продлении испытательного срока лицо, которому наказание назначено условно, четко осознает, что в случае еще одного нарушения ему придется отбывать наказание уже реально. Замена условного наказания в большей степени позволяет реализовать функцию предупреждения применительно к остальным осужденным, которые еще не совершили тех нарушений, при которых возможно назначение реального наказания.

В то же время здесь хочется обратить внимание на определенные проблемы, связанные с несовершенством уголовного законодательства, регламентирующего вопросы замены условного осуждения реальным, вследствие которых не всегда удается достичь такой цели, как замена наказания.

При наличии отрицательных оснований и принятии судом решения по вопросу отмены условного осуждения возникает достаточно большое количество спорных вопросов. Так, одной из основных проблем выступает определение признака систематичности при совершении административных правонарушений, неисполнении обязанностей, нарушении запретов как оснований для аннулирования условного суждения и исполнения наказания в виде изоляции от общества, назначенного судом.

Здесь следует сказать, что применительно к рассматриваемому вопросу выработано два различных подхода.

Первый подход заключается в том, что систематичность появляется исключительно

но в случае, когда лицом было допущено несколько нарушений, но ни за одно из них меры воздействия к осужденному не применялись. То есть, в силу данного подхода, если осужденным уже допускалось какое-либо нарушение и ввиду этого испытательный срок судом был пролонгирован, то в дальнейшем, в случае если будут еще совершены нарушения, суд не должен их учитывать при замене условного суждения на реализацию наказания в виде лишения свободы.

Второй подход базируется на том, что любое нарушение, допущенное осужденным, должно быть учтено при определении систематичности, вне зависимости от того, применялись ли за него судом меры воздействия или нет, то есть они не «сгорают».

Полагаем, что верным является второй из рассмотренных подходов. Если согласиться с правильностью первого подхода, вполне возможны ситуации, когда отменить условное осуждение и исполнить реальное наказание, назначенное приговором суда, по причине систематичности нарушений осужденным порядка отбывания наказания условно будет невозможно. Так, уголовно-исполнительная инспекция обязана реагировать на каждое нарушение, что требует либо продления испытательного срока, либо возложения дополнительных обязанностей, наложения ограничений на виновного.

В том же случае, когда испытательный срок вследствие такого нарушения будет продлен, и осужденный вновь совершит нарушение, отменить условное осуждение будет невозможно, так как предыдущие учесть нельзя. Фактически в таком случае будет возможна отмена условного осуждения только тогда, когда уголовно-исполнительной инспекцией будет выявляться одно длящееся нарушение, а таких фактов практически не имеется.

Таким образом, нам представляется, что любые нарушения осужденным порядка отбывания наказания условно вне зависимости от того, применялись ли к нему за эти нарушения какие-либо меры воздействия или нет, обязаны учитываться при определении вопроса о наличии признака систе-

матичности нарушений. Для исключения споров по данному вопросу и различных подходов к его решению судами разных регионов видится необходимым издать соответствующие разъяснения высшей судебной инстанцией России.

Следует отметить еще одну значимую проблему. Зачастую сотрудники уголовно-исполнительных инспекций, а также участковые уполномоченные полиции сталкиваются с трудностями определения основания отмены условного осуждения.

Так, к примеру, если судом в приговоре на осужденного была возложена обязанность не совершать правонарушения против общественного порядка и общественной безопасности, возникает вопрос, в данном случае имеет место основание, предусмотренное ч. 2 или ч. 4 ст. 74 УК РФ. Представляется, что данная проблема обусловлена наличием в УК РФ открытого перечня тех обязанностей, которые могут быть возложены на лицо при назначении ему наказания условно.

Считаем, что поскольку законодатель не отдал приоритета какому-либо из видов оснований отмены, здесь следует руководствоваться логикой и, раз законодатель на первое место вывел именно нарушение общественного порядка среди других возложенных судом обязанностей, значит, он рассматривает его как первостепенное. Ввиду этого предлагается руководствоваться именно таким подходом и в приведенном примере сотрудники УИИ должны в качестве основания отмены указать систематическое нарушение общественного порядка. Данную позицию целесообразно было бы закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Однако данную проблему можно разрешить более просто – сделать перечень обязанностей, которые может возложить суд, исчерпывающим, исключив указание на возможность наложения других обязанностей на осужденного, кроме тех, которые перечислены в ч. 5 ст. 73 УК РФ.

Еще одно отрицательное основание отмены условного осуждения рассматри-

ваемой группы оснований – сокрытие осужденного от контроля со стороны УИИ. Разъяснение о том, кто признается лицом, скрывшимся от контроля, имеется в ч. 6 ст. 190 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: это условно осужденный, место нахождения которого не установлено в течение более 30 дней.

Нормативным правовым актом, регламентирующим вопрос исполнения наказаний, которые не сопряжены с изоляцией от социума, установлено, что сотрудники УИИ должны проводить мероприятия по установлению местонахождения осужденных с того момента, когда им стало известно о том, что субъект уклоняется от контроля. Для этого сотрудником УИИ должен быть подан рапорт, утвержденный начальником инспекции. Затем сотрудники уголовно-исполнительной инспекции проводят оперативно-розыскные мероприятия, и здесь возникает достаточно много проблем, которые обусловлены, как отмечают исследователи, необоснованно незначительным промежутком времени. Опросы сотрудников УИИ свидетельствуют о том, что нередко в данном случае возникает необходимость направления запросов в другие субъекты страны, а в таком случае срока 30 суток явно недостаточно.

В связи с этим достаточно распространена ситуация, когда сотрудники уголовно-исполнительной инспекции направляют ходатайства в суд об отмене условного осуждения по основанию, сопряженному с сокрытием осужденного от контроля, до того, как у них имеются достаточные материалы, подтверждающие данный факт, что влечет нарушение прав лиц, условно осужденных, когда они в действительности не скрывались, а не могли сообщить о своем местонахождении по уважительным причинам. Те же проблемы имеют место и в том случае, когда об отмене условного осуждения ходатайствует участковый уполномоченный полиции.

Анализ случаев отмены условного осуждения по отрицательному основанию свидетельствует о том, что на первом месте в качестве основания выступает: а) систе-

матическое невыполнение обязанностей, систематические нарушения ограничений и запретов, наложенных на осужденного условно судом (примерно 70 % всех ходатайств уголовно-исполнительной системы); б) на втором месте – систематическое нарушение общественного порядка (примерно в 15 % случаев); в) на третьем месте (примерно 5 % случаев) основанием выступает сокрытие осужденного от контроля сотрудников уголовно-исполнительной инспекции и участковых уполномоченных полиции.

Как правило, в большинстве случаев судами удовлетворяются ходатайства об отмене условного осуждения по указанным основаниям (приблизительно 80 % всех ходатайств). Однако, как можно увидеть, и достаточно много случаев (20 %) отказов в удовлетворении таких ходатайств. Наиболее распространенными причинами отказа являются следующие:

а) отсутствие данных, свидетельствующих о систематическом нарушении общественного порядка или неисполнении осужденным возложенных на него обязанностей, систематическое нарушение запретов (примерно 75 %);

б) решение суда о наличии потенциальной возможности исправления лица без отбывания назначенного ему наказания (примерно 25 %).

При наличии любого из оснований рассматриваемой группы суд имеет право выбора – отменить либо не отменить условное осуждение, данное решение им принимается на основании анализа всех обстоятельств. Суды стремятся, прежде всего, учесть права осужденного, и, когда имеется такая возможность, они предпочитают давать осужденным шанс на исправление без изоляции от социума. При этом судьи нередко мотивируют это тем, что в случае неучета прав обвиняемых судебные решения могут быть обжалованы в вышестоящей судебной инстанции.

Следующую группу оснований отмены составляют случаи совершения осужденными в течение испытательного срока преступлений. Здесь интерес представляет тот факт, что законодатель в зависимости от тя-

жести совершенного преступления разделил случаи, когда отмена условного осуждения является безусловной, а когда суд вправе выбрать, сохранять ли условное осуждение или отменять его.

Осуждение условно надлежит отменить в том случае, когда во время течения испытательного срока осужденный совершает умышленное тяжкое/особо тяжкое преступление. В случае, когда осужденным совершено неосторожное преступление или преступление небольшой/средней тяжести, отмена не является обязательной.

Здесь некоторые рекомендации дает высшая судебная инстанция – Верховный Суд Российской Федерации, – указавшая, что суд, решая вопрос о том, сохранить условное осуждение либо отменить его, должен учитывать характер и степень общественной опасности обоих преступлений (и нового, и того, за которое наказание назначено условно), личность осужденного и его поведение в период испытательного срока. Какое бы решение судом в итоге не было принято, он должен привести соответствующую аргументированную мотивировку в приговоре по новому преступлению.

Полагаем, что следовало бы судам в большей степени учитывать мнение сотрудников УИИ и органов внутренних дел (УУП), поскольку именно они реализовывают контроль за поведением осужденных и могут прогнозировать, возможно ли обеспечить достижение целей наказания без изоляции от социума или в обязательном порядке необходимо отбытие лицом реального наказания в виде лишения свободы.

Обозначим и проблему зачастую формального подхода УУП к проверке осужденных в рамках взаимодействия с сотрудниками УИИ. Рапорты участковых, как и иная информация о проверке осужденных, о проводимой с ними профилактической работе, иногда отличаются формализмом, данная деятельность нередко осуществляется ненадлежащим образом, без учета характеристики личности осужденного, что, безусловно, является нарушением конституционного принципа законности. В качестве причин

данных недостатков деятельности участковых уполномоченных полиции можно назвать неполный комплект в некоторых регионах сотрудников полиции.

Заключение

Сформулируем главные выводы по результатам научной статьи.

1. Ключевыми субъектами координации деятельности с УИИ выступают УУП. На них возлагается множество функций в сфере предупреждения правонарушений и преступлений осужденных к наказанию, не связанному с лишением свободы. При этом имеются определенные сложности, обусловленные как исполнением сотрудниками своих должностных обязанностей, так и объективными причинами, в частности, высокой нагрузкой на сотрудников правоохранительных органов.

2. Нельзя не обратить внимание и на некоторые недостатки действующего законодательства, усложняющие замену условного осуждения лицам, которые допустили нарушения обязанностей и запретов при условном осуждении, что затрудняет эффективную реализацию полномочий по обращению в суд с ходатайством о замене условного осуждения настоящим лишением свободы. Так, достаточно проблемным видится вопрос о том, следует ли учитывать число нарушений порядка отбывания условного наказания те, за которые к осужденному уже применялись определенные меры воздействия (например, продлевался испытательный срок).

В судебной практике просматриваются два кардинально разных подхода, что обусловлено отсутствием четких разъяснений по данному вопросу. Представляется, что любые нарушения осужденным порядка отбывания наказания в виде срока условно, вне зависимости от того, применялись ли к нему за эти нарушения какие-либо меры

воздействия или нет, обязаны учитываться судом при решении вопроса о наличии признака систематичности данных нарушений. Для искоренения споров по указанному вопросу и различных подходов к его решению судами разных субъектов Российской Федерации видится необходимым издать соответствующие разъяснения высшей судебной инстанцией – Верховным Судом Российской Федерации.

3. Зачастую сотрудники уголовно-исполнительных инспекций сталкиваются с проблемой определения, какое же именно основание отмены условного осуждения имеет место, что обусловлено наличием в УК РФ открытого перечня тех обязанностей, которые могут быть возложены на лицо при назначении ему наказания условно. По нашему мнению, следует сделать перечень обязанностей, которые имеет право возложить суд, исчерпывающим, исключив указание на возможность наложения других обязанностей на осужденного, кроме тех, которые исключительно провозглашены в ч. 5 ст. 73 УК РФ. Предлагаемые изменения уголовного законодательства будут способствовать предупреждению преступлений со стороны осужденных лиц, обеспечивать удовлетворение ходатайств в суд УУП и УИИ о замене условного осуждения осужденному реальным отбыванием наказания.

Итак, считаем, что целесообразно максимально повышать ответственность взаимодействующих субъектов (УУП МВД России и УИИ Минюста России), обеспечивать качественную реализацию ими необходимых профилактических мероприятий и принятие своевременных мер в случае выявления нарушений условно осужденными обязанностей и запретов, возложенных на них судом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Юрова Ю. В. Взаимодействие территориальных органов ФСИН России и МВД России в сфере профилактики повторной преступности среди осужденных к наказаниям без изоляции от общества // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16. № 4 (60). С. 407–416.

2. Майорова Е. О. Взаимодействие уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России с правоохранительными органами по предупреждению совершения новых преступлений осужденными к нака-

заниям без изоляции от общества // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 4 (86). С. 39–45.

3. Окоркова Э. М. Актуальные вопросы взаимодействия участковых уполномоченных полиции с сотрудниками уголовно-исполнительной инспекции Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменения: сборник научных статей по результатам научно-исследовательского семинара. Ижевск, 2022. С. 260–267.

4. Маликов Б. З. Условное осуждение – форма условного наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 2 (18). С. 14–18.

5. Николук В. В. Направление осужденных в места лишения свободы в связи с отменой условного осуждения, заменой исправительных, обязательных работ, ограничения свободы, штрафа: проблемы теории, правового регулирования, судебной практики // Международный пенитенциарный журнал. 2017. Т. 3. № 1. С. 32–37.

6. Малолеткина Н. С. Условное осуждение – форма реализации уголовной ответственности (проблемы сущности и исполнения): диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Самара, 2011. 199 с.

7. Эриашвили Н. Д., Павлухин А. Н., Ларина Л. Ю. К вопросу о правовой природе условного осуждения в уголовном праве: продолжение дискуссии // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 203–208.

8. Малолеткина Н. С., Ежова О. Н., Яворский М. А. Теоретические и правовые основы организации условного осуждения и условно-досрочного освобождения: учебное пособие. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2015. 95 с.

9. Шестакова С. Д., Аштыкчиев М. М. Заключение под стражу или продление срока задержания условно осужденного к лишению свободы // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 2 (64). С. 32–35.

10. Коренная А. А. Замена условного наказания на реальное лишение свободы по делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Российско-азиатский правовой журнал. 2021. № 1. С. 21–26.

11. Медведев Е. В. Порядок отмены условного осуждения и замены его реальным отбыванием наказания в механизме реализации охранительной и восстановительной функций уголовного права // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2022. № 1 (55). С. 15–18.

12. Исакова Т. И. О некоторых проблемах применения условного осуждения и его замены // Вестник науки. 2023. Т. 2. № 2 (59). С. 102–105.

13. Кадников Н. Г. Современные проблемы категоризации преступлений в зависимости от их тяжести // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 2. С. 13–18.

14. Макаров Р. В., Габдрахманов Ф. В. Признание рецидива преступлений при отмене условного осуждения: к истории вопроса // Евразийский юридический журнал. 2023. № 3 (178). С. 252–254.

15. Комиссаренко Е. С., Уманец В. С. Применение условного осуждения по уголовному законодательству РФ в соотношении с назначением более мягкого наказания // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 5 (142). С. 174–181.

16. Медведев Е. В. Назначение и функциональный потенциал условного осуждения // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 4 (94). С. 56–60.

17. Долотов Р. О. Условно-досрочное освобождение от наказания и домашний арест: проблемы взаимозачета // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 2. С. 45–54.

REFERENCES

1. Yurova Yu. V. Interaction of territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia in the field of prevention of repeat crime among those sentenced to punishment without isolation from society // Penitentiary Science. 2022. Vol. 16, No. 4 (60). P. 407–416. (In Russ.)

2. Mayorova E. O. Interaction of penal inspections of the Federal Penitentiary Service of Russia with law enforcement agencies to prevent the commission of new crimes by those sentenced to punishment without isolation from society // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4 (86). P. 39–45. (In Russ.)

3. Okorkova E. M. Current issues of interaction between local police commissioners and employees of penal inspection of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation // Current problems of lawmaking and law enforcement: Collection of scientific articles based on the results of a research seminar. Izhevsk, 2022. P. 260–267. (In Russ.)
4. Malikov B. Z. Suspended sentence – a form of conditional punishment // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2012. No. 2 (18). P. 14–18. (In Russ.)
5. Nikol'yuk V. V. Sending convicts to places of deprivation of liberty in connection with the abolition of suspended sentences, replacement of correctional, compulsory labor, restrictions on freedom, fines: problems of theory, legal regulation, judicial practice // International Penitentiary Journal. 2017. Vol. 3. No. 1. P. 32–37. (In Russ.)
6. Maloletkina N. S. Conditional sentencing is a form of implementation of criminal liability (problems of essence and execution): dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Samara, 2011. 199 p. (In Russ.)
7. Eriashvili N. D., Pavlukhin A. N., Larina L. Yu. On the issue of the legal nature of suspended sentence in criminal law: continuation of the discussion // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3. P. 203–208. (In Russ.)
8. Maloletkina N. S., Ezhova O. N., Yavorsky M. A. Theoretical and legal foundations of the organization of probation and parole: Textbook. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2015. 95 p. (In Russ.)
9. Shestakova S. D., Ashtykchiev M. M. Detention or extension of the period of detention of a conditionally sentenced person to imprisonment // Bulletin of Kaliningrad branch of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2 (64). P. 32–35. (In Russ.)
10. Korennaya A. A. Replacement of conditional punishment with real imprisonment in cases of crimes in the field of entrepreneurial and other economic activities // Russian-Asian Legal Journal. 2021. No. 1. P. 21–26. (In Russ.)
11. Medvedev E. V. The procedure for canceling a suspended sentence and replacing it with the actual serving of a sentence in the mechanism for implementing the protective and restorative functions of criminal law // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1 (55). P. 15–18. (In Russ.)
12. Isakova T. I. About some problems of the application of suspended sentence and its replacement // Bulletin of Science. 2023. Vol. 2. No. 2 (59). P. 102–105. (In Russ.)
13. Kadnikov N. G. Modern problems of categorizing crimes depending on their severity // Union of criminalists and criminologists. 2020. No. 2. P. 13–18. (In Russ.)
14. Makarov R.V., Gabdrakhmanov F.V. Recognition of recidivism when a suspended sentence is revoked: to the history of the issue // Eurasian Legal Journal. 2023. No. 3 (178). P. 252–254. (In Russ.)
15. Komissarenko E. S., Umanets V. S. Application of suspended sentence under the criminal legislation of the Russian Federation in relation to the appointment of a more lenient punishment // Bulletin of Saratov State Legal Academy. 2021. No. 5 (142). P. 174–181. (In Russ.)
16. Medvedev E. V. Purpose and functional potential of conditional sentence // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 4 (94). P. 56–60. (In Russ.)
17. Dolotov R. O. Conditional release from punishment and house arrest: problems of mutual offset // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2016. No. 2. P. 45–54. (In Russ.)

Информация об авторе:

А. А. Беженцев, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

A. A. Bezhentsev, Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.12.2023; одобрена после рецензирования 27.04.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 27.12.2023; approved after reviewing 27.04.2024; accepted for publication 21.06.2024.

**ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МЕРЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ
ЛЕСНОЙ ОТРАСЛИ (НА ПРИМЕРЕ МВД ПО РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ)****Денис Олегович Вишнеvский**Министерство внутренних дел по Республике Бурятия,
Улан-Удэ, Россия, cherrydenis@yandex.ru

Аннотация. В статье на примере Республики Бурятия затронуты актуальные вопросы деятельности территориальных органов внутренних дел по борьбе с преступлениями в лесной отрасли. Автор охарактеризовал современное состояние оперативной обстановки в сфере лесопользования региона. На основе проведенного анализа им сформулированы приоритетные направления деятельности территориальных органов внутренних дел, а также рассмотрены основные меры организационного и управленческого характера, оказывающие влияние на эффективность работы органов внутренних дел по декриминализации сферы лесного хозяйства. Отдельное внимание в статье уделено изучению положительной практики взаимодействия правоохранительных и контрольно-надзорных органов по вопросам противодействия рассматриваемому виду преступлений.

Ключевые слова: лесная отрасль; лесопромышленный комплекс; организационно-управленческие меры органов внутренних дел; современное состояние оперативной обстановки в сфере лесопользования; меры по декриминализации лесной отрасли; оперативно-розыскная деятельность.

Для цитирования: Вишнеvский Д. О. Правовые и организационные меры территориальных органов внутренних дел по декриминализации лесной отрасли (на примере МВД по Республике Бурятия) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 2 (104). С. 78–87.

Original article

**LEGAL AND ORGANIZATIONAL MEASURES OF THE TERRITORIAL
BODIES OF INTERNAL AFFAIRS ON DECRIMINALIZATION
OF THE FOREST INDUSTRY (USING THE EXAMPLE OF THE MINISTRY
OF INTERNAL AFFAIRS OF THE REPUBLIC OF BURYATIA)****Denis O. Vishnevskiy**The Ministry of Internal Affairs of the Republic of Buryatia
Ulan-Ude, Russia, cherrydenis@yandex.ru

Abstract. The article using the example of the Republic of Buryatia touches upon topical issues of the activities of territorial internal affairs bodies to combat crimes in the forest industry. The author described the current state of the operational situation in the field of forest management in the region. Based on the analysis, he formulated the priority areas of activity of the territorial bodies of internal affairs, as well as considered the main organizational and managerial measures that affect the effectiveness of the work of internal affairs bodies in decriminalizing the forestry sector. Special attention is paid to the study of the positive practice of interaction between law enforcement and supervisory bodies in countering this type of crime.

Keywords: forest industry; timber industry; organizational and managerial measures of internal affairs bodies; the current state of the operational situation in the field of forest management; measures to decriminalize the forest industry; operational investigative activities.

For citation: Vishnevskiy D. O. Legal and organizational measures of the territorial bodies of Internal Affairs on decriminalization of the forest industry (using the example of the Ministry of Internal Affairs of the

Republic of Buryatia) // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (104). P. 78–87. (In Russ.)

Введение

В связи с высокой криминализацией сферы лесного хозяйства России специалисты на протяжении более десяти лет говорят о необходимости разработки комплексной системы политических, экономических, организационных, экологических, юридических и мотивационных механизмов, направленных на защиту и приумножение лесного богатства, а также воплощения в жизнь национальной лесной политической стратегии [1, с. 370].

Анализ оперативной обстановки в рассматриваемой сфере показывает, что, несмотря на наметившуюся в последние годы динамику оздоровления лесопромышленного комплекса путем принятия кардинальных мер, связанных с внедрением Единой государственной автоматизированной информационной системы учета древесины и сделок с ней, электронного сопроводительного документа, непрерывного дистанционного зондирования Земли, запрета экспорта круглого и грубо обработанного леса, уровень преступности в лесопромышленном комплексе (далее – ЛПК) остается высоким.

В связи с этим руководство МВД России относит противодействие данным преступлениям к приоритетному направлению в обеспечении экономической безопасности страны. Задачи по декриминализации ЛПК ежегодно отражаются в директивных решениях МВД России.

Методы

В процессе исследования автором использовались общенаучный диалектический, сравнительно-правовой, формально-логический методы и метод контент-анализа, а также иные общие и специальные методы научного познания.

Результаты

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (далее – Страте-

гия), являясь документом долгосрочного стратегического планирования, относит экологическую безопасность и рациональное природопользование к стратегическим национальным приоритетам государства. Российская Федерация рассматривает свой уникальный эколого-ресурсный потенциал в качестве национального достояния, сохранение и защита которого необходимы для обеспечения жизни будущих поколений. Рекультивация нарушенных земель, экологическая реабилитация территорий, увеличение площади лесовосстановления относятся Стратегией к обязательным условиям улучшения качества жизни россиян. Реализация приоритетных задач в сфере лесопользования осуществляется за счет концентрации усилий и ресурсов органов публичной власти¹.

Однако бесконтрольное хозяйственное использование лесного фонда страны может привести к его неоправданному истощению, а хищническое использование природных ресурсов ведет к деградации земель, дефициту водных ресурсов, уменьшению биологического разнообразия и др.

Стратегия к приоритетным задачам по достижению целей экологической безопасности и рационального природопользования Российской Федерации относит:

- обеспечение эффективного использования природных ресурсов;
- обеспечение экологически ориентированного роста экономики;
- рекультивацию нарушенных земель, экологическую реабилитацию территорий;
- охрану и воспроизводство лесов;
- повышение эффективности государственного экологического надзора².

Ученые-криминалисты и криминологи, например, М. А. Васильева [2], Ю. П. Гармаев, О. В. Середа [3], Я. Б. Дицевич [4],

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента России от 2 июля 2021 г. № 400. М.: Проспект, 2021.

² Там же.

Е. Е. Космодемьянская [5], В. А. Косых [6] и др., на протяжении последних лет активно занимаются изучением преступности в лесной отрасли, а также вопросами противодействия ей. Отдельное внимание в своих исследованиях такие известные специалисты в области теории оперативно-розыскной деятельности, как П. И. Иванов [7], Р. Г. Искалиев [8], Г. Г. Саркисян [9], А. В. Телков [10], уделяют вопросам борьбы с организованной преступностью, осуществляющей незаконную деятельность в сфере заготовки и оборота древесины.

Расчеты, проведенные Центром экологии и продуктивности лесов Российской Академии наук, показали, что незаконный объем древесины в сфере переработки, экспорта, внутреннего потребления превышает 16 %¹. В целях декриминализации лесной отрасли распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 марта 2022 г. № 510-р утвержден план мероприятий по реализации Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года. Пункт 33 данного плана предусматривает, что МВД России во взаимодействии с заинтересованными службами и ведомствами проводят мероприятия по пресечению деятельности преступных группировок и организованных преступных групп, действующих в сфере незаконной заготовки и незаконного оборота древесины.

Как свидетельствует правоприменительная практика Республики Бурятия, к одной из угроз экологической и экономической безопасности региона необходимо отнести деятельность организованных групп и сообществ, которые в коррупционной связи с отдельными должностными лицами способны наносить многомиллионный ущерб региону.

В этой связи автор статьи считает целесообразным внесение в раздел «Экологиче-

ская безопасность и рациональное природопользование» Стратегии национальной безопасности в качестве самостоятельной задачи принятие правовых и организационных мер, направленных на декриминализацию ЛПК. Это позволит территориальным органам внутренних дел на среднесрочную перспективу рассматривать ее в качестве приоритета в оперативно-служебной деятельности.

Кратко охарактеризуем современное состояние оперативной обстановки в сфере лесопользования Республики Бурятия. Данный анализ позволит сформулировать приоритетные направления деятельности территориальных органов внутренних дел региона по декриминализации лесной отрасли.

Республика Бурятия обладает значительными запасами древесины. Леса занимают площадь более 29 млн га, что составляет 85 % от всей территории региона с запасом древесины 2,2 млрд куб. м. Годичный прирост запаса древесины оценивается в 23,4 млн куб. м². Лесозаготовки в регионе являются высокодоходным видом коммерческой деятельности и полностью ориентированы на экспорт в Китайскую Народную Республику (далее – КНР). При этом китайские контрагенты, заинтересованные в бесперебойных поставках сырья, не заботятся о законности способа его добычи на территории России. В Республике Бурятия насчитывается более 300 мест (пунктов) складирования древесины, а также объектов лесоперерабатывающей инфраструктуры, часть из которых имеют доступ как к собственным, так и арендованным подъездным железнодорожным путям. На территории республики действует четыре зоны таможенного контроля, через которые осуществляется экспорт сырьевых ресурсов. На налоговом учете состо-

¹ Об усилении контроля за оборотом древесины и противодействия ее незаконной заготовке: постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30 января 2019 г. № 17-СФ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Лесного плана Республики Бурятия (с изменениями на 21 июля 2021 года): пост. Правительства Республики Бурятия от 28 декабря 2018 г. № 763 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ит 41 участник внешнеэкономической деятельности¹.

Организация работы подразделений территориальных органов внутренних дел МВД Республики Бурятия осуществляется на основе комплексного анализа оперативной обстановки, в рамках которого определяются районы, подверженные массовым незаконным рубкам. На основе результатов такого анализа разрабатываются графики совместного патрулирования. В местах возможного сбыта незаконно добытой древесины проводятся оперативно-розыскные мероприятия.

Существенной спецификой работы в области сохранности лесов республики является применение дистанционного мониторинга, в рамках которого выявляется значительное количество правонарушений. По заданиям Рослесхоза мониторинг (непрерывный и обычный) проводится в 15 лесах, расположенных на территории Республики Бурятия. Более трети (34 %) ² уголовных дел возбуждаются по результатам использования метода космомониторинга.

Анализ статистических и аналитических данных в рассматриваемой сфере позволяет определить следующие приоритетные направления деятельности территориальных органов внутренних дел Республики Бурятия в обеспечении экологической безопасности и природопользования региона.

Документирование и пресечение нелегальной деятельности организованных преступных групп и сообществ.

Противоправная деятельность организованных групп в лесопромышленном комплексе Республики Бурятия преимущественно связана с масштабными незаконными рубками лесных насаждений, контрабандой древесины и лесоматериалов в КНР, уходом от налогов, а также легализацией средств, полученных от контрабандных поставок леса [11, с. 130].

Правоприменительная практика подразделений экономической безопасности и про-

тиводействия коррупции (далее – ЭБиПК) МВД по Республике Бурятия показывает, что для совершения незаконного экспорта пиломатериалов злоумышленники разрабатывают сложные схемы совершения преступления. Они создают или используют юридические лица, аффилированные между собой, которые выполняют отдельные функции-этапы в преступной схеме:

- скупку пиломатериалов или незаконно заготовленной древесины;
- транспортировку железнодорожным или иным видом транспорта;
- совершение сделок по экспорту леса с иностранными контрагентами и расчеты с ними;
- легализацию средств, полученных от контрабанды лесоматериалов.

За период с 2020 по 2023 год сотрудниками полиции МВД по Республике Бурятия пресечена незаконная деятельность 20 организованных групп, к уголовной ответственности привлечены 100 человек, которым было вменено 154 эпизода преступной деятельности.

Противодействие коррупции в лесной отрасли.

В лесопромышленном комплексе республики отмечается достаточно высокая криминальная активность должностных лиц, осуществляющих функции по использованию и распоряжению лесами, в том числе расходованию государственных бюджетных средств.

Высокий уровень коррупционных отношений в рассматриваемой сфере обусловлен тем фактором, что совершение преступных действий в лесопромышленном комплексе республики практически невозможно без использования специальных знаний, особенностей делопроизводства и служебных полномочий должностных лиц. Подобного рода преступления совершаются должностными лицами органов лесного хозяйства и лесозаготовительных организаций, наде-

¹ По сведениям Управления Федеральной налоговой службы по Республике Бурятия.

² Здесь и далее по тексту приведены официальные статистические данные информационного центра МВД по Республике Бурятия.

ленных административно-управленческими функциями. Такие лица обладают профессиональными знаниями и навыками, опытом технологии производства, знаниями особенностей учета и контроля. Кроме того, они располагают широким кругом социальных связей, в том числе в криминальной среде. Такая «смычка» позволяет детально спланировать преступления, подобрать исполнителей, обойти систему хозяйственно-финансового контроля и др.

Совершение коррупционных преступлений связано с хищением бюджетных денежных средств, выделенных в рамках национальных проектов и государственных программ, а также хищениями при осуществлении процедур компенсационного лесовосстановления.

В правоприменительной практике подразделений ЭБиПК все чаще стали выявляться следующие преступные схемы, связанные с оформлением должностными лицами фиктивных разрешительных документов:

- незаконные рубки под видом санитарно-оздоровительных мероприятий в защитных лесах [12, с. 259];
- незаконные рубки под видом заготовки древесины для личных нужд граждан;
- неправомерное размещение объектов нелесной инфраструктуры;
- незаконные рубки при строительстве и эксплуатации объектов;
- незаконные рубки на землях обороны и безопасности;
- незаконные рубки при проведении противопожарных мероприятий.

Такие преступления в основном совершаются сотрудниками лесозаготовительных организаций, а также должностными лицами органов лесного хозяйства по причине существенного ослабления надзорных функций государства [13, с. 39].

За период с 2020 по 2023 год сотрудниками ЭБиПК по Республике Бурятия было выявлено 25 должностных преступлений, в том числе 5 фактов взяточничества. К уголовной ответственности привлечено 11 сотрудников органов лесного хозяйства республики.

Выявление и документирование фактов незаконной рубки лесных насаждений.

При заготовке древесины самым распространенным преступлением является незаконная рубка (статья 260 УК РФ). Самовольные рубки составляют до 30 % от официальных лесозаготовок в регионе.

В правоприменительной практике подразделений МВД по Республике Бурятия отмечаются незаконные рубки, которые могут проводиться на основании разрешительных документов, но с грубыми нарушениями действующих норм лесного законодательства.

К подобному роду правонарушений относятся:

- превышение разрешенного размера лесосеки;
- заготовка древесины за границами отведенных лесосек;
- заготовка древесины в большем объеме от документально заявленного;
- заготовка древесины под видом санитарных рубок.

За период с 2020 по 2023 год общая сумма ущерба от незаконных рубок лесных насаждений в Бурятии составила 1 517 107 000 рублей.

Выявление административных правонарушений.

За последние 4 года сотрудниками полиции выявлено 3723 административных правонарушения в сфере лесопользования. Административные протоколы составлялись по фактам незаконных рубок, повреждения лесных насаждений или самовольного выкапывания в лесах деревьев, кустарников, лиан. На нарушителей наложены штрафы на сумму более 11,6 млн руб.

Сотрудники Госавтоинспекции МВД по Республике Бурятия в рамках своей компетенции задействованы в выявлении и пресечении незаконной транспортировки древесины без оформленного в установленном лесным законодательством порядке сопроводительного документа.

Отдельным направлением правоохраны, осуществляемой территориальными органами внутренних дел республики, яв-

ляется выявление административных правонарушений в области правил пожарной безопасности в лесах. В пожароопасный период года участковые уполномоченные полиции территориальных органов МВД по Республике Бурятия во взаимодействии с сотрудниками органов лесного хозяйства и работниками органов местного самоуправления осуществляют рейдовые мероприятия в лесных массивах по профилактике лесных пожаров. В 2023 году в ходе патрулирования было выявлено 621 административное правонарушение, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 8.32 КоАП РФ (нарушение правил пожарной безопасности в лесах).

Одним из направлений оптимизации деятельности территориальных органов внутренних дел МВД по Республике Бурятия по декриминализации лесной отрасли региона является принятие комплекса правовых и организационных мер, которые создают необходимые условия для рационального использования имеющихся сил и средств.

Приказ МВД по Республике Бурятия от 22 марта 2021 г. № 199 «О совершенствовании деятельности подразделений МВД по Республике Бурятия и территориальных органов МВД России, подчиненных МВД по Республике Бурятия, по декриминализации лесной отрасли» вводит правовые и организационные начала. В соответствии с данным приказом выявление, пресечение и раскрытие преступлений, связанных с незаконным оборотом леса и продуктов его переработки, являются приоритетом в оперативно-служебной деятельности полиции.

Приказом МВД по Республике Бурятия от 13 декабря 2019 г. № 762 в целях повышения эффективности работы по раскрытию и расследованию уголовных дел в сфере лесопользования в МВД Республике Бурятия создана специализированная аналитическая группа по контролю за ходом раскрытия и расследования преступлений в сфере лесопользования. Важной функцией по борьбе с преступлениями в обозначенной сфере является организация межведомственного взаимодействия МВД по

Республике Бурятия с иными правоохранительными и контролирующими органами, в том числе с Прокуратурой Республики Бурятия, УФСБ России по Республике Бурятия, Бурятской таможней и Республиканским агентством лесного хозяйства.

В целях планирования, координации и реализации совместных мероприятий в Республике Бурятия создана межведомственная рабочая группа по борьбе с правонарушениями и преступлениями в сфере охраны окружающей среды и природопользования. Ежеквартально на заседании рабочей группы оперативно рассматриваются актуальные вопросы по выявлению и раскрытию преступлений в сфере оборота древесины.

Для реализации комплекса мер по декриминализации сферы внешнеэкономической деятельности совместно с Бурятской таможней ежегодно проводятся мероприятия в рамках утвержденного Плана совместных оперативно-розыскных и профилактических мероприятий по противодействию контрабанде стратегически важных товаров и ресурсов. Вопросы результативности борьбы с преступлениями в лесной отрасли рассматриваются на заседаниях Координационного совещания руководителей правоохранительных органов по обеспечению правопорядка в Республике Бурятия.

При Правительстве Республики Бурятия создана Комиссия по профилактике и пресечению незаконной заготовки древесины и ее оборота на территории региона, деятельность которой осуществляется в соответствии с планом работы Комиссии. К наиболее актуальным направлениям деятельности, которые оказывают влияние на эффективность правоохраны в данной сфере, можно отнести следующие вопросы повестки:

– об эффективности использования специальных средств фото-, видеофиксации в предупреждении и выявлении нарушений лесного законодательства;

– применение беспилотных летательных аппаратов в области защиты лесов и выявления фактов незаконной заготовки и оборота древесины.

В системе организационно-управленческих мер важное место отводится методическому обеспечению деятельности подразделений полиции, задействованных в решении задач экономической и экологической безопасности региона. В МВД по Республике Бурятия данному направлению уделяется повышенное внимание, так как с учетом меняющейся оперативной обстановки и внедрения в практику правоохраны инновационных методов требуется повышение квалификации сотрудников полиции. В этих целях ежегодно в рамках учебно-методических сборов с начальниками полиции и сотрудниками территориальных органов проводятся занятия по тактике и методике выявления преступлений в лесной сфере. На места направляются соответствующие методические рекомендации. В 2023 году проведен совместный учебно-методический семинар с участием правоохранительных органов Республики Бурятия «Актуальные вопросы выявления, пресечения и расследования преступлений коррупционной направленности в сфере лесопользования».

Анализ состояния оперативной обстановки на территории Республики Бурятия в сфере лесопользования позволил сформулировать системную проблему, оказывающую влияние на эффективность борьбы с преступлениями в рассматриваемой сфере [14, с. 186]. Ее суть заключается в транспортировке (перемещении) незаконно добытой древесины и орудий совершения преступлений с мест незаконных рубок и последующего ее хранения. В соответствии с Приказом МВД по Республике Бурятия от 22 марта 2021 г. № 199 данная обязанность возложена на начальников территориальных органов МВД России. Однако на практике решение данного вопроса вызывает особые трудности. Так, в ходе расследования уголовных дел, осуществления доследственных проверок или проведения оперативно-розыскных мероприятий сотрудники полиции без специальной техники не могут доставить к месту хранения изъятые автомобили, самоходные машины или незаконно добытую

древесину. В большинстве случаев это требует заключения договоров с индивидуальными предпринимателями, что, в свою очередь, предусматривает оплату оказанных услуг. Однако подобного рода финансирование в ОВД отсутствует. Нам представляется целесообразным для решения данного вопроса привлекать как органы местного самоуправления, так и уполномоченные органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области лесных отношений, сотрудники которых принимают активное участие в проверочных мероприятиях. Они выступают представителями потерпевшего по уголовным делам, участвуют в осмотрах мест происшествий, производят необходимые расчеты ущерба, причиненного преступлениями. При этом данные ведомства располагают необходимой материально-технической базой.

Несмотря на то, что данный вопрос неоднократно рассматривался на заседании межведомственной Комиссии при Правительстве Республики Бурятия по профилактике и пресечению незаконной заготовки древесины и ее оборота, к сожалению, стоит констатировать, что он по-прежнему остается открытым ввиду отсутствия финансирования. Следует отметить, что эта проблема характерна и для других лесных регионов нашей страны, например, для Иркутской области и Красноярского края [15, с. 60].

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, сделаем вывод о том, что лесопромышленность России занимает особое место как в экономике, так и жизнедеятельности общества и государства. Бережное отношение к лесу, а также противодействие противоправным посягательствам на рассматриваемые отношения являются одним из приоритетных направлений деятельности исполнительных органов власти всех уровней. Органы внутренних дел призваны усилить борьбу с преступлениями в ЛПК, способствовать большей степени прозрачности данных отношений. В этой связи сотрудникам оперативных подразделений ОВД необходимо владеть данными, содержащими актуальные сведения о

состоянии оперативной обстановки, включая криминологическую характеристику «лесной» преступности региона.

Проведенное исследование показало, что на территории Республики Бурятия созданы все необходимые структуры, в чьи функции входят организация, координация и контроль по борьбе с преступлениями и в сфере лесопользования. Это позволяет контролировать криминальную ситуацию в регионе, оперативно реагировать на ее изменения и своевременно определять приоритетные направления деятельности в лесопромышленном комплексе, к числу которых следует отнести:

– выявление коррупционных преступлений, связанных с хищениями и нецелевым использованием бюджетных средств, в том числе выделяемых на закупки для государственных и муниципальных нужд, а также на финансирование национальных проектов и целевых программ;

– выявление, документирование, пресечение и раскрытие преступлений, соверша-

емых участниками организованных групп и преступных сообществ, занимающихся незаконными рубками лесных насаждений;

– противодействие экономическим преступлениям в сфере лесозаготовок, обработки древесины и на целлюлозно-бумажном производстве.

Принимая во внимание, что борьба с преступлениями в лесопромышленном комплексе занимает важное место в механизме правового обеспечения экологической безопасности страны, охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, считаем целесообразным внесение в Стратегию национальной безопасности Российской Федерации положения о принятии комплекса мер по противодействию коррупции в ЛПК, а также пресечению деятельности организованных групп и преступных сообществ, так как именно эти деликты несут в себе наибольшую общественную опасность и причиняют колоссальный ущерб экологии и экономике государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мясников С. В. Проблемы формирования национальной политики противодействия незаконному обороту древесины // Проблемы современной экономики. 2012. № 3 (43). С. 368–370.
2. Васильева М. А. Концептуальные основы методики расследования экологических преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. 519 с.
3. Гармаев Ю. П., Середа О. В. Понятие и признаки преступлений в сфере лесопромышленного комплекса // Аграрное и земельное право. 2022. № 9 (213). С. 134–138.
4. Дицевич Я. Б. Некоторые аспекты противодействия преступности в сфере лесопользования // Глаголь правосудия. 2017. № 1 (13). С. 28–30.
5. Космодемьянская Е. Е. Направления совершенствования методики расследования преступлений в сфере лесопромышленного комплекса // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 3 (52). С. 182–189.
6. Косых В. А. Незаконный оборот леса и лесоматериалов в Российской Федерации: сущность, детерминация, проблемы противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2022. 240 с.
7. Иванов П. И., Кузнецов П. Г. Об особенностях лесопромышленного комплекса, учитываемых при организации на его объектах оперативно-розыскной деятельности // Государственная служба и кадры. 2017. № 1. С. 53–55.
8. Искалиев Р. Г., Кусакин Д. В. Организация оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по борьбе с организованной преступностью экономической направленности в сфере неправомерного использования древесины // Научный компонент. 2021. № 1 (9). С. 50–59.
9. Саркисян Г. Г. Совершенствование организации оперативно-служебной деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России в сфере лесопромышленного комплекса (часть 1) // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 1 (96). С. 86–91.

10. Телков А. В. Некоторые аспекты выявления и раскрытия подразделениями по борьбе с экономическими преступлениями незаконных рубок лесных насаждений // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 5. С. 159–161.
11. Александрова Л. И. Противодействие преступности в сфере незаконного оборота и экспорта леса // Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов XI Международной научно-практической конференции. Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2023. С. 129–132.
12. Султанова Д. С., Курамшина Н. Г. Эколого-правовые аспекты защитных лесов РФ и РБ незаконная вырубка в защитных лесах // Вестник науки. 2023. Т. 3. № 1 (58). С. 258–263.
13. Дорофеев И. Н., Валитов Р. Р. Инновационные направления деятельности органов внутренних дел по борьбе с преступлениями в сфере лесного комплекса Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 3 (27). С. 37–41.
14. Саркисян Г. Г. Совершенствование организации оперативно-служебной деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России в сфере лесопромышленного комплекса (часть 3) // Юрист-Правоведь. 2021. № 3 (98). С. 185–188.
15. Анисимов А. Г., Никеров Д. М. Направления по совершенствованию государственного управления в вопросах противодействия преступности в лесной сфере (на примере Иркутской области) // Сибирский юридический вестник. 2020. № 2 (89). С. 56–60.

REFERENCES

1. Myasnikov S. V. Problems of forming a national policy to counteract illegal timber trafficking // Problems of modern economics. 2012. No. 3 (43). P. 368–370. (In Russ.)
2. Vasilyeva M. A. Conceptual foundations of the methodology of investigation of environmental crimes: dis. ... Dr. of Law. Moscow. 2022. 519 p. (In Russ.)
3. Garmaev Yu. P., Sereda O. V. The concept and signs of crimes in the sphere of the timber industry // Agrarian and land law. 2022. No. 9 (213). P. 134–138. (In Russ.)
4. Ditsevich Ya. B. Some aspects of countering crime in the field of forest management // Glagol of justice. 2017. No. 1 (13). P. 28–30. (In Russ.)
5. Kosmodemyanskaya E. E. Directions for improving the methodology of investigating crimes in the field of the timber industry // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3 (52). P. 182–189. (In Russ.)
6. Kosykh V. A. Illegal trafficking of timber and timber products in the Russian Federation: essence, determination, problems of counteraction: dis. of Candidate of Law. St. Petersburg, 2022. 240 p. (In Russ.)
7. Ivanov P. I., Kuznetsov P. G. On the features of the timber industry complex, taken into account when organizing operational investigative activities at its facilities // State service and personnel. 2017. No. 1. P. 53–55. (In Russ.)
8. Iskaliev R. G., Kusakin D. V. Organization of operational investigative activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation to combat organized crime of an economic orientation in the field of illegal use of wood // Scientific component. 2021. No. 1 (9). P. 50–59. (In Russ.)
9. Sarkisyan G. G. Improving the organization of operational and service activities of the economic security and anti-corruption units of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the field of the timber industry (part 1) // Jurist-Pravoved. 2021. No. 1 (96). P. 86–91. (In Russ.)
10. Telkov A. V. Some aspects of detection and disclosure by units for combating economic crimes of illegal logging of forest plantations // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 5. P. 159–161. (In Russ.)
11. Alexandrova L. I. Countering crime in the field of illegal trafficking and export of timber // Countering crime: theory and practice: Abstracts of the XI International Scientific and Practical Conference. Mogilev: Educational institution “Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus”, 2023. P. 129–132. (In Russ.)
12. Sultanova D. S., Kuramshina N. G. Ecological and legal aspects of protective forests of the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan illegal logging in protective forests // Bulletin of Science. 2023. Vol. 3. No. 1 (58). P. 258–263. (In Russ.)

13. Dorofeev I. N., Valitov R. R. Innovative directions of activity of internal affairs bodies in combating crimes in the field of the forest complex of the Russian Federation // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 3 (27). P. 37–41. (In Russ.)

14. Sarkisyan G. G. Improving the organization of operational and service activities of the economic security and anti-corruption units of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the field of the timber industry (part 3) // Jurist-Pravoved. 2021. No. 3 (98). P. 185–188. (In Russ.)

15. Anisimov A. G., Nikerov D. M. Directions for improving public administration in combating crime in the forest sector (on the example of the Irkutsk region) // Siberian Legal Bulletin. 2020. No. 2 (89). P. 56–60. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.01.2024; одобрена после рецензирования 17.01.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 10.01.2024; approved after reviewing 17.01.2024; accepted for publication 21.06.2024.

**К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ, СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИИ
ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА
ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ПОЛИЦИИ****Пётр Иванович Иванов**

Академия управления МВД России, Москва, Россия, ivanovpi1952@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье на основе изучения и анализа оперативно-розыскного законодательства, научных публикаций, правоприменительной практики и криминогенной ситуации по линии информационного противоборства, осуществляемого силами правоохранительных органов, в том числе оперативными подразделениями полиции, рассматриваются существующие научные позиции специалистов в области теории оперативно-розыскной деятельности по вопросу о понятии, сущности и содержании указанного вида деятельности, который целиком нацелен на оказание открытого или скрытого информационного воздействия. Многие исследователи, характеризуя информационное противоборство в условиях коренных изменений, обусловленных прежде всего цифровой трансформацией, приходят к выводу о том (мы разделяем их мнение), что существует еще и информационно-психологическое противоборство как его неотъемлемая часть. При этом в работе автор сфокусировал свое внимание на поисках новых знаний по проблеме наличия их взаимозависимости и взаимообусловленности.

Ключевые слова: органы внутренних дел, оперативные подразделения органов внутренних дел, информационное противоборство, понятие, сущность и содержание информационного противоборства, факторы, обуславливающие информационное противоборство, совокупность признаков, базовый термин.

Для цитирования: Иванов П. И. К вопросу о понятии, сущности и содержании информационного противоборства оперативными подразделениями полиции // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 2 (104). С. 88–98.

Original article

**ON THE ISSUE OF THE CONCEPT, ESSENCE AND CONTENT
OF INFORMATION WARFARE BY OPERATIONAL POLICE UNITS****Peter I. Ivanov**Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
ivanovpi1952@yandex.ru

Abstract. Based on the study and analysis of operational investigative legislation, scientific publications, law enforcement practice and the criminogenic situation along the line of information warfare carried out by law enforcement agencies, including operational police units, the article examines the existing scientific positions of specialists in the field of theory of operational investigative activities on the concept, essence and content of this type of activity that is entirely aimed at providing open or hidden information impact. Many researchers, characterizing the information warfare in the context of fundamental changes caused primarily by digital transformation, come to the conclusion (we share their opinion) that there is also an informational and psychological confrontation as an integral part of it. At the same time, the author focused his attention on the search for new knowledge on the problem of their interdependence and interconditionality.

Keywords: internal affairs bodies, operational units of internal affairs bodies, information warfare, concept, essence and content of information warfare, factors causing information warfare, set of characteristics, basic term.

For citation: Ivanov P. I. On the issue of the concept, essence and content of information warfare by operational police units // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (104). P. 88–98. (In Russ.)

Введение

Органы внутренних дел и их оперативные подразделения выступают одним из субъектов реализации государственной политики в вопросах информационного противоборства (противостояния), которые в рамках своих полномочий осуществляют противодействие [1, с. 213–220] данной угрозе, создавая тем самым необходимое условие успешности проведения информационной политики [2, с. 26–33]. По мнению большинства специалистов, решающим фактором информационного противостояния является информационный потенциал.

При этом важно учесть одно немаловажное обстоятельство: развитие системы защиты информации ознаменовалось переходом от традиционной формы представления к более широкому пониманию информационной безопасности. Суть нового представления заключается в реализации комплексного подхода к пониманию информационной безопасности как совокупности двух основных направлений: защиты информации и защиты от информации. В свою очередь, защита от информации приобретает стратегический характер, становясь одной из ключевых современных проблем национальной безопасности России. При этом в контексте защиты от информации выделяют три основных направления информационных воздействий: 1) воздействия на информационно-технические системы и средства; 2) воздействия на общество; 3) воздействия на психику человека.

Отметим одну деталь: в понимании ключевых категорий (понятий), связанных с информационным противоборством, среди научных работников в настоящее время возникли определенные расхождения, что подтолкнуло автора настоящей статьи подключиться к обсуждению обозначенной нами проблемы.

Методы

Методологическую базу исследования составили общеправовые принципы ди-

алектики, общенаучные, частные и специальные методы, а также системный подход, обеспечивающие единство, объективность и концептуальную целостность системы информационного противоборства. Использование системно-структурного метода и метода факторного анализа позволило определить его структуру и направление проводимого выборочного изучения. Так, с помощью формально-юридического метода установлены, проанализированы и систематизированы основные источники оперативно-розыскных знаний об организации и тактике осуществления рассматриваемого вида деятельности в интересах противодействия ему, установлено взаимное влияние информационно-психологического и информационного противоборства на формирование научных положений и научно обоснованных рекомендаций по повышению эффективности противодействия им. Логико-юридический метод применялся для исследования нормативных правовых актов, позволивших определить понятие «информационное противоборство», его сущность и содержание. Формально-логический метод способствовал выявлению и систематизации элементов оперативно-розыскного противодействия и определению закономерных связей между ними. Статистический метод обеспечил возможность сбора, анализа и систематизации данных о предупреждении и пресечении различных видов правонарушений, в том числе с использованием оперативно-розыскных сил и средств. Конкретно-социологический метод использован при анкетировании руководителей оперативных подразделений полиции и их сотрудников, изучении отдельных оперативно-служебных документов. Решение задач исследования на основе привлечения обширного спектра теоретического и эмпирического материала предопределило использование разнообразного научного инструментария.

Результаты

В результате исследования сформулировано авторское определение понятия «информационное противоборство» на основе изучения и анализа научной литературы, нормативных правовых актов и правоприменительной практики; определена его сущность и содержание, которое в обобщенном виде представлено через призму комплекса мер, носящих теоретический, правовой, организационный, информационный, тактический и иной характер; разработана научно обоснованная теоретико-методологическая модель исследования информационно-психологического противоборства как одной из функций оперативных подразделений полиции.

Среди новых вызовов и угроз национальной безопасности в настоящее время информационное противоборство на фоне глобализации посредством информационно-телекоммуникационных технологий (сети), включая сеть Интернет, занимает ключевое место, поскольку оно охватывает самые передовые технологии, преследующие одну единственную цель – выигрыш в условиях международного соперничества.

Со своей стороны полагаем, что без предварительного уяснения смысла и содержания рассматриваемого понятия вряд ли удастся найти наиболее оптимальные варианты противодействия. К сожалению, на сегодня среди специалистов теории оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) органов внутренних дел (далее – ОВД) нет единого мнения на этот счет, что вызывает определенные трудности и сложности в решении указанной задачи.

В системе оперативно-розыскного понятия противодействия и понятийно-категориального аппарата базовым термином является информационное противоборство, которое, на наш взгляд, может быть рассмотрено как в узком, так и в широком смысле.

Одни авторы (Г. Г. Аветисянц, В. И. Борисов, Д. П. Гавра и др.) информационное противоборство рассматривают как нацеленную на получение информационного превосходства и выигрыша в сфере реально-

го бытия форму борьбы социальных субъектов, представляющую собой использование каждым из них информационных и иных ресурсов, специальных средств и методов для воздействия на информационные процессы и информационную среду противостоящего субъекта и защиты собственных информационных процессов и информационной среды [3, с. 10–26].

Из приведенного определения видна сама цель информационного противоборства, а также его стороны, ресурсы, инструменты и объекты воздействия. Автор при его формулировании предусмотрел системообразующие компоненты рассматриваемого вида деятельности, что, на наш взгляд, является большим его достоинством.

В научной литературе существуют и иные подходы к определению понятия «информационное противоборство». Так, например, С. П. Расторгуев утверждает, что «информационное противоборство – это открытое и/или скрытое целенаправленное информационное воздействие систем друг на друга с целью получения определенного выигрыша в материальной сфере» [4, с. 468]. В данном случае автор, на наш взгляд, анализируемый вид деятельности рассматривает в узком смысле слова. Многие исследователи, характеризуя информационное противоборство, приходят к выводу о том, что существует еще и информационно-психологическое противоборство, которое, по их мнению, выступает неотъемлемой частью информационного противоборства. Одним из сторонников этой точки зрения является А. В. Манойло. В частности, он считает, что информационное противоборство есть «соперничество социальных систем в информационно-психологической сфере по поводу влияния на те или иные сферы социальных отношений и установления контроля над источниками стратегических ресурсов, в результате которого одни участники соперничества получают преимущества, необходимые им для дальнейшего развития, а другие их утрачивают» [5, с. 388]. Действия участников информационного противоборства могут носить наступательный (агрес-

сия, война) или оборонительный характер. Указанный подход разделяют многие специалисты [6, с. 92]. Как видим, вышеприведенные определения сформулированы авторами через призму военного искусства. Однако они, как нам представляется, приемлемы и применительно к правоохранительной деятельности, поскольку в них заложены концептуальные основы самого термина.

Другие (В. И. Шайкин [7, с. 272], В. А. Мелешенко [8, с. 74] и др.), говоря об информационном противоборстве, одновременно употребляют такие термины, как «информационная война», «информационно-психологическое противоборство», оценивая при этом как относительно самостоятельные виды деятельности. Со своей стороны полагаем, что сторонники этой точки зрения вполне аргументированно обосновывают свою позицию, и поэтому она, безусловно, имеет право на существование. Разделяя отчасти указанное мнение, хотим подчеркнуть, что информационная война есть составная часть современной геополитики.

Рассуждая о понятии «информационное противоборство», мы стараемся уяснить для себя сущностно-содержательные элементы, а их, на наш взгляд, три:

а) принятие активных целенаправленных действий, затрагивающих различные сферы жизнедеятельности (общество, индивид, коллектив через призму удовлетворения социально-экономических и иных их потребностей). Выборочное изучение научной литературы убедительно показывает, что исследователи основной акцент делают на информационно-психологической сфере, рассматривая ее как действенное средство для влияния на противоборствующую сторону. Такой способ противодействия многократно доказан в его эффективности при достижении планируемой цели. При этом человеческий ресурс считается определяющим (ключевым);

б) совокупность общественных отношений, включая урегулированные нормами различных отраслей права. Эти отношения возникают между двумя субъектами, пред-

ставляемыми в виде относительно самостоятельных систем;

в) наконец, соперничество в интересах получения преимущества чаще всего в материальной сфере, позволяющего становиться субъектом контроля над источниками стратегических ресурсов. Здесь основным двигателем является выигрыш.

Вышеуказанные составные части, взятые вместе, образуют единый деятельностный механизм, основанный на общем методологическом подходе к намеченной цели. Как нам представляется, указанный механизм есть совокупность правовых норм, форм, методов и средств, обеспечивающих эффективность морально-психологического воздействия. Мы полагаем, что в таком виде сталкиваемся со специально сформированной инфраструктурой (организационное построение), располагающей необходимыми ресурсами и средствами. Характеризуя указанный механизм, отметим, что при его реализации отчетливо проявляют себя такие принципы, как единство научно-методических и организационных подходов к выработке осуществляемой в рамках информационно-психологического противоборства политики; принцип инновационности, состоящий в разработке и внедрении прогрессивных научных технологий совершенствования его форм и методов; принцип профессионализации управления, основанный на необходимости повышения профессиональной компетенции задействованных на практическое осуществление специалистов. В системе названных принципов не менее востребованным считается принцип практической направленности, означающий подчиненность названной политики целям и задачам деятельности по информационно-психологическому противоборству.

Чтобы противостоять ему, мы в контексте оперативно-служебной деятельности полицейских и иных подразделений МВД России из всей системы выделяем два направления, которые, на наш взгляд, являются основными: 1) профессиональная подготовка, обеспечивающая достижение сотрудниками высокого уровня професси-

онализма на основе развития знаний, привития навыков и формирования умений; 2) морально-психологическое обеспечение, формирующее устойчивое морально-психологическое состояние личного состава, благоприятный социально-психологический климат в служебных коллективах. Со своей стороны полагаем, что в числе приоритетных задач в этом ракурсе в первую очередь должно стать развитие многоуровневой практико-ориентированной системы непрерывного профессионального образования. При этом важно обеспечить соответствие содержания и структуры профессиональной подготовки сотрудников ОВД с динамично изменяющимися потребностями указанных органов, а это предполагает разработку и реализацию профильных образовательных программ повышения квалификации полицейских. Оценку качества профессионального образования целесообразно проводить на основе комплексного мониторинга, предварительно разработав механизм его реализации.

Что же касается морально-психологического сопровождения работы с личным составом, то его организация, по мнению автора настоящей статьи, предполагает:

– использование современных информационных и педагогических технологий (дистанционное обучение, контрольные тестовые системы);

– внедрение автоматизированной информационной системы ведомственного мониторинга морально-психологического состояния служебного коллектива.

Такая работа должна быть нацелена на формирование системы защиты личного состава от негативного информационно-психологического воздействия. Это, в свою очередь, означает: а) выработку у сотрудников устойчивой системы взглядов, идей и подходов и формирование на этой основе способности к объективной оценке событий и фактов действительности с позиции интересов оперативно-служебной действительности; б) развитие форм и средств информационно-пропагандистского воздействия на личный состав в целях разъяснения истинного

содержания важных общественно-политических событий, социально-экономических процессов и явлений. Одним из условий успешного достижения указанной цели является формирование соответствующих потребностям времени нормативных правовых и организационных основ противоборства.

Заметим, что понятия «организация информационного противоборства» и «информационное противоборство» – не одно и то же (не идентичны), ибо в первом случае это вид деятельности в ее динамике, а во втором – нахождение его в статике.

Говоря о понятии «организация информационного противоборства», мы выделяем в нем следующие ключевые признаки, которые в целом его характеризуют. Это такие признаки, как вид согласованной и целенаправленной деятельности, ее упорядоченность, исходя из целей и задач, стоящих перед оперативными подразделениями полиции.

Руководители территориальных ОВД и их оперативных подразделений, оценивая современное состояние информационного противоборства, предварительно изучают среду функционирования через призму совокупности факторов. В частности, ими являются:

– условия глобализации и информатизации, которые помимо позитивных процессов несут в себе деструктивное воздействие на общество. Доказано, что обострение информационного противоборства является следствием глобализации;

– информационно-телекоммуникационное пространство для криминальных структур – это среда, в которой за относительно небольшие затраты можно охватить большую аудиторию под свое информационно-психологическое воздействие с целью манипулирования общественным сознанием (электронное мошенничество);

– скорость и качество получения необходимых сведений, заслуживающих оперативного внимания, и их переработки с учетом уже имеющейся в распоряжении оперативных подразделений информации. Немаловажным при этом является своевременное

доведение до адресата (исполнителя) окончательных данных. Информационное противодействие в обобщенном виде предполагает ряд действий, среди которых особо значимыми, на наш взгляд, являются: добытие оперативно значимой информации, ее переработка (проверка), защита информационных каналов от несанкционированного проникновения третьих лиц;

– совокупность противоречий экономического, политического, религиозного, национального характера. Преследуя геополитические цели, страны коллективного Запада (Европейского союза) стали широко применять не только решение конфликтов военным путем, экономическими санкциями, но и массовым использованием информационных средств и ресурсов. Зачастую именно информационное противоборство выходит на первый план при решении оперативно-тактических задач, для которых ранее использовали международное сотрудничество;

– сети связи и информационно-вычислительные сети, выступающие в качестве основных средств информационного противоборства;

– влияние психологических операций, служащих одним из элементов, на состояние противодействия информационных войн. Специалисты констатируют, что на сегодня уже существуют способы прогнозирования и эффект «срабатывания» от психологических операций.

– проблематика информационного противоборства, информационной безопасности, информационной войны, которая стала одной из наиболее популярных в современном научном и политическом дискурсе. В процессе глобализации общество переходит к информационному типу, где информация становится стратегическим ресурсом и ключевой ценностью, подверженной новым угрозам.

В зависимости от масштабов воздействия факторы, на наш взгляд, делятся: на глобальные (внешние) и внутренние.

Сущность информационного противоборства на современном этапе можно ха-

рактеризовать как деятельность ОВД и их оперативных подразделений по контролю и доминированию в финансово-экономическом (материально-техническом), научном и информационном пространстве посредством целенаправленного использования оперативно-розыскных и иных возможностей, которыми они располагают. На этом фоне в настоящее время существенным образом возрастает роль информационной составляющей в оперативно-розыскной политике.

Доказано, что сущность информационного противоборства и его составных компонентов находит внешнее проявление через совокупности признаков. В связи с этим укажем системообразующие признаки:

– открытые или скрытые целенаправленные информационные воздействия систем (правоохранительные органы – преступная среда) друг на друга с целью получения определенного выигрыша в материальной или идеологических сферах;

– достижение превосходства над криминальной структурой в своевременности, достоверности и полноте получения информации, представляющей оперативный интерес.

Что же касается содержания понятия «информационное противоборство», то мы под ним понимаем совокупность взаимосвязанных между собой действий, направленных на достижение преследуемой в ходе осуществления информационно-психологического противоборства цели. Речь идет о совокупности научно выверенных и апробированных на практике мер (действий) теоретического, правового, организационного, информационного, психологического, методического и иного характера, направленных на обеспечение интересов системы МВД России посредством создания благоприятных условий для успешного решения стоящих перед ней задач путем планомерного и системного осуществления возложенных на нее функций.

Говоря о содержании, сотрудники оперативных подразделений полиции должны придерживаться основных правил. Укажем их.

Первое правило: постоянно обеспечивать информационное доминирование в контексте оперативно значимой информации в отношении лиц и фактов, представляющих оперативный интерес (лиц, вынашивающих противоправные деяния (замысел) против структурных подразделений ОВД и их сотрудников [9, с. 80–83; 10, с. 915–200; 11, с. 195–200] либо распространяющих материалы экстремистского характера в сети Интернет).

Второе правило: добиваться полного задействования межведомственного взаимодействия оперативных подразделений органов, осуществляющих ОРД в интересах борьбы с международной, межгосударственной, трансграничной организованной преступностью.

Третье правило: использовать средства массовой информации (далее – СМИ) (медиа) для влияния через социальные сети, браузеры, взломы; прогнозировать риски и угрозы по результатам мониторинга ситуации, постараться заблаговременно иметь вариант реагирования (так называемая оперативная готовность на случай осложнения обстановки, внезапно возникших нестандартных ситуаций).

Четвертое правило: не следует занимать «оборонительную позицию», работать на упреждение, опережать жертв преступлений в трактовке фактов, а не только опровергать случившееся.

Пятое правило: активнее работать в социальных медиа, в том числе с молодежной аудиторией в соответствующем формате.

Упорядоченная система противоборства предполагает наряду с другими элементами совокупность принципов¹. Исследователи к их числу относят множество основополагающих идей.

К основным принципам информационного противоборства мы, в частности, относим: информационную асимметрию, при которой одна сторона – оперативные подразделения (противоборства) – имеет больший

объем информации, чем вторая (преступное сообщество); информационное доминирование; скрытость, латентность процессов информационно-психологической борьбы; внезапность реализации (легализации) в отношении лидеров и организаторов преступного сообщества имеющихся материалов оперативной проверки.

Заметим, что рост востребованности в деятельности оперативных подразделений полиции информационных ресурсов обозначил ряд проблем, стоящих перед ними, который включен в систему противодействия (содействие, комплекс оперативно-розыскных и иных мер, оперативно-розыскная работа, осуществляемая на системной основе в рамках дела оперативного учета).

Как справедливо отмечают многие исследователи, неотъемлемой составной частью информационного противоборства является информационно-психологическое противоборство, которое применительно к деятельности оперативных подразделений полиции на сегодня выступает одним из приоритетных направлений их деятельности. При ее осуществлении отчетливо проявляют себя такие принципы, как единство научно-методических и организационных подходов к выработке осуществляемой в рамках информационно-психологического противоборства политики; принцип инновационности, состоящий в разработке и внедрении прогрессивных научных технологий совершенствования его форм и методов; принцип профессионализации управления, основанный на необходимости повышения профессиональной компетенции задействованных на практическое осуществление специалистов. В системе названных принципов не менее востребованным считается принцип практической направленности, означающий подчиненность названной политики целям и задачам деятельности по информационно-психологическому противоборству. Как

¹ Автор настоящей статьи, помимо рассмотренных ниже, не исключает необходимость соблюдения законности, конспирации, разграничения компетенции в борьбе с преступностью, плановости, системности и коллегиальности при выработке решений, затрагивающих общие интересы всех служб и подразделений органов внутренних дел.

видим, названные начала выражают его специфику и целевую направленность.

Как нам представляется, благодаря соблюдению вышеперечисленных принципов, удастся добиться соразмерности и адекватности принимаемых сотрудниками указанных подразделений ответных мер.

Помимо принципов, правоприменительная практика при осуществлении информационного противоборства настоятельно рекомендует учесть складывающиеся условия, основными из которых являются:

- разработанность теоретических основ информационного противоборства в контексте деятельности правоохранительных органов;
- руководство информационным противоборством непосредственно руководителем ОВД;
- высокая техническая оснащенность информационного противоборства по сравнению криминальной средой;
- высокая степень секретности и скоординированности деятельности правоохранительных органов в ходе проведения мероприятий информационного противоборства;
- акцент на скрытные методы и способы информационного противоборства;
- обеспечение конфиденциальности применяемых сил, средств и приемов;
- привлечение к сотрудничеству в области информационного противоборства профессионалов в области СМИ.

В системе информационно-психологического противоборства мы выделяем его цели, задачи и функции. В частности, преследуются следующие цели:

- достижение превосходства в противодействии преступности;
- создание для этого благоприятных условий (правовых, организационных, методических, информационных, кадровых, материально-технических, финансовых, социальных, медицинских и т. п.);
- обеспечение устойчивости от информационно-психологического воздействия со

стороны криминальной среды в отношении сотрудников ОВД.

Чтобы достичь перечисленные цели, приходится решать ряд задач, основными из которых, на наш взгляд, являются:

- обеспечение информационной безопасности системы МВД России [12, с. 130–135];
- недопущение информационно-психологического воздействия на сотрудников ОВД;
- активное ведение информационного противоборства¹ [13, с. 85–89].

Органы внутренних дел и их оперативные подразделения в пределах своей компетенции осуществляют планомерную и системную работу по обеспечению информационной безопасности нашей страны от негативного воздействия СМИ на общественное сознание граждан Российской Федерации. К числу такого рода действий относятся следующие:

- осуществление работы по выявлению источников негативистского влияния из числа СМИ, социальных сетей, форумов, блогов, мессенджеров, распространению ложных новостей – «фейков»; причем в качестве таковых могут выступать блогеры, стримеры и иные пользователи систем на основе разного рода видеохостингов;
- инициирование прекращения деятельности СМИ, своевременное блокирование социальных сетей, форумов, блогов, мессенджеров, способствующих распространению ложных новостей – «фейков», в случае осуществления ими негативного воздействия на общественное сознание людей;
- осуществление работы в области создания официальных государственных СМИ, в которых на постоянной и системной основе проводилось бы разъяснение о негативном влиянии отдельных его недобросовестных участников, духовное воспитание граждан нашей страны;
- привлечение к ответственности лиц, распространяющих ложные новости – «фей-

¹ О некоторых особенностях использования информационно-телекоммуникационных технологий (достижений науки и техники) в преступных целях.

ки». В соответствии с нормами действующего законодательства Российской Федерации за негативистское влияние СМИ на общее сознание граждан предусмотрены следующие виды правовой ответственности:

– уголовная ответственность предусмотрена ст. 207.1, ст. 207.2, 207.3, 280.3, 284.2 УК РФ;

– административная ответственность предусмотрена ч. 9–11 ст. 13.15, 20.3.3 и 20.3.4 КоАП РФ.

Текущий этап развития системы оперативно-розыскного противодействия – информационный, характеризующийся не только широким использованием достижений науки и техники, но и той преступной средой, сформировавшейся преимущественно под влиянием информационных технологий, ее применением при совершении преступлений.

Оперативные подразделения полиции столкнулись с серьезным испытанием. К сожалению, сейчас ограничен, чего не было раньше, обширный перечень средств помощи, в том числе международной правовой. Действия оперативных подразделений полиции направлены главным образом на обеспечение защиты от деструктивного (разрушительного) воздействия информации. Заметим, что такое воздействие носит двойственный характер: с одной стороны, оно направлено на угрозоносителя, деструктивные силы, от которых можно ожидать с большой вероятностью нанесение ущерба (вреда), с другой – на систему обеспечения защиты информации в случае посягательства (общепрофилактическая направленность – превенция).

Благодаря оперативно-розыскному противодействию преступной среде представляется возможным своевременно распознать различные информационные конфликты, явное или скрытое предоставление субъектами информации ложных, деструктивных обстоятельств, влияющих на психологическое состояние общества с целью искусственного создания в нем социальной напряженности.

Изучение и критический анализ существующих научных источников и правоприменительной практики позволил прийти к

целому ряду предложений, направленных на повышение эффективности деятельности ОВД по информационному противодействию. В их числе основными являются:

1) формирование соответствующих потребностям времени нормативных правовых и организационных основ противодействия деятельности по информационному противодействию в органах внутренних дел;

2) формулирование многоуровневой практико-ориентированной системы оперативно-розыскной деятельности по информационному противодействию. Она должна соответствовать динамично изменяющимся условиям и потребностям оперативных подразделений полиции;

3) разработка научно обоснованных методик прогнозирования криминогенной ситуации и потребностей ОВД в специалистах различных профилей. Одновременно принять меры по реализации механизмов обеспечения комплексной автоматизированной информационной системы мониторинга их качества;

4) совершенствование системы профессиональной переподготовки и повышения квалификации кадров, что, в свою очередь, предполагает оперативную разработку и внедрение образовательных программ, обеспечивающих их обучение по новым специализациям и профилям подготовки в соответствии с запросами различных служб и подразделений ОВД;

5) выработка и внедрение в практику современных информационных и психологических технологий защиты личного состава от негативного воздействия преступной среды, надежного перекрытия каналов негативной информации, влияющей на сотрудников;

6) разработка и внедрение в работу единой автоматизированной информационной системы сбора сведений о принимаемых мерах территориальными органами МВД России на региональном уровне по локализации и нейтрализации со стороны преступной среды (криминальных элементов) негативного информационно-психологического воздействия на их сотрудников.

Заключение

Таким образом, главное звено в системе оперативно-розыскного противодействия направлено на лиц, вынашивающих противоправные действия против общественного порядка и общественной безопасности (протестная активность, массовые беспорядки и иные вызовы и угрозы, сопряженные с совершением тяжких и особо тяжких уголовно наказуемых деяний). Органы внутренних дел на сегодня подвержены масштабным информационно-психологическим воздействиям, прежде всего, со стороны органи-

зованных криминальных формирований. В этих условиях возникает неизбежная потребность заблаговременной подготовки сотрудников ОВД и их структурных подразделений к ведению противодействия информационному противоборству. Знание ими технологии его осуществления, когда информационно-телекоммуникационное пространство (социальные сети) активно используются, например, в экстремистских целях, является решающим фактором доминирования в противостоянии рассматриваемому феномену.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ишин И. А. «Противодействие преступности» или «борьба с преступностью»: анализ понятий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2022. № 3 (92). С. 213–220.
2. Иванов П. И. Концептуальные основы формирования оперативно-розыскной политики: понятие, сущность и содержание // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 2 (63). С. 26–33.
3. Гавра Д. П. Информационное противоборство: современное понимание, характеристики, подходы к междисциплинарному познанию // Российская школа связей с общественностью. 2023. № 29. С. 10–26.
4. Расторгуев С. П. Философия информационной войны. М.: Вузовская книга. 2001. 468 с.
5. Манойло А. В. Государственная информационная политика в особых условиях. М.: Изд. МИФИ, 2003. 388 с.
6. Рощупкин В. Г. Информационно-психологическое противоборство и обеспечение информационной безопасности: учеб. пособие. Самара: Издательство Самарского университета. 2018. 92 с.
7. Шайкин В. И. Информационные войска России – настоящее веление времени: монография. Рязань: РВВДКУ, 2015. 272 с.
8. Мелешенко В. А. Информационная война и современные аспекты информационного противоборства // Научный резерв. 2021. № 1 (13). С. 74.
9. Иванов П. И. Противодействие органами внутренних дел дискредитации их сотрудников (организационно-тактический аспект) // Правоохранительная деятельность. 2023. № 2 (12). С. 80–83.
10. Иванов П. И. Защита чести, достоинства и деловой репутации сотрудников ОВД РФ (понятие, сущность и содержание) // Закон и право. 2023. № 12. С. 195–200.
11. Иванов П. И. Сущность дискредитации сотрудников ОВД РФ // Закон и право. 2024. № 1. С. 195–200.
12. Грищенко Л. Л., Синодов И. А. Роль и место МВД России в обеспечении информационной безопасности // Сетевое издание «Академическая мысль». 2022. № 4 (21). С. 130–135.
13. Иванов П. И. Оперативно-розыскное противодействие киберпреступлениям (проблемы и пути их решения) // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 4 (64). С. 83–92.

REFERENCES

1. Ishin I. A. “Countering crime” or “fighting crime”: an analysis of concepts // Scientific Bulletin of Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2022. No. 3 (92). P. 213–220. (In Russ.)
2. Ivanov P. I. Conceptual foundations of the formation of operational investigative policy: concept, essence and content // Bulletin of Vladimir Law Institute. 2022. No. 2 (63). P. 26–33. (In Russ.)

3. Gavra D. P. Informational confrontation: modern understanding, characteristics, approaches to interdisciplinary cognition // The Russian School of Public Relations. 2023. No. 29. P. 10–26. (In Russ.)
4. Rastorguev S. P. The philosophy of information warfare. M.: University book. 2001. 468 p. (In Russ.)
5. Manoilo A. V. State information policy in special conditions. M.: MEFHI Publishing House, 2003. 388 p. (In Russ.)
6. Roshchupkin V. G. Information and psychological confrontation and ensuring information security: study guide. Samara: Samara University Press. 2018. 92 p. (In Russ.)
7. Shaikin V. I. Information troops of Russia – the imperative of the time: a monograph. Ryazan: RVVDKU, 2015. 272 p. (In Russ.)
8. Meleshenko V. A. Information warfare and modern aspects of information warfare // Scientific Reserve. 2021. No. 1 (13). P. 74. (In Russ.)
9. Ivanov P. I. Counteraction by internal affairs bodies to discredit their employees (organizational and tactical aspect) // Law enforcement. 2023. No. 2 (12). P. 80–83. (In Russ.)
10. Ivanov P. I. Protection of honor, dignity and business reputation of employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (concept, essence and content) // Law and Order. 2023. No. 12. P. 195–200. (In Russ.)
11. Ivanov P. I. The essence of discrediting employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // Law and Order. 2024. No. 1. P. 195–200. (In Russ.)
12. Grishchenko L. L., Synodov I. A. The role and place of the Ministry of Internal Affairs of Russia in ensuring information security // Online publication “Academic thought”. 2022. No. 4 (21). P. 130–135. (In Russ.)
13. Ivanov P. I. Operational investigative counteraction to cybercrimes (problems and ways to solve them) // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4 (64). P. 83–92. (In Russ.)

Информация об авторе:

П. И. Иванов, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author:

P. I. Ivanov, Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 09.04.2024; одобрена после рецензирования 11.04.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 09.04.2024; approved after reviewing 11.04.2024; accepted for publication 21.06.2024.

Научная статья
УДК 343.14

**ПРОИЗВОДНАЯ ВЕРБАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ:
ВИДЫ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ**

Александра Алексеевна Киселева

Академия управления МВД России, Москва, Россия, krokhaleva2000@mail.ru

Аннотация. Обращается внимание на возникновение в правоприменительной практике тенденций по формированию неоднозначных подходов к использованию в доказывании производной вербальной информации. Наиболее остро обозначенная проблема проявляется при оценке показаний сотрудников правоохранительных органов, участников уголовного судопроизводства, получивших информацию при выполнении профессиональных обязанностей или процессуальных функций. Предлагаются понятие производной вербальной информации, классификация ее видов, обуславливающих особенности оценки. Поставлен вопрос о необходимости выработки критериев оценки производных доказательств, обосновываются критерии оценки производных показаний сотрудников правоохранительных органов, основанных на вербальной информации, воспринятой от обвиняемого, подозреваемого (заподозренного), при осуществлении служебных функций.

Ключевые слова: производная вербальная информация, производные доказательства, виды производной вербальной информации, оценка производных доказательств, критерии оценки доказательств, показания сотрудников правоохранительных органов.

Для цитирования: Киселева А. А. Производная вербальная информация в уголовно-процессуальном доказывании: виды и некоторые особенности оценки // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 2 (104). С. 99–110.

Original article

**DERIVATIVE VERBAL INFORMATION IN CRIMINAL PROCEDURE
EVIDENCE: TYPES AND SOME FEATURES OF ASSESSMENT**

Alexandra A. Kiselyova

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia, krokhaleva2000@mail.ru

Abstract. Attention is drawn to the emergence in law enforcement practice of trends in the formation of ambiguous approaches to the use of derivative verbal information in proving. The most acute problem is manifested when evaluating the testimony of law enforcement officers, participants in criminal proceedings who received information while performing professional duties or procedural functions. The concept of derivative verbal information, its types, which determine the features of the assessment, is proposed. The question of the need to develop criteria for evaluating derivative evidence is raised, the criteria for evaluating derivative testimony of law enforcement officials based on verbal information received from the accused, suspect (suspected), in the exercise of official functions are substantiated.

Keywords: derivative verbal information, derivative evidence, types of derivative verbal information, evaluation of derivative evidence, criteria for evaluating evidence, testimony of law enforcement officials.

For citation: Kiselyova A. A. Derivative verbal information in criminal procedure evidence: types and some features of assessment // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (104). P. 99–110. (In Russ.)

© Киселева А. А., 2024

Введение

В последние годы научные дискуссии в области теории уголовно-процессуального доказывания, очевидно, ушли на второстепенный план, уступив исследованиям в области использования в уголовном судопроизводстве информационно-телекоммуникационных технологий, упрощенной процессуальной формы, целесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела и других вопросов, порожденных обстоятельствами непроцессуального характера, которые зачастую (нередко, к сожалению) приходится решать процессуальными средствами.

Между тем уголовно-процессуальное доказывание, несмотря на некоторую утрату к нему научного интереса и даже заметное стремление пересмотреть его традиционную сущность предложениями о придании доказательственного значения результатам оперативно-розыскной деятельности [1, с. 111–119], остается краеугольным камнем уголовного судопроизводства. От правильного применения норм доказательственного права во многом зависят и обоснованные решения обозначенных выше острых и актуальных проблем, обусловленных современной жизнью. Многие вопросы доказательственного права, однако, так и не получили окончательного решения, а некоторые, мало того, обострились современной правоприменительной практикой.

Так, несмотря на, казалось бы, ясное нормативное определение доказательств и правила их оценки (ст. 74, 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)), правоприменительная практика формирует неоднозначные подходы к использованию в доказывании производной вербальной информации. Особенно остро этот вопрос стоит применительно к показаниям сотрудников правоохранительных органов¹, участников уголовного судопроизводства, которые получают информацию соответственно при выполнении

профессиональных обязанностей или процессуальных функций.

Методы

В ходе исследования использовался прежде всего метод материалистической диалектики. Виды производной вербальной информации и особенности их оценки исследовались с учетом общих проблем оценки доказательств и тенденций правоприменительной практики в развитии научных представлений о роли производных доказательств в уголовном процессе. Использовались также общенаучные методы. В целях определения производной вербальной информации применялись логические приемы анализа и синтеза. С помощью метода классификации производная вербальная информация была разделена на виды, обуславливающие особенности оценки. Сравнительно-правовой метод позволил выявить закономерности формирования и развития различных подходов в судебной практике к оценке производных доказательств в России по сравнению с их оценкой, принятой в англо-американском уголовном процессе. Посредством формально-юридического метода уголовно-процессуальное законодательство исследовалось на предмет возможного пробела в виде отсутствия особенностей оценки производных доказательств. Метод моделирования позволил выявить направления и оптимальные векторы выработки критериев оценки производных доказательств, прежде всего производных показаний сотрудников правоохранительных органов.

Результаты

В результате проведенного исследования было дано определение производной вербальной информации в качестве доказательства в уголовном судопроизводстве, под которой понимаются сведения, полученные в ходе процессуального действия, выраженные посредством слова (устно или письменно), об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного судопроизводства, сведения,

¹ Заметим, что правильное решение этого вопроса особенно повлияет и на подходы к использованию в уголовно-процессуальном доказывании вербальных результатов оперативно-розыскной деятельности.

о которых получены лицом, передающим информацию, посредством восприятия устной или письменной информации (в любой форме и от любого носителя).

Посредством анализа правоприменительной практики был сделан вывод о существовании неординарных подходов к оценке производных доказательств, в частности производных свидетельских показаний сотрудников правоохранительных органов, что указывает на законодательный пробел в виде отсутствия особенностей их оценки.

Разработана классификация видов первоначальной вербальной информации подозреваемого, которая может служить основой для формирования производных свидетельских показаний: 1) показания, данные подозреваемым (обвиняемым) в ходе следственного или иного процессуального действия, целью которого является получение вербальной информации (допрос, очная ставка); 2) сведения, которые являются формой выражения невербальной сущности процессуального действия (предъявления для опознания); 3) сведения, сообщенные в рамках следственного действия, направленного на получение информации невербального характера (осмотр, обыск, выемка, следственный эксперимент, проверка показаний на месте, освидетельствование); 4) объяснения, данные в ходе процессуального действия, целью которого является получение информации вербального характера (в рамках ст. 144 УПК РФ); 5) сведения, полученные в рамках оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ) «опрос»; 6) сведения, ставшие известными при осуществлении мер процессуального принуждения, иных ОРМ и административных мер обеспечительного характера; 7) иные вербальные сведения, сообщенные гражданами при контакте с должностными лицами правоохранительных органов или между собой.

С целью систематизации мышления в ходе оценки производных доказательств и унификации судебной практики разработаны научно-обоснованные критерии оценки производных свидетельских показаний сотрудников правоохранительных органов.

Предложены следующие критерии допустимого использования показаний должностного лица правоохранительного органа о сведениях, полученных от обвиняемого, подозреваемого (заподозренного): 1) информация получена должностным лицом правоохранительного органа, которое не предпринимало действий, составляющих содержание уголовного преследования, в отношении лица; 2) информация получена в ситуациях, когда между должностным лицом и преследуемым не существовало уголовно-процессуальных правоотношений, содержанием которых является целенаправленная деятельность должностных лиц по получению изобличающей в совершении лицом конкретного преступления информации, т. е. когда информация получена в связи с выполнением иных служебных обязанностей; 3) когда должностное лицо в ходе своей деятельности не преследовало цели получить от лица сведения изобличительного характера.

Обсуждение

Производные доказательства в уголовно-процессуальной доктрине традиционно выделяются в классификационную группу, однако процессуальных особенностей их использования УПК РФ не предусматривает (в этой связи возникает вопрос о практической значимости классификации доказательств на первоначальные и производные), поскольку оценка любых доказательств, включая производные, подчиняется принципу свободы оценки доказательств. Однако в науке проблемность отношения к производным доказательствам признается [2, с. 5–8]. Вместе с тем с учетом складывающейся судебной практики, возросшей в несколько последних десятилетий популярности англо-американского правила «hearsay» [3, с. 79–85], на повестку дня в науке встает вопрос о необходимости нормативного процессуального реагирования на роль производных доказательств в доказывании по уголовным делам.

Предмет дискуссии, как представляется, сегодня должен составлять следующий спектр вопросов: существуют ли производные доказательства, априори являющиеся

недопустимыми; существуют ли процессуальные особенности отдельных видов производных доказательств (в частности, вербальных); какие обстоятельства необходимо учитывать при оценке производных доказательств; имеет ли значение классификация производных доказательств в зависимости от лица-источника производной информации; существует ли необходимость установления критериев оценки производных доказательств в целом или их отдельных видов.

Известно, что основанием для деления доказательств на первоначальные и производные служит наличие или отсутствие промежуточного носителя доказательственной информации [4, с. 265]. Под производными доказательствами следует понимать фактические данные, связь которых с отражаемым фактом опосредована иными сведениями и которые устанавливаются этот факт через сведения от других источников [5, с. 70].

С античных времен юристы обращали внимание на слабость производных доказательств, указывая, что «лучше искать источник, чем ручейки» [6, с. 87]. Правило, содержащее требование о приоритетном значении первоисточников доказательственной информации, прошло проверку временем и отразилось в законодательстве некоторых стран. Так, в английском уголовно-процессуальном праве доказательство «из вторых рук» (hearsay) по общему правилу признается недостоверным и допускается в доказывании лишь в исключительных случаях. Сформулированные положения нашли свое отражение и в российской уголовно-процессуальной доктрине. А. И. Трусов отмечал, что при использовании производных доказательств повышается вероятность искажения фактов, а потому органы следствия и суд в каждом деле должны стремиться отыскать первоисточник [7, с. 56]. М. А. Чельцов, говоря об особенностях производных доказательств, подчеркивая их меньшую надежность, указывал на затруднительность их проверки, а также на то, что при передаче сведений через опосредующие звенья многие имеющие значение для дела черты события исчезнут и в то же время событие

образует такими подробностями, которые не всегда соответствуют истине [8, с. 144–145].

В наибольшей степени это мнение основано на особенностях именно производной вербальной информации, которая зачастую подвержена серьезному риску искажения в силу влияния факторов субъективного характера. Такой риск соизмерим и для устной, и для письменной производной вербальной информации, однако следует учитывать, что при получении первой следователь может в определенной степени управлять процессом (получение показаний, объяснений), а письменная почти всегда вовлекается в виде готовых объектов, сформированных за рамками судопроизводства (например, электронное сообщение об услышанном от другого лица), что подлежит учету при оценке, но не снимает опасность намеренного или ненамеренного искажения сведений.

Заметим, что понимание вербальной информации в теории уголовно-процессуального доказывания различается. Так, В. В. Семенов рассматривает вербальную информацию в уголовном процессе как сведения, содержащиеся в показаниях участников процесса, исходя из того, что показания представляют собой вербальное (речевое) сообщение. Вербальная информация признается им выраженной словом и существующей в любой форме [9, с. 17].

А. В. Победкин предлагает максимально широко толковать термин «вербальная информация». Под ней он понимает любые сведения, которые выражены словами и существуют в любой форме (передаваемые устно, зафиксированные на аудио-, видеопленке в виде устной речи, в письменном виде) [10, с. 41]. Солидарен с данной позицией и Н. А. Финогенов [11, с. 42]. Однако С. Б. Россинскому и этот подход видится недостаточно полным. Он считает, что вербальная информация охватывает также иные идеальные следы как потенциальные объекты вербального познания, такие как планы, графики, чертежи, которые, по его мнению, тоже имеют «словесную», условно-знаковую форму, однако выражены с помощью иных знаков и символов [12, с. 99–106].

Единообразный подход к содержанию понятия вербальной информации важен в целях уяснения ее характерных особенностей, которые подлежат учету (возможно и нормативно) при оценке доказательств, сформированных на основе информации такого вида. Действительно, и планы, и схемы, и чертежи являются информацией, которая относится к личным доказательствам (сведения, сформированные посредством задействования сознания человека) и может быть получена как в рамках уголовного судопроизводства (рисунок, выполненный в ходе допроса), так и за пределами уголовно-процессуальных отношений (планы и чертежи, выполненные не в связи с судопроизводством по уголовному делу). Здесь субъективные факторы также подлежат учету. Однако толкование словесной информации тем не менее имеет свои особенности, сопряженные с характеристиками языка как средства общения и его структурной единицы – слова. Такое толкование имеет смысловое содержание. Толкование текста невозможно без уяснения не только правильного значения каждого слова, но и смысла сообщения, тогда как графические изображения или являются пояснением, позволяющим уяснить такой смысл, либо в свою очередь требуют преобразования в словесную информацию, подлежащую оценке как доказательство (например, показания о содержании рисунка).

Такие же показания могут потребоваться для правильной оценки не только личного, но и предметного доказательства, что не превращает предмет в вербальный источник. Относительно необходимости задействования языка для использования в доказывании личных доказательств, выраженных графически, отметим, что она обязательна для любого вида доказательств, в противном случае их просто не удастся использовать в обосновании выводов, необходимых для принятия процессуальных решений [10, с. 273].

Таким образом, вербальная информация – это информация, выраженная словом. Характеристика такой информации как личной (сформированной посредством сознания человека) имеет важное значение для

правильного определения производной вербальной информации и ее классификации в целях учета особенностей при оценке.

Производная вербальная информация, как отмечалось выше, может быть устной и письменной. В то же время при ее оценке нельзя игнорировать особенности первоначального источника информации. Очевидно, что он также может быть устным или письменным. При этом устная или письменная информация, исходящая от первоначального источника, может иметь разный материальный носитель – непосредственно человека, аудиозапись (для устной информации), видеозапись или электронный носитель (для устной и письменной информации). Для отнесения информации в классификационную группу производной вербальной информации важно, чтобы вербальной была не только производная информация, но и первоначальная, иначе утрачивается особенность, подлежащая учету при оценке – передача информации, воспринятой посредством слова. В случае восприятия от первоначального источника предметной или графической информации, лицо, передающее ее в сфере уголовного судопроизводства, является первоисточником, даже если предметное или личное доказательство, информация о котором передается в рамках процессуального действия, сформировано человеком (рисунок, планы, схемы и т. д.).

Таким образом, производная вербальная информация как доказательство в уголовном судопроизводстве – сведения, полученные в ходе процессуального действия, выраженные посредством слова (устно или письменно), об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного судопроизводства, сведения о которых получены лицом, передающим информацию, посредством восприятия устной или письменной информации (в любой форме и от любого носителя). Сведения об обстоятельствах получения такой информации при этом являются первоначальными, а не производными.

В последнее время как в науке, так и в правоприменительной практике стала формироваться тенденция отношения к произ-

водной вербальной информации как к недостаточно надежному виду информации в целях использования в уголовно-процессуальном доказывании. Острота проблемы подтверждается существованием группы ученых, которые вообще отрицают возможность использования производных доказательств. Негативное отношение к производным доказательствам авторы объясняют их недопустимостью и недостоверностью, что, по их мнению, проявляется в возможности искажения сведений при формировании производных доказательств, а также в том, что при их использовании не всегда есть возможность проверить первоисточник [13, с. 255]. Предлагается даже признать производные доказательства недопустимыми на законодательном уровне или, по крайней мере, установить приоритет первоначальных доказательств над производными [14, с. 202–203].

Вряд ли приведенные аргументы весомы. Во-первых, недопустимость здесь смешивается с недостоверностью, тогда как недостоверное доказательство может быть допустимым. Априорная недостоверность влечет недопустимость лишь в случае нарушения гарантий правильного установления обстоятельств по уголовному делу, тогда как это не единственный вид уголовно-процессуальных гарантий. Например, свидетелем были неверно истолкованы услышанные им от другого лица сведения, ввиду чего он сообщил их следователю в искаженном виде, не соответствующем действительности. При этом формально процедура формирования доказательства соблюдена, что делает его показания внешне допустимыми. Однако с содержательной точки зрения доказательство недостоверно. Во-вторых, возможность искажения сведений не исключена и при восприятии первоначальной информации. Собственно, любая вербальная информация об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, в определенной мере производна, поскольку первоначален факт, о котором лицо устно или письменно сообщает. Языковые средства передачи информации, сопряженные с задействованием при этом

ощущений, представлений (возможность неумышленного искажения) и воли (что чревато умышленным искажением), в любом случае чреваты искажением информации в той или иной степени.

Принятие мер к установлению первоисточника при проверке производных доказательств, действительно, необходимо. При этом следует учитывать, что показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности, являются недопустимыми (п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ).

Адекватное толкование этого положения предполагает, во-первых, что и показания потерпевшего, который не может указать источник своей осведомленности, также недопустимы, а во-вторых, в этих же случаях должны признаваться недопустимыми и показания обвиняемого (подозреваемого). Очевидно, не являются доказательством виновности лица показания обвиняемого, в которых он безосновательно (на основании предположения, слуха, догадки, без указания на источник осведомленности) указывает на совершение деяния другим лицом. В этой связи представляется, что в п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ следует внести соответствующие изменения.

В случае невозможности установить первоисточник необходимо дать оценку достоверности факта его наличия и причинам невозможности установления. Результаты такой оценки, безусловно, влияют на оценку производного доказательства. Оценка производных показаний с точки зрения п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ предполагает, что недостоверность самого факта наличия первоисточника означает, что показания основаны на догадке, предположении или слухе, а значит, являются недопустимыми.

Согласимся с группой ученых, признающих производные доказательства полноценными и выступающими против их «демонизации» [15, с. 34–38]. Производные доказательства нередко могут иметь сильный доказательственный потенциал, в особенности при невозможности получе-

ния информации из первоисточника в силу различных объективных обстоятельств [16, с. 267]. Мало того, с их помощью возможно выявить и проверить достоверность самих первоначальных доказательств [17, с. 432]. Запрещение производных доказательств исключит доступ к массиву информации, получить которую иным путем невозможно [18, с. 27].

Некоторые процессуалисты отмечают, что субъект доказывания при собирании доказательств должен быть ориентирован на первоначальные доказательства, которые, по их мнению, являются приоритетными в сравнении с производными [6, с. 87]. Они считают, что производные доказательства допустимо использовать лишь в исключительных случаях (при утрате, уничтожении, сокрытии первоисточника). Полагаем, такое мнение ошибочно, так как и первоначальные доказательства не гарантируют абсолютной достоверности (подозреваемый при допросе у следователя может скрыть или исказить факт совершения преступления или отдельных его обстоятельств). Существует подход, согласно которому при работе с производными доказательствами требуется повышенное внимание и осторожность [19, с. 257]. Считаем, что сама постановка вопроса об особом отношении к каким-либо доказательствам или установлении приоритета одних над другими неправомерна в условиях действия принципа свободной оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ).

К сожалению, страдает отсутствием единообразия и правоприменительная практика. Одни суды безоговорочно признают допустимыми производные вербальные сведения, полученные со слов подо-

зреваемого лица, при условии известности первоисточника¹. Другие в аналогичных ситуациях исключают их из доказательственной базы по уголовному делу по не всегда понятным мотивам². В судебной практике появились формулировки-штампы при оценке производных свидетельских показаний, что указывает на отголоски формализма в доказывании. В большей степени такой формальной оценке подвергаются свидетельские показания сотрудников правоохранительных органов относительно сведений, полученных ими в различных правовых режимах и в непроцессуальных ситуациях от подозреваемого (обвиняемого) или потенциального подозреваемого лица. Их показания отвергаются судами, в том числе по причине «заинтересованности в исходе дела»³. Аналогичные показания свидетелей – гражданских лиц принимаются беспрепятственно⁴.

Проблема использования в уголовно-процессуальном доказывании производных показаний свидетелей – сотрудников правоохранительных органов недостаточно разработана. Вместе с тем ее проявление в правоприменительной практике стало настолько распространенным, что вызывает необходимость в отдельном рассмотрении вопросов допустимого использования производных показаний данной категории лиц в доказывании. В первую очередь, проблема требует теоретического решения. Длительные дискуссии, не теряющая актуальности проблема обуславливают необходимость в постановке вопроса о возможности разработки научных критериев оценки производных доказательств, прежде всего вербальных, что позволит систематизировать мышление в ходе оценки доказательств и

¹ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 11.11.2019 № 205-АПУ19-32 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 27.01.2022 № 77-462/2022 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Постановление Президиума Новосибирского областного суда от 03.10.2018 № 44у-144/2018 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2019 № 48-АПУ19-34 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

унифицировать судебную практику. Научно разработанные критерии, конечно, не являются правилами мыслительной деятельности, которую невозможно урегулировать нормативно, они призваны организовать деятельность субъекта доказывания с целью правильного определения предмета оценки [20, с. 104–105].

Интерес к вопросу использования показаний сотрудников правоохранительных органов в уголовном процессе возрос после того, как Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) высказал свою позицию, запретив использовать в уголовном процессе через допрос следователя (дознателя) показания подозреваемого (обвиняемого), данные им в ходе досудебного производства по уголовному делу без защитника (даже в случае отказа от защитника) и не подтвержденные в суде (что вытекает из смысла п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ)¹. Обратим внимание, что в данном решении Конституционного Суда речь идет о восстановлении показаний преследуемого лица, которые были им даны на допросе, проведенном в нарушение требований УПК РФ. При этом Конституционный Суд указывает, что ст. 56 УПК РФ, определяющая круг лиц, допрос которых в качестве свидетеля запрещен, не исключает возможности допроса следователя (дознателя), проводившего предварительное расследование по уголовному делу, в качестве свидетеля, в том числе об обстоятельствах производства отдельных следственных и иных процессуальных действий.

¹ По жалобе гражданина Демьяненко В. Н. на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 УПК РФ : определение Конституционного суда Российской Федерации от 6 февраля 2004 г. № 44-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Корчагина А. Ю. на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2005 г. № 473-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефремова Р. В. на нарушение его конституционных прав положениями статей 42, 56 и 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 марта 2007 г. № 174-О-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Президиума Пермского краевого суда от 23.11.2019 № 44у-286-2019 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Позже Конституционный Суд расширил перечень лиц, допрос которых относительно содержания показаний подозреваемого (обвиняемого), данных в досудебном производстве без защитника и не подтвержденных в суде, недопустим, за счет должностных лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в отношении подозреваемого².

В другом решении Конституционный Суд указал на возможность использования в доказывании показаний потерпевших, свидетелей и других участников уголовного судопроизводства об обстоятельствах, ставших им известными от подозреваемого (обвиняемого) вне рамок уголовного судопроизводства³. Таким образом, правоприменительная практика признания недопустимыми в качестве доказательств показаний сотрудников правоохранительных органов, основанных на сведениях (включая вербальные сообщения от задерживаемого), полученных при тех же обстоятельствах, что и обычным гражданином, фактически основана на «процессуальной дискриминации» по признаку профессии.

Позиция Конституционного Суда по данному вопросу стала основой формирования тенденций в доктрине и правоприменительной практике к вербальной информации, а в особенности к производной вербальной информации как к ненадежному виду информации⁴.

Преобладающую часть исключенных доказательств в таких судебных решениях составляют показания свидетелей – должностных лиц. При этом чаще всего при ис-

ключении их из доказательственной базы по уголовному делу суды ссылаются на ранее рассмотренное определение Конституционного Суда № 44-О (касающееся лишь случаев использования показаний подозреваемого (обвиняемого), данных им в ходе допроса, проведенного с нарушением закона), признавая недопустимыми показания, основанные на иной вербальной информации, полученной от преследуемого лица. Это свидетельствует о расширительном толковании судами позиции Конституционного Суда по данному вопросу, что, на наш взгляд, является весьма сомнительным. В связи с этим возникает вопрос: использование каких сведений, полученных от подозреваемого (заподозренного), возможно в доказывании путем ретрансляции их в ходе допроса в качестве свидетеля должностного лица, их воспринявшего. Для этого смоделируем ситуации возможного получения первоначальной информации от подозреваемого. Такие сведения могут быть получены в различных процессуальных режимах, а также вне процессуальной формы.

Рассмотрим виды первоначальной вербальной информации подозреваемого, которая может служить основой для формирования производных свидетельских показаний: 1) показания, данные подозреваемым (обвиняемым) в ходе следственного или иного процессуального действия, целью которого является получение вербальной информации (допрос, очная ставка); 2) сведения, которые являются формой выражения невербальной сущности процессуального действия (предъявление для опознания); 3) сведения, сообщенные в рамках следственного действия, направленного на получение информации невербального характера (осмотр, обыск, выемка, следственный эксперимент, проверка показаний на месте, освидетельствование); 4) объяснения, данные в ходе процессуального действия, целью которого является получение информации вер-

бального характера (в рамках ст. 144 УПК РФ); 5) сведения, полученные в рамках оперативно-розыскного мероприятия «опрос»; 6) сведения, ставшие известными при осуществлении мер процессуального принуждения, иных ОРМ и административных мер обеспечительного характера; 7) иные вербальные сведения, сообщенные гражданами при контакте с должностными лицами правоохранительных органов или между собой.

По поводу использования показаний подозреваемого (обвиняемого) через допрос должностных лиц ситуация разрешена Конституционным Судом (определение № 44-О). Таким же образом решается вопрос об использовании объяснений, полученных в порядке ст. 144 УПК РФ, которые отличаются от показаний лишь процедурой получения сведений. Допустимость использования вербальных сведений, полученных в иных ситуациях, детально не определена ни на законодательном, ни на доктринальном уровне, что вызывает трудности в правоприменительной практике при их использовании в доказывании.

Согласно позиции Конституционного Суда, проведение опроса лица, которое находится в уголовно-процессуальном «поле», ввиду чего пользуется всей совокупностью уголовно-процессуальных гарантий (предоставление квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции Российской Федерации) и правом не свидетельствовать против себя самого (ч. 1 ст. 51 Конституции Российской Федерации), должно осуществляться с учетом его правового положения, вне зависимости от формального процессуального статуса¹. Понятие уголовного преследования в науке дискуссионно, вместе с тем Конституционный Суд включает в него не только процессуальные действия, направленные на получение доказательств. Так, на факт уголовного преследования и обвинительную деятельность в отношении лица,

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Корчагина А. Ю. на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2005 г. № 473-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

согласно позиции Конституционного Суда, указывают случаи, когда управомоченными органами власти в отношении него предприняты меры, которыми реально ограничивается свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения, удержание официальными властями, принудительный привод или доставление в органы дознания и следствия, содержание в изоляции без каких-либо контактов, а также какие бы то ни было иные действия, существенно ограничивающие свободу и личную неприкосновенность. Уголовное преследование может подтверждаться актом о возбуждении в отношении него уголовного дела, проведением следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него. При этом Конституционный Суд определяет цель деятельности должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, – выявление уличающих в преступной деятельности фактов и обстоятельств (вероятно, имеются в виду и случаи применения к лицу мер процессуального принуждения, что теоретически достаточно дискуссионно). Указанные случаи, свидетельствующие о проведении в отношении лица уголовного преследования, препятствуют получению показаний должностного лица, осуществлявшего такие действия, о сведениях, воспринятых от подозреваемого (заподозренного). Ключевым критерием недопустимости использования такой информации, воспроизведенной через допрос должностного лица, является цель – получение изобличающих лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, фактов и обстоятельств преступной деятельности.

В иных ситуациях допрос должностных лиц о сообщенных обвиняемым, подозреваемым (заподозренным) сведениях по общему правилу возможен. Например, воспринятые при физическом захвате лица, выполнении служебных обязанностей, не связанных с преследованием, вербальные сведения могут являться предметом допроса сотрудника полиции (например, в ситуациях, когда лицо

непосредственно застигнуто при совершении преступления и дает пояснения о его обстоятельствах).

Любое должностное лицо правоохранительного органа, предпринявшее в отношении подозреваемого (обвиняемого) или лица, потенциального подозреваемого, действия или меры, изобличающие его в преступлении, обусловленные наличием подозрений против него, получившее в результате таких действий вербальную информацию от лица о фактах и обстоятельствах преступления, не вправе свидетельствовать относительно полученных сведений в ходе допроса.

Возможно предложить следующие критерии допустимого использования показаний должностного лица правоохранительного органа о сведениях, полученных от обвиняемого, подозреваемого (заподозренного): 1) информация получена должностным лицом правоохранительного органа, которое не предпринимало действий, составляющих содержание уголовного преследования, в отношении лица; 2) информация получена в ситуациях, когда между должностным лицом и преследуемым не существовало уголовно-процессуальных правоотношений, содержанием которых является целенаправленная деятельность должностных лиц по получению изобличающей в совершении лицом конкретного преступления информации, т. е. когда информация получена в связи с выполнением иных служебных обязанностей (например, в ходе проверки документов сотрудником дорожно-патрульной службы лицо сообщает в инициативном порядке информацию о том, что им был убит человек); 3) когда должностное лицо в ходе своей деятельности не преследовало цели получить от лица сведения изобличительного характера. Например, не препятствует допросу в качестве свидетеля участкового уполномоченного полиции относительно содержания сведений, сообщенных ему подозреваемым (обвиняемым), в отношении которого избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде, в ходе проверки этого лица по месту жительства, поскольку между

ними отсутствуют процессуальные правоотношения; участковый уполномоченный полиции не преследовал цели получить такие сведения, он лишь выполнял свои служебные функции по проверке соблюдения меры пресечения; информация была сообщена подозреваемым (обвиняемым) в инициативном порядке. Предполагается, что случаи, когда информация была получена от преследуемого лица в иных ситуациях (при наличии соответствующей цели) должностным лицом, ее ретрансляция в ходе допроса последнего должна быть признана недопустимой.

Заключение

Выработка научно-обоснованных критериев оценки производных доказательств (в частности, производной вербальной информации) – актуальная и важная задача. Решаться она должна комплексно. Критерии, учитываемые при оценке таких доказательств, необходимо выработать не только в целом, но и с учетом особенностей использования производной вербальной информации должностных лиц, а также иных участников следственных (иных процессуальных) действий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Россинский С. Б. Результаты оперативно-розыскной деятельности нужно признать доказательствами по уголовному делу // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 111–119.
2. Конин В. В. Производные доказательства в уголовном судопроизводстве // Адвокат. 2016. № 6. С. 5–8.
3. Галяшин Н. В. О применимости англосаксонской модели производных доказательств (Hearsay) в практике современного уголовного судопроизводства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 12. С. 79–85.
4. Белкин Р. С., Жогин Н. В. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973.
5. Кудин Ф. М. Производные доказательства и их источники в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1966.
6. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс / под общ. ред. А. В. Смирнова. 2-е изд. СПб.: Питер. 2005.
7. Трусов А. И. Основы теории судебных доказательств. М., 1960.
8. Чельцов-Бебутов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1962.
9. Семенов В. В. Процессуальные и криминалистические проблемы использования невербальной информации на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.
10. Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.
11. Финогенов Н. А. Фиксация вербальной информации: процессуальный и криминалистический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
12. Россинский С. Б. Гносеологические проблемы разграничения вербального и невербального способов познания в уголовном судопроизводстве // Философия права. 2021. № 2 (97). С. 99–106.
13. Бостанов Р. А. Использование в доказывании по уголовному делу производных доказательств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1 (12).
14. Новицкий В. А. Теория российского процессуального доказывания и правоприменения: монография. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. С. 202–203.
15. Леонтьева О. Г. Способы доказывания с участием свидетелей, которые обычно не допускаются // Адвокатская практика. 2013. № 6. С. 34–38.
16. Трусов А. И. Судебное доказывание в свете идей кибернетики // Вопросы кибернетики и право. М.: Наука, 1967.
17. Власова Н. А. Уголовный процесс: курс лекций. М., 2001.
18. Склизов А. Н. Принцип непосредственности уголовного судопроизводства: автореф. дис... канд. юрид. наук. Владивосток, 2007.
19. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950.

20. Победкин А. В. Принцип свободы оценки доказательств и его влияние на законность досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). С. 104–105.

REFERENCES

1. Rossinsky S. B. The results of operational investigative activities must be recognized as evidence in a criminal case // Judicial power and criminal process. 2018. No. 2. P. 111–119. (In Russ.)
2. Konin V. V. Derivative evidence in criminal proceedings // Lawyer. 2016. No. 6. P. 5–8. (In Russ.)
3. Galyashin N. V. On the applicability of the Anglo-Saxon model of derivative evidence (Hearsay) in the practice of modern criminal proceedings // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2014. No. 12. P. 79–85. (In Russ.)
4. Belkin R. S., Zhogin N. V. Theory of evidence in Soviet criminal proceedings. M., 1973. (In Russ.)
5. Kudin F. M. Derivative evidence and their sources in the Soviet criminal process: dis. ... Cand. of Law. Sverdlovsk, 1966. (In Russ.)
6. Smirnov A. V., Kalinovskiy K. B. Criminal process / edited by A. V. Smirnov. 2nd ed. SPb.: Piter. 2005. (In Russ.)
7. Trusov A. I. Fundamentals of the theory of forensic evidence. M., 1960. (In Russ.)
8. Cheltsov-Bebutov M. A. Soviet criminal trial. M., 1962. (In Russ.)
9. Semenov V. V. Procedural and forensic problems of using non-verbal information at the pre-trial stages of criminal proceedings: dis. ...Cand. of Law. Saratov, 2003. (In Russ.)
10. Pobedkin A. V. Theory and methodology of using verbal information in criminal procedural proof: dis. ... Doctor of Law. M., 2005. (In Russ.)
11. Finogenov N. A. Fixation of verbal information: procedural and forensic aspects: dis. ...Cand. of Law. M., 2010. (In Russ.)
12. Rossinsky S. B. Epistemological problems of distinguishing between verbal and non-verbal methods of cognition in criminal proceedings // Philosophy of Law. 2021. No. 2 (97). P. 99–106. (In Russ.)
13. Bostanov R. A. Use of derivative evidence in proving a criminal case // Legal science and practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 1 (12). (In Russ.)
14. Novitskiy V. A. Theory of Russian procedural evidence and law enforcement: monograph. Stavropol: SSU Publishing House, 2002. P. 202–203. (In Russ.)
15. Leontyeva O. G. Methods of proof with the participation of witnesses, which are usually not allowed // Lawyer's practice. 2013. No. 6. P. 34–38. (In Russ.)
16. Trusov A. I. Judicial proof in the light of the ideas of cybernetics // Issues of cybernetics and law. M.: Nauka, 1967. (In Russ.)
17. Vlasova N. A. Criminal procedure: a course of lectures. M., 2001. (In Russ.)
18. Sklizkov A. N. The principle of immediacy of criminal proceedings: abstract. dis... Cand. of Law. Vladivostok, 2007. (In Russ.)
19. Vyshinsky A. Ya. Theory of judicial evidence in Soviet law. M., 1950. (In Russ.)
20. Pobedkin A. V. The principle of freedom to evaluate evidence and its influence on the legality of pre-trial proceedings // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 1 (41). P. 104–105. (In Russ.)

Информация об авторе:

А. А. Киселева, адъюнкт.

Information about the author:

A. A. Kiselyova, adjunct.

Статья поступила в редакцию 28.03.2024; одобрена после рецензирования 07.05.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 28.03.2024; approved after reviewing 07.05.2024; accepted for publication 21.06.2024.

Научная статья
УДК 343.01

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Евгения Николаевна Федотова¹, Самур Абдулжабарович Юнусов²

¹ Академия ФСИН России, Рязань, Россия

² Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия

¹ evgenija_kaz@mail.ru, ² sayunusov@msal.ru

Аннотация. В статье проводится доктринальный и правовой анализ группы мер уголовно-правового характера, назначаемых несовершеннолетним в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации. Изучаются материалы статистической отчетности Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации за последние 10 лет по практике назначения принудительных мер воспитательного воздействия, уголовных наказаний, а также освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности и наказания. Выявляются актуальные тенденции в указанной области, формулируются и обосновываются имеющиеся проблемы в сфере законодательного регулирования реализации мер уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних, предлагаются авторские пути их устранения. Акцентируется внимание на необходимости корректировки законодательной базы, практики применения и реализации мер уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетний, несовершеннолетний преступник, уголовная ответственность несовершеннолетних, принудительные меры воспитательного воздействия, уголовное наказание, условное осуждение, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания.

Для цитирования: Федотова Е. Н., Юнусов С. А. Реализация мер уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних: актуальные проблемы и перспективы совершенствования // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 2 (104). С. 111–121.

Original article

IMPLEMENTATION OF MEASURES OF A CRIMINAL LAW NATURE IN RELATION TO MINORS: CURRENT PROBLEMS AND PROSPECTS FOR IMPROVEMENT

Evgenia N. Fedotova¹, Samur A. Yunusov²

¹ Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia

² Kutafin University (MSAL), Moscow, Russia

¹ evgenija_kaz@mail.ru, ² sayunusov@msal.ru

Abstract. The article carries out a critical doctrinal and legal analysis of the entire set of criminal law measures applied to minors under current criminal law. It analyzes the statistics of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation over the past 10 years on the practice of appointing compulsory measures of educational influence, criminal punishments, as well as the release of minors from criminal liability and punishment. Current trends in this area are identified, existing problems in the field of legislative regulation of the implementation of criminal law measures against minors are formulated and substantiated, author's ways of eliminating them are proposed. Attention is paid to the need to adjust the legislative framework and law enforcement practice for the implementation of criminal law measures against minors.

© Федотова Е. Н., Юнусов С. А., 2024

Keywords: minor, juvenile criminal, criminal liability of minors, compulsory measures of educational influence, criminal punishments, conditional conviction, exemption from criminal liability, exemption from punishment.

For citation: Fedotova E. N., Yunusov S. A. Implementation of measures of a criminal law nature in relation to minors: current problems and prospects for improvement // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (104). P. 111–121. (In Russ.)

Введение

Одной из наиболее сложных этических, социальных и правовых проблем любого общества является проблема борьбы с преступностью лиц, не достигших совершеннолетия. Это обусловлено тем, что в обозначенной ситуации несовершеннолетний выступает не только в качестве лица, совершившего преступление, но и в качестве особого объекта правовой охраны, за благополучие и развитие которого несет ответственность все общество и государство, в котором растет и развивается подросток, преступивший закон [1, с. 144]. В связи с этим сохранять баланс защиты его прав и свобод при привлечении к ответственности является весьма трудной задачей, решать которую необходимо взвешенно и грамотно [2, с. 95]. Постоянный мониторинг состояния данного направления деятельности государства позволит избежать проблем, которые могут возникнуть в случае неэффективности установленных мер. На основании изложенного критический анализ современного состояния практики реализации мер уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних является весьма актуальным направлением юридической науки, обладающим теоретической и практической ценностью.

Методы

В ходе исследования применялись как универсальные методы познания (анализ, синтез, дедукция, индукция), так и специальные методы. К числу последних в частности относятся статистический метод, применяемый авторами при анализе статистической отчетности Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации, метод сравнительного анализа (при сопоставлении ранее действующих положений Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации с их актуальной

редакцией), формально-логический метод (при формулировании авторских выводов по результатам проведенного исследования).

Результаты

Результатом проведенного исследования являются авторские выводы о необходимости совершенствования законодательства и правоприменительной практики в области применения мер уголовно-правового характера посредством популяризации специальных видов освобождения от уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, которую возможно реализовать путем переосмысления их содержания и расширения обязанностей, возлагаемых на несовершеннолетнего, которому они назначаются, а также внесением изменений в соответствующее Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Кроме того, целесообразным кажется корректировка практики применения условного осуждения за счет ее сокращения и расширения сферы применения наказаний, не связанных с лишением свободы, таких как обязательные работы и ограничение свободы. Порядок и условия отбывания указанных видов наказания позволяют в полной мере учитывать правовой статус несовершеннолетних и содержат в себе значительный исправительный потенциал. Введение подобных мер в настоящее время не повлечет за собой серьезных изменений действующего законодательства и финансовых затрат со стороны государства, поможет скорректировать практику привлечения к ответственности лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, и послужит первым этапом дальнейшего совершенствования отечественной уголовной политики.

Обсуждение

В настоящее время действующее уголовное законодательство предусматривает ши-

рокий спектр мер, которые возможно применить к несовершеннолетним [3, с. 132]. Частью 2 ст. 87 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) установлено, что к указанной категории лиц возможно применение принудительных мер воспитательного воздействия либо наказания, а при освобождении от наказания они могут помещаться в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа. Современная практика применения указанных мер воздействия является весьма неоднородной и заслуживает научного осмысления.

Исходя из буквального толкования приведенной выше нормы ч. 2 ст. 87 УК РФ, приоритетными мерами уголовно-правового характера в отношении исследуемой категории лиц являются именно принудительные меры воспитательного воздействия. Однако глава 14 УК РФ, закрепляющая особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, начинается с совокупности уголовных наказаний, что несколько смещает фокус внимания правоприменителя от указанных мер к наказаниям.

Действующим уголовным законом закреплена совокупность из четырех мер воспитательного воздействия. Согласно ч. 1 ст. 90 УК РФ данные меры возможно назначить несовершеннолетнему в рамках освобождения от уголовной ответственности за преступления небольшой и средней тяжести, если будет установлено, что его исправление возможно достичь путем их применения [4, с. 84].

В соответствии со статистическими отчетами Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2022 году за преступления небольшой и средней тяжести было осуждено 5435 несовершеннолетних и только 242 несовершеннолетним были назначены принудительные меры воспитательного характера, что в относительных числах составляет 4,5 %, в первом полугодии 2023 года данный показатель составил 4 %¹.

Анализ показателей с 2015 по 2022 год показал, что уровень применения рассматриваемых мер в указанный период находится в пределах от 4,3 % до 5,5 %. Таким образом, принудительные меры воспитательного воздействия в настоящее время практически не востребованы, на что справедливо указывают ряд исследователей [5, с. 80; 6, с. 84]

Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) в п. 31 Постановления Пленума ВС РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности несовершеннолетних» разъясняет, что при отсутствии оснований для применения ст. 75–78 УК РФ, но при возможности исправления несовершеннолетнего путем назначения принудительных мер воспитательного воздействия суд вправе принять решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и применении принудительных мер воспитательного воздействия.

Отметим, что в 2021 году рассматриваемое положение было изменено, и ВС РФ пересмотрел ранее установленную позицию о том, что суды не должны назначать уголовное наказание несовершеннолетним за преступления небольшой или средней тяжести, если их исправление может быть достигнуто применением принудительных мер воспитательного воздействия. Таким образом, ВС РФ расширил область судебного усмотрения в части принятия решения о применении (либо неприменении) принудительных мер воспитательного воздействия, предоставив судам дополнительную возможность ухода от их назначения.

Упразднение конструкции «суды не должны назначать уголовное наказание ...» и замена ее на конструкцию «если суд придет к выводу» ухудшают положение несовершеннолетних и противоречат политике гуманизации уголовной ответственности, которая в настоящее время проводится. Кро-

¹ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год; первое полугодие 2023 года // Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4759> (дата обращения: 02.11.2023).

ме того, указанное Постановление в 2021 году было дополнено абзацем о том, что по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести, совершенных несовершеннолетним впервые, суду необходимо выяснять у потерпевшего, заглажен ли причиненный вред и не желает ли он примириться с подсудимым, а также указать потерпевшему, несовершеннолетнему подсудимому и его законному представителю на право и порядок прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон. Думается, что таким образом ВС РФ переводит внимание судов нижестоящей инстанций от специальных норм, устанавливающих возможность освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних лиц, в сторону общих норм.

Выявив некоторые проблемы в практике применения принудительных мер воспитательного воздействия, перейдем к критическому анализу их содержания. Суть предупреждения состоит в разъяснении вреда, наступившего в результате преступления, и последствий повторного совершения преступного деяния. Анализ приведенной меры показывает отсутствие элемента принуждения в отношении виновного лица, иначе говоря, это разовая беседа, эффективность которой невозможно оценить, не предусматривающая после ее реализации никаких последствий для несовершеннолетнего. Обоснованность ее причисления к принудительным мерам является дискуссионной. Думается, что ее применение не вполне отвечает принципу справедливости [7, с. 45; 8, с. 3].

К примеру, ч. 2 ст. 112 УК РФ – квалифицированный состав умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью (преступление средней тяжести), и за его совершение несовершеннолетнему может быть назначено предупреждение. Банальная беседа, в которой, по сути, и заключается анализируемая мера, не сопоставима с тем вредом, который наступает в результате совершения указанного преступления.

Далее проанализируем меру в виде передачи под надзор родителей или лиц, их замещающих, либо специализированного го-

сударственного органа, которая назначается при условии, что указанные лица имеют положительное влияние на несовершеннолетнего, могут правильно оценивать содеянное им и обеспечить его надлежащее поведение и контроль. Статьей 63 Семейного Кодекса Российской Федерации установлено, что родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей и обязаны заботиться об их здоровье и развитии. Анализируемая принудительная мера воспитательного воздействия фактически дублирует положения семейного законодательства, и в ней также отсутствует принудительный элемент, позволяющий ее отнести к данной категории мер, здесь скорее обязанности возлагаются на лиц, воспитывающих несовершеннолетнего.

Анализ социально-демографических характеристик несовершеннолетних, осужденных в 2022 году за преступления небольшой и средней тяжести, показал, что 41 % из них воспитывались либо вне семьи, либо в семье с одним родителем, что осложняет применение данной меры. Это ставит детей из неполных семей в более уязвимое положение, так как, решая вопрос о возможности освобождения от уголовной ответственности с применением указанной меры, судам нужно установить, что лица, воспитывающие несовершеннолетнего, имеют на него положительное влияние. Следовательно, возможность освобождения от уголовной ответственности фактически зависит не от характеристики несовершеннолетнего, а от третьих лиц и особенностей его семьи.

Следующей мерой, которая применяется с учетом имущественного положения несовершеннолетнего и наличия у него трудовых навыков (отметим, что именно несовершеннолетнего, а не его родителей), является обязанность загладить причиненный вред. Отсюда вытекает критическое противоречие, которое заключается в том, что штраф, назначаемый несовершеннолетним фактически за все категории преступлений, может взыскиваться с его родителей или законных представителей с их согласия, в отличие от исследуемой меры.

Далее укажем, что судебный штраф согласно п. 16.2 Постановления Пленума ВС РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 может быть уплачен родителями, усыновителями или иными законными представителями с их согласия. Мера в виде обязанности загладить причиненный вред подобной процедурой взыскания не наделена, то есть участия в этом родителей или законных представителей не предусмотрено.

Приведем актуальную статистику Судебного Департамента при ВС РФ, в соответствии с которой только 3 % несовершеннолетних, осужденных за преступления небольшой и средней тяжести были, трудоустроены. Таким образом, условие учета финансового положения несовершеннолетнего и наличия трудовых навыков делает невозможным применение данной меры к широкому кругу несовершеннолетних [3, с. 80].

Отметим, что п. 16.2 упомянутого выше постановления Пленума ВС РФ был введен в 2021 году, что дополнительно обосновывает наш вывод о том, что ВС РФ целенаправленно минимизирует возможность применения судами принудительных мер воспитательного воздействия. Можно предположить, что это стало следствием признания их низкого потенциала.

Заключительной принудительной мерой воспитательного воздействия является ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. Ее осмысление и анализ не выявили серьезных проблем ни в ее содержании, ни в практике применения. Это единственная из всех мер данной категории, которая может применяться к широкому кругу несовершеннолетних, имеющая необходимый элемент принуждения, характерный для данной категории мер уголовно-правового характера.

Таким образом, проведенный анализ обосновывает наше мнение о том, что комплекс принудительных мер воспитательного характера нуждается в критическом осмыслении и последующем изменении, так как в существующих социально-экономических условиях в том виде, в котором закреплён в настоящее время в законодательстве, он

фактически не работоспособен и применять данные меры целесообразно в совокупности друг с другом, что в соответствии с ч. 3 ст. 90 УК РФ допустимо.

Более детальный анализ судебной статистики показал, что в 2022 году было освобождено по другим основаниям, в том числе наказание не назначалось 6,8 % несовершеннолетних, в первом полугодии 2023 года – 9,6 %. Напомним, что принудительные меры воспитательного воздействия в 2022 году применялись к 4,5 % несовершеннолетних. Следовательно, общий порядок освобождения от уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних на данный момент более применяем, чем специально предусмотренный [9, с. 79].

Далее рассмотрим практику освобождения несовершеннолетних от наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Приведенная мера назначается лицам, совершившим преступление средней тяжести и тяжкое преступление. В соответствии со статистикой Судебного Департамента при ВС РФ в 2022 году за указанные категории преступлений было осуждено 11142 несовершеннолетних, и только к 179 была применена рассматриваемая мера, что составляет 1,6 %, в первом полугодии 2023 года данный показатель составил 1,8 %, что следует оценить как незначительный. По состоянию на 2021 год таких заведений в России было 32, то есть только в одной третьей части субъектов страны, в связи с этим организационно невозможно широкое применение данной меры.

Таким образом, имеющаяся в настоящее время группа принудительных мер воспитательного воздействия фактически не создает значимую конкуренцию и реальную альтернативу уголовным наказаниям, что является довольно серьезной проблемой. Можно сделать вывод о том, что данный прогрессивный институт уголовного права в нашем государстве не реализуется.

Перейдем к анализу практики назначения уголовных наказаний несовершеннолетним. Статьей 88 УК РФ установлено 6 видов уголовных наказаний для несовершенно-

летних. Согласно статистике Судебного Департамента при ВС РФ за 2022 год, в первое полугодие 2023 года практика назначения наказаний несовершеннолетним складывается следующим образом: штраф назначался 11 % несовершеннолетним; лишение права заниматься определенной деятельностью в качестве основного наказания не назначалось за последние 10 лет ни разу; обязательные работы – 19,8 %; исправительные работы – 1,7 %; ограничение свободы – 3,3 %; лишение свободы на определенный срок – 20,1 %. Абсолютным лидером среди мер уголовно-правового характера является условное осуждение, уровень применения которого составляет 42,8 %. В отдельные годы этот показатель поднимался до 47,1 % (2014 год); 46,3 % (2015 год); 44 % (2021 год)¹.

Имея в арсенале 4 принудительные меры воспитательного воздействия, меру в виде помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, 5 уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, судами более чем к 40 % несовершеннолетних осужденных применяется условное осуждение. Если к этому прибавить долю назначения реального лишения свободы, а также назначение исправительных работ условно, то получим, что в общей совокупности эти меры назначаются 64,1 % несовершеннолетним.

Таким образом, в нашем законодательстве создана всего лишь видимость альтернативности лишению свободы – ни принудительные меры воспитательного воздействия, ни наказания, не связанные с лишением свободы, не создают существенную конкуренцию. Описанная ситуация характеризуется устойчивой стабильностью последнее десятилетие, несмотря на политику гуманизации уголовной ответственности, активно реализуемой нашим государством [10, с. 44; 11, с. 151; 12, с. 140].

Изложенное позволяет прийти к выводу, что имеющийся значительный арсенал

мер уголовно-правового характера, которые могут быть применены в отношении несовершеннолетних, по своей сути фиктивны. Слабость содержательной стороны принудительных мер воспитательного воздействия, а также проблемы в механизме их реализации описаны нами выше.

Проанализируем совокупность наказаний, закрепленных в статье 88 УК РФ. Первым из них является штраф, взыскивать который возможно с родителей либо с законных представителей несовершеннолетнего. Очевидно, что в большинстве случаев реализуется именно этот механизм применения штрафа, так как, исходя из статистики Судебного департамента при ВС РФ, ежегодно доля работающих осужденных несовершеннолетних составляет не более 3 %, а штраф назначается около 11 % несовершеннолетним.

Следующим видом наказания, который в качестве основного не может применяться к широкому кругу несовершеннолетних, исходя из криминологической характеристики преступности данной категории лиц и их современного социально-правового статуса, является лишение права заниматься определенной деятельностью, что подтверждается данными судебной статистики – с 2015 года данный вид наказания как основной ни разу не назначался несовершеннолетним.

Обязательные работы, по нашему мнению, единственный вид наказания, обоснованно широко применяемый к несовершеннолетним и адаптированный под их социально-правовой статус. В 2022 году он назначался 19,8 % несовершеннолетних осужденных. Однако и данный вид наказания не лишен проблем в рамках его исполнения в отношении несовершеннолетних лиц. Так, злостное уклонение несовершеннолетнего от его отбывания можно заменить только на лишение свободы, однако ч. 6 ст. 88 УК РФ устанавливает запрет на назначение лишения свободы несовер-

¹ Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2022 годы // Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3490> (дата обращения: 02.11.2023).

шеннолетнему, совершившему в возрасте до шестнадцати лет преступление небольшой или средней тяжести впервые, а также иным несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой тяжести впервые, что делает невозможной замену обязательных работ на лишение свободы. На невозможность замены также указывается в п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда от 1 февраля 2011 г. № 1. При этом иных возможностей для замены не устанавливается. Таким образом, обязательные работы в части их применения к несовершеннолетним лицам не обеспечены необходимым механизмом принуждения, что может повлечь нарушение основных принципов уголовного закона. Отметим, что данным запретом, исходя из проведенного нами анализа судебной статистики, охватывается большой массив лиц, осужденных к обязательным работам, кроме того, аналогичные проблемы возникают и при злостном уклонении несовершеннолетнего от исправительных работ и ограничения свободы.

Однако в отношении взрослых лиц УК РФ предусматривает альтернативу при замене данных наказаний в случае злостного уклонения от их отбывания, их возможно заменить принудительными работами либо лишением свободы. В отношении несовершеннолетних никаких альтернатив лишению свободы действующим законодательством не предусмотрено, что также свидетельствует об отсутствии системности в правовом регулировании порядка привлечения несовершеннолетних лиц к уголовной ответственности и необоснованном ухудшении их уголовно-правового статуса.

Таким образом, мы подошли к следующему виду наказания – исправительным работам. Согласно статистике, в 2022 году этот вид наказания назначался 1,7 % несовершеннолетних. Низкая востребованность наказания объясняется рядом факторов. Основным из них является необходимость соблюдения работодателем всех требований трудового законодательства, закрепляющего специфику регулирования труда несовер-

шеннолетних, что с учетом необходимости трудоустройства данных лиц на полный рабочий день весьма проблематично для тех работодателей, которые предоставляют места для осужденных к обязательным и исправительным работам. Это, как правило, организации и предприятия, связанные с благоустройством населенных пунктов, занимающиеся уборкой и строительством. То есть осужденные привлекаются к довольно тяжелой и неквалифицированной работе [13, с. 514]. Привлечение несовершеннолетних к подобным работам в ряде случаев запрещает трудовое законодательство, в этой связи исполнить исправительные работы в отношении несовершеннолетних часто просто невозможно. Кроме того, п. 23 уже упомянутого Постановления Пленума ВС РФ не допускает назначение исправительных работ, когда их исполнение может препятствовать обучению, например, при очной форме. Отметим, что доля обучающихся несовершеннолетних осужденных по статистике за 2022 год составляла около 64 %.

Ограничение свободы – следующий вид наказания, применяемый в отношении несовершеннолетних. Данная мера не получила широкого распространения в судебной практике, на долю ее применения приходится не более 3,5 %. Приведенный показатель относительно стабилен на протяжении последних 10 лет. Ограничение свободы незаслуженно игнорируется судами. Применение средств электронного мониторинга, способно обеспечить в полной мере выполнение обязанностей и ограничений, налагаемых на несовершеннолетнего осужденного к данному виду наказания. Отметим, что суд может возложить довольно широкий круг обязанностей, а уголовно-исполнительные инспекции могут эффективно контролировать их выполнение при условии применения электронных средств мониторинга. Подобного инструментария, обеспечивающего соблюдение установленных судом запретов, лишены условное осуждение и принудительная мера воспитательного воздействия в виде ограничения досуга и установления особых

требований к поведению несовершеннолетнего, что существенно снижает их эффективность [14, с. 289].

Лишение свободы – завершающий вид наказания, установленный ст. 88 УК РФ, являющийся самой строгой мерой уголовно-правового характера, применяемой к несовершеннолетним. Современная уголовная политика строится на минимизации применения указанного вида наказания. В настоящее время в России функционирует всего 13 воспитательных колоний. Отметим, что, к примеру, в 2014 году таких колоний было 41¹, то есть менее чем за 10 лет количество воспитательных колоний сократилось более чем в три раза. Однако, обратившись к данным статистики, отметим, что в относительных показателях доля применения лишения свободы с 2014 года фактически не изменилась и колеблется на уровне 17–19 %.

Очевидно, что складывающаяся ситуация свидетельствует о наличии правовых и организационных проблем в назначении и исполнении существующих мер уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних. Сложившаяся ситуация требует немедленной корректировки. В первую очередь законодателю надо скорректировать порядок применения и содержание принудительных мер воспитательного воздействия для расширения практики их применения, что будет согласовываться с политикой гуманизации уголовной ответственности [15, с. 11].

Кроме того, возможно расширить сферу применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в отношении несовершеннолетних лиц за счет назначения ограничения свободы, которое в настоящее время незаслуженно мало используется судами, хотя с учетом возможности приме-

нения средств электронного мониторинга ограничение свободы может быть весьма эффективным в отношении указанной категории осужденных.

При этом в настоящее время имеется необходимость сокращения применения условного осуждения к несовершеннолетним. По состоянию на 2022 год к наказанию условно было приговорено 44 % несовершеннолетних преступников. Приведенный показатель находится на стабильно высоком уровне, в отдельные годы минувшего десятилетия он превышал барьер 50 %, в течение последних трех лет находится на уровне 44,7 %².

Данная мера из разряда исключения стала своеобразным способом прикрытия всех проблем, возникающих при привлечении несовершеннолетних к уголовной ответственности и освобождении их от таковой. Массовое применение условного осуждения может в конечном итоге привести к фатальным проблемам с преступностью. Анализ судебной статистики подтверждает серьезность ситуации. Так, в 2022 году на долю условного осуждения несовершеннолетних, совершивших тяжкие преступления, приходится – 56 %, особо тяжкие – 22,7 %.

Широкое назначение указанной меры за тяжкие и особо тяжкие преступления негативно влияет на превентивный потенциал уголовного закона, способствует укоренению общественного мнения о фактической безнаказанности подростков, признанных виновными в совершении преступления, и не способно бороться с зарождением организованной и профессиональной преступности в молодежной среде.

В настоящее время ч. 6.2 ст. 88 УК РФ позволяет суду в случае совершения несовершеннолетним в течение испытательного

¹ Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Федеральная служба исполнения наказаний. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20harka%20UIS/> (дата обращения: 02.11.2023).

² Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2022 годы // Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3490> (дата обращения: 02.11.2023).

срока нового преступления, не относящегося к категории особо тяжких, повторно назначить условное осуждение. Данная норма оценивается нами как чрезмерно лояльная, даже с учетом несовершеннолетнего возраста преступника. В погоне за гуманизацией уголовной ответственности необходимо помнить об опасности, которая возникает при применении чрезмерно мягких мер ответственности. Преступность несовершеннолетних – резерв для пополнения преступности взрослых.

Очевидно, что существующие меры воспитательного воздействия, общие нормы, регулирующие порядок освобождения от уголовной ответственности и наказания, 5 видов наказаний, не связанных с изоляцией от общества, не обеспечивают необходимый уровень вариативности судам. Иначе как объяснить тот факт, что практически каждому второму несовершеннолетнему назначается условное наказание.

Заключение

Проведенный анализ практики реализации мер уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних позволил выявить ряд серьезных проблем, носящих длящийся характер, к числу которых относится несовершенство содержания принудительных мер воспитательного воздействия,

влекущее за собой их слабую востребованность судами и обуславливающее необходимость обращения к общему порядку освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности и наказания. С учетом особого социально-правового статуса несовершеннолетних в настоящее время имеется необходимость в развитии и совершенствовании института принудительных мер воспитательного воздействия.

Следующей выявленной проблемой является необоснованно широкое применение условного осуждения к изучаемой категории лиц при низкой востребованности наказаний, не связанных с лишением свободы. Мера в виде условного осуждения в настоящее время прикрывает собой обозначенные в статье проблемы правового регулирования порядка освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности и наказания, назначения уголовных наказаний, снижая эффективность уголовного закона, укрепляя общественное мнение о фактической безнаказанности лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте. Приступить к корректировке сформулированных в исследовании проблем следует немедленно, не дожидаясь, когда длительное их игнорирование может вылиться в серьезную проблему с преступностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Окутина Н. Н., Забелич Л. В. Преступность несовершеннолетних в России: состояние и меры профилактики // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 114–121.
2. Лапшин В. Ф., Корнеев С. А. Сущность и целевое назначение принудительных мер воспитательного воздействия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 2. С. 94–103.
3. Корнеев С. А. Специальный вид освобождения от наказания несовершеннолетних // Актуальные проблемы организации деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы и пути их решения: сборник статей по материалам межвузовской научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора А. И. Зубкова и Дню российской науки. Рязань, 2020. С. 130–133.
4. Корнеев С. А. Принудительные меры воспитательного воздействия в системе мер государственного принуждения // Алтайский юридический вестник. 2022. № 1 (37). С. 84–88.
5. Федотова Е. Н. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы эффективности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9. № 1 (30). С. 78–83.
6. Пудовочкин Ю. Е. Предупреждение как принудительная мера воспитательного воздействия, применяемая к несовершеннолетним // Вопросы ювенальной юстиции. 2021. № 3. С. 2–5.

7. Лапшин В. Ф., Килимбаев Р. В. Современные формы реализации уголовной ответственности и их соответствие принципу справедливости // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019. № 3. С. 41–49.
8. Пудовочкин Ю. Е. Принудительные меры воспитательного воздействия // Российское правосудие. 2021. № 10. С. 71–85.
9. Кострова М. Б., Сабирова И. И. К вопросу о выборе вида освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 10 (111). С. 73–80.
10. Алпатова С. Ю. Генезис уголовно-правового института условного осуждения несовершеннолетних // Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия: материалы Международной научно-практической конференции. Псков, 2022. С. 41–48.
11. Полосухина О. В. Условное осуждение в отношении несовершеннолетних: понятие и сущность // Юридическая мысль. 2019. № 2-3 (112-113). С. 148–153.
12. Федотова Е. Н. Практика применения к несовершеннолетним наказания в виде лишения свободы на определенный срок и условного осуждения: целесообразность оптимизации // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 1(46). С. 138–140.
13. Бабкина Е. В., Никитин Д. А. Правовые основы деятельности уголовно-исполнительных инспекций по исполнению наказания в виде исправительных работ в отношении несовершеннолетних осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18(1–4). № 4. С. 508–515.
14. Лядов Э. В., Грушин Ф. В. СЭМПЛ при исполнении уголовного наказания в виде ограничения свободы // Организационно-правовое обеспечение деятельности уголовно-исполнительной системы: проблемы и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора А. И. Зубкова и Дню российской науки. Рязань, 2022. С. 288–293.
15. Нудель С. Л. Модернизация уголовной политики: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 1. С. 5–22.

REFERENCES

1. Okutina N. N., Zabelich L. V. Juvenile delinquency in Russia: state and preventive measures // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 114–121. (In Russ.)
2. Lapshin V. F., Korneev S. A. Essence and purpose of compulsory measures of educational influence // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. 2021. No. 2. P. 94–103. (In Russ.)
3. Korneev S. A. Special type of release from punishment of minors // Actual problems of organizing the activities of bodies and institutions of the penal system and ways to solve them: collection of articles based on the materials of the intercollegiate scientific and practical conference dedicated to the memory of the Honored Scientist of the RSFSR, Doctor of Law, Professor A. I. Zubkov and the Day of Russian Science. Ryazan, 2020. P. 130–133. (In Russ.)
4. Korneev S. A. Coercive measures of educational influence in the system of measures of state coercion // Altai legal bulletin. 2022. No. 1 (37). P. 84–88. (In Russ.)
5. Fedotova E. N. Forced measures of educational influence: problems of efficiency // Izvestia of Southwestern State University. Series: History and Law. 2019. T. 9. No. 1 (30). P. 78–83. (In Russ.)
6. Pudovochkin Yu. E. Coercive measures of educational influence // Russian justice. 2021. No. 10. P. 71–85. (In Russ.)
7. Lapshin V. F., Kilimbaev R. V. Modern forms of implementation of criminal liability and their compliance with the principle of justice // News of Tula State University. Economic and legal sciences. 2019. No. 3. P. 41–49. (In Russ.)
8. Pudovochkin Yu. E. Warning as a compulsory measure of educational influence applied to minors // Issues of juvenile justice. 2021. No. 3. P. 2–5. (In Russ.)
9. Kostrova M. B., Sabirova I. I. On the choice of the type of exemption from criminal liability of minors // Society: politics, economics, law. 2022. No. 10 (111). P. 73–80. (In Russ.)
10. Alpatova S. Yu. Genesis of the Criminal Law Institute of Suspended Sentencing of Minors // Penitentiary system, state and society: problems of interaction: materials of the International Scientific and Practical Conference. Pskov, 2022. P. 41–48. (In Russ.)

11. Poloshukhina O. V. Conditional conviction of minors: concept and essence // Legal thought. 2019. No. 2–3 (112–113). P. 148–153. (In Russ.)
12. Fedotova E. N. The practice of applying punishment to minors in the form of imprisonment for a certain period and probation: the feasibility of optimizing // Bulletin of Vladimir Law Institute. 2018. No. 1 (46). P. 138–140. (In Russ.)
13. Babkina E. V., Nikitin D. A. The legal basis for the activities of penal inspections for the execution of punishment in the form of correctional labor in relation to juvenile convicts//Criminal enforcement law. 2023. Vol. 18 (1-4). No. 4. P. 508–515. (In Russ.)
14. Lyadov E. V., Grushin F. V. SAMPLE in the execution of criminal punishment in the form of restriction of freedom // Organizational and legal support of the activities of the penal system: problems and development prospects: materials of an international scientific and practical conference dedicated to the memory of the Honored Scientist of the RSFSR, Doctor of Law, Professor A. I. Zubkov and the Day of Russian Science. Ryazan, 2022. P. 288–293. (In Russ.)
15. Nudel S. L. Modernization of criminal policy: problems of legal regulation // Journal of Russian law. 2023. Vol. 27. No. 1. P. 5–22. (In Russ.)

Информация об авторах:

Е. Н. Федотова, кандидат юридических наук;
С. А. Юнусов, кандидат юридических наук.

Information about the authors:

E. N. Fedotova, Candidate of Law;
S. A. Yunusov, Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 07.11.2023; одобрена после рецензирования 04.04.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 07.11.2023; approved after reviewing 04.04.2024; accepted for publication 21.06.2024.

Научная статья
УДК: 811.161.1

СЕТЕВОЙ СОЦИОЛЕКТ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Татьяна Григорьевна Букина

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, tf30@rambler.ru,
ORCID: 0000-0003-3249-1783

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы функционирования сетевого социолекта в профессиональной среде образовательной организации системы МВД России. Отмечается, что речевой портрет сотрудника органов внутренних дел как языковой личности, реализующей себя в условиях городской среды, отличается билингвизмом, заключающимся в тесной связи трех языковых систем: городское просторечие, полицейский социолект, сетевой социолект. Специфика данного билингвизма связана с всеобщей цифровизацией современного общества, в том числе с цифровизацией образовательного процесса вузов системы МВД России. На примере Уральского юридического института МВД России автор показывает, что сотрудник органов внутренних дел, осуществляя образовательную деятельность, свободно владеет сетевым социолектом. При этом в разных коммуникативных ситуациях, от официального профессионального общения до непринужденного дружеского разговора, сотрудник может использовать как узкоспециальную компьютерную терминологию, так и созданный на основе этой терминологии жаргон. Автор делает вывод, что сетевой социолект прочно вошел в нашу жизнь и стал неотъемлемой частью речевого портрета современной языковой личности, в том числе языковой личности сотрудника органов внутренних дел.

Ключевые слова: билингвизм, интернет-сленг, речевой портрет, сетевой жаргон, сетевой социолект, цифровизация образовательного процесса.

Для цитирования: Букина Т. Г. Сетевой социолект в профессиональной и образовательной деятельности сотрудников органов внутренних дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 2 (104). С. 122–128.

Original article

NETWORK SOCIOLECT IN THE PROFESSIONAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

Tatyana G. Bukina

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia,
tf30@rambler.ru, ORCID: 0000-0003-3249-1783

Abstract. The article highlights the functioning of the network sociolect in the professional environment of the educational establishment of the Ministry of Internal Affairs of Russia. It is noted that the speech portrait of a law enforcement officer as a linguistic personality realizing itself in an urban environment is distinguished by bilingualism, which consists in the close connection of three language systems: urban vernacular, police sociolect, network sociolect. The specificity of this bilingualism is associated with the general digitalization of modern society, including the digitalization of the educational process of universities in the Russian Ministry of Internal Affairs system. Using the example of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the author shows that a law enforcement officer, carrying out educational activities, is fluent in online sociolect. At the same time, in various communicative situations, from official professional communication

© Букина Т. Г., 2024

to casual friendly conversation, an officer can use both highly specialized computer terminology and jargon created on the basis of this terminology. The author concludes that the network sociolect has firmly entered our life and has become an integral part of the speech portrait of a modern linguistic personality, including the linguistic personality of a staff member of internal affairs agencies.

Keywords: bilingualism, Internet slang, speech portrait, network jargon, network sociolect, digitalization of the educational process.

For citation: Bukina T. G. Network sociolect in professional and educational activities of law enforcement officers // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (104). P. 122–128. (In Russ.)

Введение

Проблема взаимодействия человека и его речи в отечественной лингвистике не является новой. Начиная с 20-х годов XX столетия она разрабатывается советскими, а позднее российскими учеными в рамках социальной диалектологии, или социолингвистики (см. работы Б. Г. Ананьева, Г. С. Антипиной, Л. И. Баранниковой, В. А. Богданова, Г. И. Богина, В. Д. Бондалетова, В. В. Виноградова, Т. Г. Винокур, Б. Н. Головина, Т. И. Ерофеевой, А. А. Залевской, Ю. Н. Караулова, В. В. Колесова, В. Г. Костомарова, Л. П. Крысина, Д. С. Лихачева, Т. В. Матвеевой, Л. И. Скворцова, В. П. Тимофеева, Л. В. Щербы и др.). Интерес многих лингвистов обращен не столько к описанию той или иной языковой системы, сколько к изучению функционирования языка в реальной речевой деятельности современного человека, «любить, наблюдать и изучать которого как единственного истинного носителя языка» призывал еще Л. В. Щерба [1, с. 113–129]. Особое направление социальной диалектологии связано с проблемой лингвистики города. Данную проблему в разное время в своих работах поднимали И. Т. Вепрева [2], Н. А. Купина [3], О. С. Иссерс [4], Б. А. Ларин [5] и другие современные лингвисты. Важнейшей специфической чертой городского населения, по Б. А. Ларину, является его билингвизм, так как «в распоряжении каждого горожанина есть две или несколько языковых систем, обусловленных разными социальными коллективами, к которым этот житель принадлежит» [5]. Такое понимание билингвизма дало толчок развитию современной идеи социолекта.

Методы исследования

Методологической основой работы является, во-первых, анализ научной литера-

туры по теме исследования. Показан живой интерес отечественных ученых-лингвистов к проблеме языка города и структуре социолекта. Во-вторых, лексикографический метод использован при изучении словарных статей компьютерной терминологии и компьютерного жаргона. Третьим методом, использованным в исследовании, является описательный метод, который предполагает наблюдение за речью сотрудников органов внутренних дел и описание ее характеристик.

Результаты исследования

Вслед за Т. И. Ерофеевой социолект понимаем как «речь «среднего индивида», представляющего определенную социальную группу, культуру» [6, с. 28]. Следует отметить, что в социолект включается как узкоспециальная лексика профессионального сообщества, так и профессиональный жаргон. В условиях цифровизации современного общества представитель любой социальной группы владеет сегодня не только своей узкоспециальной лексикой. В речи горожанина как активного пользователя гаджетов обязательно встречаются элементы компьютерного жаргона. Неслучайно в определении сетевого жаргона подчеркивается его универсальный характер: «Интернет-сленг, сетевой жаргон (или шире: компьютерный сленг) – разновидность сленга, используемого как профессиональной группой IT-специалистов, так и другими пользователями компьютеров и Интернета» [7, с. 175]. В рамках данной статьи будет рассмотрен сетевой социолект, используемый сотрудниками правоохранительных органов. В этой связи билингвальная природа речевого портрета сотрудника органов внутренних дел как языковой личности, реализующей себя

в условиях городской среды, заключается в неразрывной связи трех языковых систем: городское просторечие, полицейский социолект, сетевой социолект.

Использование сетевого социолекта сотрудниками органов внутренних дел связано прежде всего с цифровизацией профессиональной деятельности. Мы остановимся на цифровизации образовательного процесса в образовательных организациях системы МВД России.

К вопросам цифровизации образования в последнее десятилетие обращались многие авторы. Данная проблема явилась ключевой в работах Н. В. Стеценко и Е. А. Широбакиной, Н. Б. Стрекаловой, Р. М. Сафуанова, М. Ю. Лехмуса, Е. А. Колганова, Н. М. Тюкавкина и др. Авторы единодушно сходятся во мнении, что цифровизация – это «использование цифровых способов обработки информации и на этой основе создания нового контента ее передачи и распространения» [8; 9; 10].

Наиболее полное определение понятию «цифровизация образовательного процесса вузов» дает М. Н. Тюкавкин, который указывает, что это «деятельность, которая непосредственно связана с развитием цифровых информационных технологий, куда входят сервисы по оказанию онлайн-услуг, использование цифрового образовательного пространства, дистанционного обучения, сетевизация предоставления образовательных услуг, осуществление электронных образовательных курсов, интернет-услуги и прочее» [10].

Основой цифровых технологий образовательного процесса вузов является оказание образовательных услуг с использованием цифровых технологий, так как именно они технологии позволяют получить более качественное и инновационное образование, что в наше время просто необходимо.

Цифровизация образовательного процесса прочно вошла в деятельность вузов. На сегодняшний день это незаменимое явление, так как с помощью цифровых технологий увеличиваются возможности об-

учающихся для повышения своего уровня образования и саморазвития, эффективности деятельности, точности выполнения образовательных операций. В настоящее время прогресс цифровых технологий в сфере образования осуществляется с большой интенсивностью, и в ближайшем будущем образование без их использования будет уже немыслимым.

Именно цифровые ресурсы, применяемые ежедневно в деятельности человека, обеспечивают непрерывность обучения, а также его индивидуализацию, то есть каждый может выбрать темп освоения программы, педагога, время, форму и методы обучения.

Рассмотрим цифровизацию образовательного процесса на примере Федерального государственного казенного образовательного учреждения «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации» (далее – УрЮИ МВД России). На наш взгляд, активное развитие и внедрение цифровизации образовательного процесса во всех образовательных учреждениях, в том числе и в УрЮИ МВД России, началось в 2020 году, когда была объявлена пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19. Учебный процесс в УрЮИ МВД России не останавливался ни на один день. Обучение полностью перешло в интернет-пространство. Преподаватели, не владевшие на тот момент цифровыми технологиями, в ускоренном режиме были вынуждены освоить новую платформу для обучения. Когда учебный процесс вернулся в стены аудиторий и классов, стало понятно, что без цифровых ресурсов уже не обойтись, так как появилось множество новых видов заданий и отчетностей, большое количество образовательных платформ, процесс обучения приобрел интерактивную форму.

Так как и сами сотрудники, и обучающиеся активно работают и реализуют образовательные процессы на платформе Moodle, размещают учебные материалы в ЭИОС и Апекс-Вуз, они свободно владеют сетевым социолектом. Так, например, в рабочей обстановке не редкостью является следующее

объявление: «Уважаемые коллеги! Обращаю ваше внимание, что задания для курсантов необходимо размещать в разделе «Очная форма обучения», а не в разделе «СДОТ ВКС очная форма обучения». В данном случае, использованы аббревиатуры-термины «СДОТ» – система дистанционного образования и тестирования и «ВКС» – видео-конференц-связь.

– Доброе утро, Павел Сергеевич! В ЭИОС для очной формы обучения отсутствует БББ.

– Здравствуйте, Александр Петрович! Нужно заходить через старый сервер.

В приведенном диалоге также представлены элементы сетевого социолекта в виде терминологических единиц: «ЭИОС» – электронная информационно-образовательная среда, «БББ» – видеоконференция BigBlueButton (ВВВ), «сервер» – служебный компьютер, который создан для поддержки большого числа пользователей. Без подобной терминологии невозможно существование в интернет-пространстве. Но кроме терминов, выполняющих номинативную функцию, сетевой социолект представлен и собственно жаргонизмами.

Е. А. Митусова исследовала причины появления сленга в интернет-коммуникациях и в качестве главной указала «стремительное развитие самих компьютерных технологий»¹. При просмотре новостей и чтении журналов о новациях в области компьютерных технологий можно заметить, что почти еженедельно появляются какие-нибудь новшества. Разумеется, в данных условиях каждое новое явление в этой области просто не может существовать без словесных обозначений и, соответственно, названия. Как известно, большинство новаций приходит к нам из-за рубежа и для обозначения их подавляющего большинства не находится эквивалента в русском языке. Именно по этой причине российские специалисты вынуждены употреблять аутентичные слова.

При этом большинство профессиональных терминов неудобны в повседневном использовании. В связи с этим люди ищут способы, как их сократить и упростить. «Например, один из самых часто употребляемых терминов – «motherboard» – «материнская плата». В сленге же этому слову соответствует «мамка» или «матрешка». Или другой пример: «CD-ROM Drive» переводится на русский как «накопитель на лазерных дисках», в сленге имеет эквиваленты «сидюк», «сидюшник» [11].

В зависимости от того, кто пользуется интернет-сленгом, Г. Г. Бабалова и С. Н. Ширококов выделяют следующие его функции:

- функция самовыражения участников коммуникации;
- эмоционально-оценочная функция;
- функция экономии языка [12].

По мнению Н. В. Виноградовой, «компьютерный жаргон как самый «креативный» из профессиональных подязыков просто «обречен» на развитие и экспансию. В условиях современного развития обществу просто необходим «новый» язык, без компьютерного жаргона язык не способен обслужить новую реальность. Сленг изменяется намного быстрее, чем состав русского языка» [13].

При наблюдении за сетевым социолектом в стенах Уральского юридического института МВД России нами было зафиксировано несколько диалогов, в которых компьютерный жаргон органично вплетается в межличностное общение.

– Довуз не имеет возможности работать в ЭИОС, потому что у них нет туда доступа.

– В таком случае пусть куратор обратится к админу, тот их быстро зарегистрирует, и все получат учетки (диалог преподавателя кафедры и начальника учебного отдела института).

В данном примере мы можем заметить, что в одном предложении употреблено сразу три жаргонизма: «админ», то есть адми-

¹ Митусова Е. А. Происхождение интернет-сленга и его влияние на речевую культуру современной молодежи // Образовательная социальная сеть. URL: <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2013/10/09/proiskhozhdenie-internet-slenga-i-ego-vliyanie-na-rechevoe-razvitie> (дата обращения: 03.02.2024).

нистратор – «специалист, ответственный за поддержание работоспособности аппаратных и программных компонентов информационной системы»; «зарегает», то есть регистрирует, что значит «создать учетную запись или зарегистрироваться в какой-то программе, сайте или приложении»; «учетки», то есть учетные записи – это «храняемая в компьютерной системе совокупность данных о пользователе, необходимая для его опознавания (аутентификации) и предоставления доступа к его личным данным и настройкам» [14]. Но зачем же майор полиции использует социолект IT-специалистов? Исключительно для экономии речевых усилий. При этом у второго участника диалога не возникло никаких трудностей в понимании его слов, что еще раз доказывает, что интернет-жаргон плотно закрепился не только в среде профессиональных пользователей, но и среди обычных участников интернет-коммуникации.

Рассмотрим еще один пример. Разговаривают два курсанта:

– Вась, а ты какую аватарку поставил у себя в акке?

– Петь, помнишь ты фоткал меня на плацу?

– Да, конечно, помню.

– Вот ее и поставил. А ты?

В данном диалоге использованы два жаргонизма: «аватарка» – «маленькое изображение, представляющее определенного человека (пользователя) в виртуальной реальности (форумах, блогах, ICQ и так далее), наиболее полно отражающее сущность,

внешность, характер обладателя»¹. Данный жаргонизм создан способом аффиксации от слова «аватар» (термин) с помощью суффикса -к-, чтобы подчеркнуть межличностный, неформальный вид общения. Второй жаргонизм – «акк». Жаргонизм образован путем сокращения термина «аккаунт» – это «личный кабинет или профиль пользователя на каком-либо веб-сайте или в приложении»². Приведенные примеры демонстрируют использование интернет-жаргона в устной речи в целях экономии речевых усилий (кроме «аватарки», где суффикс отражает подчеркнуто разговорный характер общения).

Заключение

Проанализировав и изучив функционирование сетевого социолекта в профессиональном сообществе Уральского юридического института МВД России, мы можем сделать вывод, что ежедневное общение сегодня практически невозможно без владения компьютерным социолектом. Люди часто используют его, не только коммуницируя в социальных сетях, но и в оффлайн-общении. Сегодня уже трудно представить любую профессиональную деятельность без таких слов, как «авторизация», «аккаунт», «гуглить», «домашняя страница», «контент», «личка», «облако», «спам» и т. д.³ Как показывают приведенные примеры, сетевой социолект прочно вошел в нашу жизнь и стал неотъемлемой частью речевого портрета современной языковой личности, в том числе языковой личности сотрудника органов внутренних дел.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.
2. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 380 с.
3. Купина Н. А., Гаспаров Б. М., Асташова О. И. Русский язык в многоречном социальном пространстве. М.: Флинта, 2024. 324 с.

¹ Словарь интернет-терминов. Белоярская центральная районная библиотека. URL: https://bellibrary.ekb.muzkult.ru/media/2023/08/29/1281855645/slovat_internet_terminov.pdf (дата обращения: 03.02.2024).

² Там же.

³ Там же.

4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: URSS: КомКнига, 2005. 284 с.
5. Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города // Русская речь. Ленинград, 1928. Вып. 3. С. 61–75.
6. Ерофеева Т. И. Социолект: стратификационное исследование. Пермь: Пермский государственный университет, 2009. 240 с.
7. Тихтиевская М. А. Сетевой жаргон и его роль в аккультурации инофона // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 12 (66): в 4-х ч. Ч. 2. С. 175–177.
8. Стеценко Н. В., Широбакина Е. А. Цифровизация в сфере физической культуры и спорта: состояние вопроса // Наука и спорт: современные тенденции. 2019. Т. 22. № 1 (22). С. 35–40.
9. Стрекалова Н. Б., Подулыбина О. И. Цифровизация экономики как педагогическая проблема // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27. № 4. С. 99–106.
10. Тюкавкин Н. М. Цифровизация образовательных процессов в вузах // Эксперт: теория и практика. 2019. № 1(1). С. 35–40.
11. Смалый Н. А., Силакова Д. В. Жаргон интернет-пользователя как социальный и лингвистический феномен // Молодежь и XXI век – 2012: материалы IV Международной молодежной научной конференции. Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2012.
12. Бабалова Г. Г., Широбокос С. Н. Компьютерный сленг // Омский научный вестник. 2015. № 3(139). С. 38–42.
13. Виноградова Н. В. Компьютерный сленг и литературный язык: проблемы конкуренции // Исследования по славянским языкам, 2011. № 6. С. 203–216.
14. Кронгауз М. А. Словарь языка интернета.ru / М. А. Кронгауз, Е. А. Литвин, В. Н. Мерзлякова и др.; под редакцией М. А. Кронгауза. М.: АСТ-Пресс, 2016. 287 с.

REFERENCES

1. Shcherba L. V. Selected works on the Russian language. Moscow: Uchpedgiz, 1957. 188 p. (In Russ.)
2. Vepreva I. T. Language reflection in the post-Soviet era. Ekaterinburg: Ural Publishing House. Univ., 2002. 380 p. (In Russ.)
3. Kupina N. A., Gasparov B. M., Astashova O. I. Russian language in a multi-speech social space. Moscow: Flinta, 2024. 324 p. (In Russ.)
4. Issers O. S. Communicative strategies and tactics of Russian speech. Moscow: URSS: KomKniga, 2005. 284 p. (In Russ.)
5. Larin B. A. On the linguistic study of the city // Russian speech. Leningrad, 1928. Issue. 3. P. 61–75. (In Russ.)
6. Erofeeva T. I. Sociolect: stratification study. Perm: Perm State University, 2009. 240 p. (In Russ.)
7. Tikhtievskaya M. A. Network jargon and its role in the acculturation of a foreign language // Philological Sciences. Questions of theory and practice. Tambov: Gramota, 2016. No. 12 (66): in 4 parts. Part 2. P. 175–177. (In Russ.)
8. Stetsenko N. V., Shirobakina E. A. Digitalization in the field of physical culture and sports: the state of the issue // Science and sport: modern trends. 2019. Vol. 22. No. 1(22). P. 35–40. (In Russ.)
9. Strekalova N. B., Podublybina O. I. Digitalization of the economy as a pedagogical problem // Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology. 2021. Vol. 27. No. 4. P. 99–106. (In Russ.)
10. Tyukavkin N. M. Digitalization of educational processes in universities // Expert: theory and practice. 2019. No. 1 (1). P. 35–40. (In Russ.)
11. Smaliy N. A., Silakova D. V. Internet user jargon as a social and linguistic phenomenon // Youth and the XXI century – 2012: materials of the IV International Youth Scientific Conference. Kursk: Closed Joint Stock Company “University Book”, 2012. (In Russ.)
12. Babalova G. G., Shirobokov S. N. Computer slang // Omsk Scientific Bulletin. 2015. No. 3 (139). P. 38–42. (In Russ.)
13. Vinogradova N. V. Computer slang and literary language: problems of competition // Research on Slavic languages, 2011. No. 6. P. 203–216. (In Russ.)

14. Krongauz M. A. Dictionary of the Internet language.ru / M. A. Krongauz, E. A. Litvin, V. N. Merzlyakova and others; edited by M. A. Krongauz. Moscow: AST-Press, 2016. 287 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Т. Г. Букина, кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author:

T. G. Bukina, Candidate of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 04.02.2024; одобрена после рецензирования 09.04.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 04.02.2024; approved after reviewing 09.04.2024; accepted for publication 21.06.2024.

Научная статья
УДК 81-114.4

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: СТРУКТУРА ДОКУМЕНТА И КОМПЕТЕНЦИИ ЛИНГВИСТА-ЭКСПЕРТА

Гульнара Рифовна Искандарова

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, ischtuganowa@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются структурные особенности лингвистической экспертизы как особого документа, используемого в судебной практике в Российской Федерации. В качестве практического материала привлекаются заключения Гильдии лингвистов-экспертов по документальным и информационным спорам по делам о пропаганде наркотиков, об экстремизме и терроризме. Анализируются этапы экспертного исследования, приводится перечень применяемых методов, излагаются вопросы, требующие разрешения лингвиста-эксперта. Детально охарактеризованы понятийный аппарат и содержание каждого из разделов заключения эксперта, составляемого по результатам производства судебной лингвистической экспертизы. Особое значение в статье отводится сфере компетенций специалистов, привлекаемых к вынесению заключений рассматриваемого судебного документа. Теоретические источники, на которые опирается исследование, обеспечивают достоверность и обоснованность полученных результатов. Делается вывод о том, что качество лингвистической экспертизы зависит напрямую от умений и навыков эксперта однозначно ответить на поставленные судом вопросы, дать прямые недвусмысленные ответы относительно недопустимого коммуникативного поведения в обществе.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, лингвист-эксперт, заключение, методы анализа, термины и понятия, задачи эксперта.

Для цитирования: Искандарова Г. Р. Лингвистическая экспертиза: структура документа и компетенции лингвиста-эксперта // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 2 (104). С. 129–135.

Original article

LINGUISTIC EXPERTISE: THE STRUCTURE OF THE DOCUMENT AND THE COMPETENCE OF THE LINGUISTIC EXPERT

Gulnara R. Iskandarova

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, ischtuganowa@mail.ru

Abstract. The article deals with the structural features of linguistic expertise as a special document used in judicial practice in the Russian Federation. The conclusions of the Guild of Linguists-Experts in Documentary and Information Disputes on cases of drug propaganda, extremism and terrorism are used as practical material. The stages of expert research are analyzed, a list of methods used is given, and questions requiring the permission of an expert linguist are outlined. The conceptual apparatus and the content of each of the sections of the expert's opinion, compiled based on the results of the forensic linguistic examination, are described in detail. Particular importance in the article is given to the sphere of competence of specialists involved in making conclusions of the judicial document under consideration. The theoretical sources on which the research is based ensure the reliability and validity of the results obtained. It is concluded that the quality of linguistic expertise depends directly on the skills and abilities of the expert to unequivocally answer the questions posed by the court, to give direct unambiguous answers regarding unacceptable communicative behavior in society.

Keywords: linguistic expertise, linguistic expert, conclusion, methods of analysis, terms and concepts, tasks of the expert.

© Искандарова Г. Р., 2024

For citation: Iskandarova G. R. Linguistic expertise: the structure of the document and the competence of the linguistic expert // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (104). P. 129–135. (In Russ.)

Введение

Лингвистические экспертизы – это специальные тексты прикладного характера, адресованные специалистам определенной области знаний. В документах такого рода существуют особые отношения между составителями текста (лингвистами-экспертами) и его получателями (юристами). Помимо своей основной функции – анализа языкового материала, экспертные заключения передают получателям в определенной, адаптированной форме основы лингвистического знания, разъясняют особенности коммуникации в тех областях, где создавался анализируемый языковой материал, тем самым обеспечивая достоверность, объективность, полноту, доказательность результатов, полученных экспертами. Если анализируемый языковой материал взят, например, из газеты, экспертное заключение может дополнительно содержать объяснения целей журналистской деятельности (передача информации, влияние на адресата и т. д.), а также стиля речи (выразительный, образный, ориентированный на читателя, обычное использование разговорных элементов и т. д.).

Методы

В качестве методологической базы исследования использовались теоретические методы, такие как изучение и анализ лингвистических источников и научной литературы по проблемам исследования, а также эмпирические методы, например, наблюдение, анализ, синтез, классификация, описание, сопоставление, сравнение.

Результаты

На материалах заключений Гильдии лингвистов-экспертов по документальным и информационным спорам (далее – ГЛЭДИС) по различным делам исследуются структура заключений, подход и компетенции экспертов-лингвистов. Отметим, что ГЛЭДИС находится в Москве и является одной из самых известных ассоциаций экспертов в области лингвистической экспертизы в России [1,

с. 74]. Все заключения составляются в соответствии с текстовым шаблоном, разработанным ассоциацией, независимо от тематики экспертных заключений. Однако этот шаблон применим только к заключениям, подготовленным вышеупомянутой ассоциацией. Экспертизы других ассоциаций лингвистов-экспертов могут отличаться.

Рассмотренные нами экспертизы опубликованы в свободном доступе на интернет-сайте ассоциации, чем объясняется их актуальность для данного исследования. Анализ показывает, что заключения экспертов-лингвистов по делам о пропаганде наркотиков, об экстремизме и терроризме имеют следующую структуру: введение, содержащее общие сведения; фактическую экспертизу или собственно исследование (аналитическую часть); заключение с ответами на вопросы, заданные экспертам (синтезирующую часть).

Рассмотрим структуру лингвистической экспертизы подробнее. Вводная часть экспертного заключения содержит следующие элементы: сведения о времени и месте производства исследования, такие как общие данные об экспертном учреждении; обоснование вынесения заключения, в частности, дата рассмотрения иска, предыдущая судебная практика в отношении подлежащих экспертизе фактов, а также информация о заказчике, постановление руководителя ассоциации о проведении экспертизы; представление экспертов, их функции в ассоциации, текущая профессиональная деятельность, занимаемая должность, образование, опыт работы в областях лингвистики и лингвистической экспертизы; представленные на экспертизу предметы и письменные материалы (например, копия протокола допроса, видеофайл с записью интервью и т. д.), а также изложение вопросов, на которые необходимо ответить [2, с. 106].

Заключение лингвиста-эксперта должно служить для суда доказательной базой с

целью определения того, совершено или не совершено то или иное преступление. Ввиду этого тематические вопросы, которые задаются рецензентам, могут заключаться, например, в следующем:

– содержат ли оцениваемые фрагменты текста информацию, которая негативно характеризует человека, и почему эту информацию следует классифицировать как негативную с лингвистической точки зрения;

– в какой форме выражена возможная негативная информация: утверждение, предположение, авторская оценка и т. д., и допускает ли данная форма выражения проверку на предмет ее достоверности;

– является ли информация, содержащаяся в языковом материале, оскорбляющей человеческое достоинство, т. е. дискредитирующей;

– можно ли оценить представленный языковой материал с точки зрения его достоверности и соответствия действительности;

– можно ли определить в языковом материале идиомы или смысловые конструкции, содержащие призыв к определенным действиям, и если да, то в чем заключается смысл действий, к которым призывает автор текста;

– можно ли определить в языковом материале фразы или смысловые конструкции, имеющие оскорбительное или унижающее достоинство содержание, и на какую категорию людей они направлены.

В экспертизах по делам об экстремизме и терроризме рецензентам задается вопрос об отношении тех или иных слов и словосочетаний к числу оскорбительных и обличенных в неприличную форму либо, соответственно, о наличии у них экстремистской окраски [3, с. 79; 4, с. 81]. Приведем наглядный пример аналогичного содержания из заключения: «Соответствует ли современной речевой практике трактовка слова «Газа» при его употреблении в современной русскоязычной среде, в том числе в речевой

практике российских мусульман или какой-то их подгруппы, как производного от слова «газават»; является ли такая трактовка допустимой и возможной с лингвистической и религиоведческой точек зрения?»¹.

Фактическая экспертиза, или собственно исследовательская часть, самая большая по объему, также структурирована в соответствии с заранее разработанной схемой. Вначале эксперты предоставляют подробную информацию о методических основах исследования, нормативной базе и источниках, используемых при последующем анализе.

Исследования проводятся обычно с учетом современных апробированных методов лингвистического анализа, признанных подавляющим большинством специалистов, осуществляющих производство лингвистических экспертиз [5, с. 90; 6, с. 56]. Для решения поставленных вопросов применяются методы анализа значений слов, высказываний и текста в целом, в том числе трансформационные, разработанные в лингвистической семантике, синтаксическом анализе, лингвистике текста, словообразовании. Привлекаются общенаучные методы, включая анализ и синтез [7, с. 119]. Из частных практических методов могут использоваться просмотр видеозаписи, аудирование фонограммы. Если объектом лингвистической экспертизы выступают, например, религиозные тексты, то к собственно лингвистическим методам должны подключаться методы и средства, применяемые в религиоведении и психологии [8, с. 71].

В нормативной базе перечисляются такие нормативные правовые документы, как Конституция Российской Федерации, кодексы (уголовный, уголовно-процессуальный и др.), различные законы, постановления, комментарии, приказы, обзоры практики, ГОСТы и т. д. Пособия (научно-практические, учебные), методические рекомендации, памятки, классические лексикогра-

¹ Заключение специалистов № 170-11/2021 от 14 октября 2021 г. // Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам: сайт. URL: https://rusexpert.ru/public/expertizu-pdf/2.9ZaklCh1st205.1_2021Hajauri.pdf (дата обращения: 10.10.2023).

фические издания, словари и справочники включаются в перечень специальной литературы, используемой при производстве конкретной лингвистической экспертизы.

Понятийный аппарат лингвистического исследования содержит основные понятия и термины, используемые в тексте экспертизы. При необходимости они иллюстрируются примерами, заимствованными из приведенной специальной литературы, а не из фактического материала, представленного для исследования.

Обоснование экспертного решения включает в себя в первую очередь общую характеристику рецензируемого материала. При этом определяются функции представленных текстов и связываются с используемыми языковыми средствами. После этого анализируются отдельные фрагменты речевого материала, которые полностью приводятся в экспертном заключении. При анализе нескольких текстов в рамках экспертного заключения на вопросы, задаваемые рецензентам, даются ответы отдельно для каждого текста. Отметим, что в качестве текстов могут выступать интервью, видеообращения, радиопередачи, книги, жалобы, заявления, реклама, эмблемы, карикатура, форумы, блоги, посты и т. д. [9, с. 28].

Заключение эксперта содержит ответы на вопросы, заданные во введении, с указанием на наличие или отсутствие конкретных лингвистических элементов в качестве обоснования ответов. Так, в одном из заключений по делам о пропаганде наркотиков в выводе эксперта содержится следующий ответ на заданный ему вопрос: «В тексте сказки «Как Суслик одурманился», опубликованной в книге «Высокая скала Хомы и Суслика» автора Альберта Иванова, вышедшей в серии «Коллекция любимых сказок», присутствуют элементы антинаркотической

пропаганды, направленные на формирование в обществе негативного отношения к употреблению одного из наркотических средств, отсутствует информация о других наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах. Указанный текст НЕ допускает его трактовки как способствующего формированию положительного отношения к наркотикам со стороны читателя»¹.

Заключение подписывается всеми участвующими экспертами и заверяется руководителем ассоциации экспертов.

Описание терминов и понятий является важной частью фактической экспертизы. Термины, содержащиеся в анализе и выводах, как правило, заимствованы из области логики, семантики и прагматики, снабжены примерами (слова, выражения, предложения, тексты) и показаны в их взаимосвязи друг с другом. При этом эксперты приводят денотативные значения слов, зафиксированные в энциклопедиях, толковых словарях и справочниках, объясняют словарные значения терминов и контекстуальные значения, которые применимы к рецензируемому практическому материалу, разъясняя их смысл. Толкование терминов происходит на упрощенном, доступном для юристов языке, лишенном лингвистических тонкостей. В то же время экспертные понятия должны занимать промежуточное положение между лингвистическими феноменами и юридическими терминами [10, с. 36].

Приведем примеры дефиниций, часто встречаемых в заключениях экспертов. Так, термин «информация» определяется как совокупность лингвистических высказываний о мире, событиях, фактах, а также об отношении отправителя информации к этим событиям². При этом под высказыванием понимается единица речи, которая

¹ Заключение Комиссии специалистов-лингвистов № 09-04/16 от 8 апреля 2016 г. // Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам. URL: <https://rusexpert.ru/public/expertizy-pdf/6.1.Zaklpozaprizdva2016.pdf> (дата обращения: 10.10.2023).

² Заключение Комиссии специалистов-лингвистов № 58-10/11 от 28 октября 2011 г. // Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам. URL: <https://rusexpert.ru/public/expertizy-pdf/2.2.ZaklprizyvyBelarus2011.pdf> (дата обращения: 10.10.2023).

воспроизводит относительно завершенный фрагмент информации. Если информация не содержит оценок, то она является нейтральной. Если реципиент получает информацию о ситуациях или событиях, которые считаются хорошими, достойными похвалы, благоприятными для общества в системе ценностей данного общества или на основе данных стереотипов социального восприятия или реакции, то это позитивная информация¹. Негативная информация, напротив, содержит отрицательные характеристики юридических или физических лиц или их деятельности и действий физических лиц с точки зрения здравого смысла и моральных ценностей или с юридической точки зрения, насколько об этом может судить любой совершеннолетний гражданин, не имеющий юридических знаний. Если негативная информация не соответствует действительности, то это клеветническая информация. Как считают эксперты, клеветническая информация является юридической квалификацией, которой могут обладать только суды на основании следственных действий по проверке этой информации – компетенцией, которой не владеют эксперты. Хотя эксперты могут определить наличие негативной информации, в их компетенцию не входит квалификация информации как клеветнической. Эксперт, специалист в области лингвистики, не имеет права вторгаться в сферу деятельности других сотрудников, которые занимаются расследованием случаев нарушения законов [11, с. 145].

Понятия, общепринятые ассоциацией лингвистов-экспертов, используются во всех экспертных заключениях, несмотря на тематику рассматриваемых дел. Если ассоциация принимает решение об изме-

нении определения, то оно применяется ко всем заключениям экспертов, независимо от объекта исследования. Такое изменение было внесено, например, в определение термина «мнение». В заключениях экспертов 2007–2008 гг. определение гласит, что мнение о фактах, событиях или людях, в отличие от заявлений о фактах (утверждений), предполагает четкое указание на носителя мнения. В более поздних обзорах, опубликованных в 2012–2014 гг., это понятие стало гораздо шире. Мнение (о фактах, событиях или людях) – это суждение, выражающее точку зрения или отношение к кому-либо или чему-либо, которое может быть выражено в форме предположения или утверждения². Мнение, выраженное в виде утверждения, в некоторых случаях может быть проверено на соответствие действительности³. В то же время мнение, в отличие от утверждения о фактах, нельзя охарактеризовать с точки зрения того, соответствует ли оно действительности или нет, поскольку оно отражает восприятие человека, а не реальность.

Заключение

Итак, судебная лингвистическая экспертиза представляет большой интерес для междисциплинарных исследований, поскольку являет собой пример соединения вопросов филологии, языкознания, профессиональных коммуникативных практик, судебного речеведения и юриспруденции. Рассмотрение недопустимого коммуникативного поведения осуществляется с различных точек зрения, как с юридической, так и лингвистической. Мнения экспертов передают восприятие речевого поведения языковым сообществом и, таким образом, отражают его лингвокоммуникативную культуру.

¹ Заключение Комиссии экспертов-лингвистов № 20-07/14 от 15 июля 2014 г. // Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам. URL: <https://rusexpert.ru/public/expertizy-pdf/2.4ExpKromsudOrlByvshev2014.pdf> (дата обращения: 10.10.2023).

² Заключение Комиссии экспертов-лингвистов № 45-11/12 от 22 ноября 2012 г. // Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам. URL: <https://rusexpert.ru/public/expertizy-pdf/1-1.ExpKhamovnichBerezovsk2012.pdf> (дата обращения: 10.10.2023).

³ Заключение Комиссии экспертов № 096 от 25 февраля 2011 г. // Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам. URL: <https://rusexpert.ru/public/expertizy-pdf/2.3ExpSPBVersZharkBeykhach2011.pdf> (дата обращения: 10.10.2023).

Лингвисты-эксперты не несут ответственности за определение точности или неточности информации и проверку утверждений – подобная оценка является прерогативой суда. С одной стороны, заключения экспертов выявляют отрывки текста, которые могут быть проверены судом, поскольку они выражены в форме утверждений. С другой стороны, рецензенты могут указать на те отрывки текста, которые не могут быть проверены, поскольку они носят форму выражения мнения. Лингвисты также должны помочь суду уточнить, идет ли в тексте речь о конкретных нарушениях закона. Таким образом, эксперты могут определять социально неприемлемые формулировки, особенно непристойные, потенциально оскорбитель-

ные конструкции, а также неуместные высказывания в случае судебного разбирательства, например, по делам о диффамации. Кроме того, они могут указать на основания для вынесения суждений, содержащиеся в тексте или отсутствующие в нем. Эксперты также определяют, кому адресованы заявления, которые могут быть оскорбительными.

В соответствии с этими задачами в заключениях экспертов упоминаются и классифицируются конкретные языковые средства, как по степени их табуирования, так и по их семантике. В обоих случаях эксперты исходят из стандартных лексикографических работ, призванных отразить общие представления русского языкового сообщества о недопустимых языковых действиях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Распопова Т. А., Рожковская Ю. И. Формирование института судебных лингвистических экспертиз в России // Экономика. Социология. Право. 2022. № 1 (25). С. 72–82.
2. Подкатилина М. Л. Рекомендации по производству и оформлению результатов судебной лингвистической экспертизы по делам об экстремизме // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 3 (3). С. 102–107.
3. Тимошенко С. Е., Смирнова И. С. Значение судебной лингвистической экспертизы при производстве по уголовным делам // Сборник материалов криминалистических чтений. 2017. № 14. С. 79–81.
4. Сааков Т. А., Никишин В. Д. Судебная лингвистическая экспертиза по делам экстремистской и террористической направленности // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 4 (34). С. 76–81.
5. Хомиченко О. В. Понятие и сущность судебной лингвистической экспертизы // Нижневартковский филологический вестник. 2022. № 1. С. 86–98.
6. Ерахтина Е. А. К вопросу о судебной лингвистической экспертизе по делам о публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности // Шестые традиционные «экспертные» чтения на Енисее: материалы региональной (межвузовской) научно-практической конференции. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2021. С. 52–58.
7. Кукушкина О. В. Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1 (41). С. 118–126.
8. Баскакова Н. Н. К вопросу о судебной лингвистической экспертизе // Вестник академии следственного комитета Российской Федерации. 2017. № 1 (11). С. 70–72.
9. Анисимова Е. Ю. Сущность и особенности объектов судебной лингвистической экспертизы // Universum: Филология и искусствоведение. 2024. № 3 (117). С. 27–30.
10. Кузнецов В. О. К вопросу об экспертных понятиях в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 1. С. 29–41.
11. Варлакова Т. В. Особенности анализа словесных материалов в ходе судебной лингвистической экспертизы // Труды академии управления МВД России. 2021. № 2 (58). С. 140–147.

REFERENCES

1. Raspopova T. A., Rozhkovskaya Yu. I. Formation of the Institute of forensic linguistic expertise in Russia // Economy. Sociology. Law. 2022. No. 1 (25). P. 72–82.

2. Podkatilina M. L. Recommendations on the production and registration of the results of forensic linguistic expertise in cases of extremism // Bulletin of O. E. Kutafin University (MGUA). 2014. No. 3 (3). P. 102–107.
3. Timoshenko S. E., Smirnova I. S. The significance of forensic linguistic expertise in criminal proceedings // Collection of materials of forensic readings. 2017. No. 14. P. 79–81.
4. Saakov T. A., Nikishin V. D. Forensic linguistic expertise // Investigation of crimes: problems and ways to solve them. 2021. No. 4 (34). P. 76–81.
5. Khomichenko O. V. The concept and essence of forensic linguistic expertise // Nizhnevartovsk Philological Bulletin. 2022. No. 1. P. 86–98.
6. Yerakhtina E. A. On the issue of judicial linguistic expertise in cases of public calls for extremist activity // The sixth traditional “expert” readings on the Yenisei. Materials of the regional (interuniversity) scientific and practical conference. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University, 2021. P. 52–58.
7. Kukushkina O. V. Methods of analysis used in forensic linguistic expertise // Theory and practice of forensic examination. 2016. No. 1 (41). P. 118–126.
8. Baskakova N. N. On the issue of forensic linguistic expertise // Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2017. No. 1 (11). P. 70–72.
9. Anisimova E. Y. The essence and features of the objects of forensic linguistic expertise // Universum: Philology and Art Criticism. 2024. No. 3 (117). P. 27–30.
10. Kuznetsov V. O. On the question of expert concepts in forensic linguistic expertise // Theory and practice of forensic expertise. 2020. Vol. 15. No. 1. P. 29–41.
11. Varlakova T. V. Features of the analysis of verbal materials in the course of forensic linguistic expertise // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2 (58). P. 140–147.

Информация об авторе:

Г. Р. Искандарова, доктор филологических наук, доцент.

Information about the author:

G. R. Iskandarova, Doctor of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.10.2023; одобрена после рецензирования 10.01.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 11.10.2023; approved after reviewing 10.01.2024; accepted for publication 21.06.2024.

НЕВЕРБАЛЬНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ЭМОЦИЙ В КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА У. С. МОЭМА «ТЕАТР»)

Юлия Александровна Кошеварова¹, Олеся Алексеевна Безземельная²

¹ Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

² Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

¹ julia.rgfbgu@yandex.ru, ² olesik_2009@mail.ru

Аннотация. В данной статье исследуется невербальное проявление эмоций в коммуникационном процессе на материале романа У. С. Моэма «Театр». Приводится ряд толкований понятия «эмоция». Подробно рассмотрена, в том числе в сравнении с вербальной коммуникацией, невербальная сторона человеческого общения, указаны ее сильные стороны. Подчеркивается важность жестов, мимики, тона голоса и поз в передаче информации о состоянии человека. Описаны визуальная, тактильно-кинестезическая и акустическая разновидности невербального поведения, посредством которых выражаются эмоции радости, симпатии, грусти и презрения. Анализируются такие невербальные средства, как улыбка, взгляд, различные жесты, вздох, рукопожатие и объятия, маркирующие эмоциональное состояние героев. В заключение подчеркивается важность исследования невербальной коммуникации для понимания характеров героев и их внутреннего мира.

Ключевые слова: эмоция, невербальная коммуникация, визуальные методы, тактильно-кинестезические методы, акустические методы.

Для цитирования: Кошеварова Ю. А., Безземельная О. А. Невербальное проявление эмоций в коммуникационном процессе (на материале романа У. С. Моэма «Театр») // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 2 (104). С. 136–143.

Original article

NON-VERBAL EXPRESSION OF EMOTIONS IN THE COMMUNICATION PROCESS (BASED ON THE NOVEL BY W. S. MAUGHAM “THEATRE”)

Yuliya A. Koshevarova¹, Olesya A. Bezzemelnaya²

¹ Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

² Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

¹ julia.rgfbgu@yandex.ru, ² olesik_2009@mail.ru

Abstract. This article examines the non-verbal manifestation of emotions in the communication process based on the material of the novel by W. S. Maugham “Theatre”. A number of interpretations of the concept of “emotion” are given. The non-verbal side of human communication is considered in detail, including in comparison with verbal communication, and its strengths are indicated. The importance of gestures, facial expressions, tone of voice and poses in transmitting information about a person’s condition is emphasized. The visual, tactile-kinesthetic and acoustic varieties of non-verbal behavior are described, through which emotions of joy, sympathy, sadness and contempt are expressed. Non-verbal means such as a smile, a glance, various gestures, a sigh, a handshake and hugs marking the emotional state of the characters are analyzed. In conclusion, the importance of nonverbal communication research for understanding the characters and their inner world is emphasized.

Keywords: emotion, non-verbal communication, visual methods, tactile-kinesthetic methods, acoustic methods.

For citation: Koshevarova Yu. A., Bezzemelnaya O. A. Non-verbal expression of emotions in the communication process (based on the novel by W. S. Maugham “Theatre”) // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (104). P. 136–143. (In Russ.)

© Кошеварова Ю. А., Безземельная О. А., 2024

Введение

В настоящее время наблюдается повышенное внимание к сложной и многогранной природе человеческих эмоций, способам их выражения. С лингвистической точки зрения наряду с вербальной репрезентацией эмоций несомненный научный интерес представляет и несловесное проявление человеческого душевного состояния, поскольку оно играет важную роль в межличностных отношениях, коммуникации и понимании других людей. Несомненно, невербальные сигналы, такие как жесты, мимика, тон голоса, позы и выражение лица, могут сообщать большое количество информации о состоянии человека.

Изучение невербального поведения помогает понять способы человеческого взаимодействия друг с другом, выражение мыслей и чувств, передаваемую информацию о личности и устанавливаемые отношения.

Кроме того, невербальное поведение играет важную роль в деловом и профессиональном мире, где умение читать и использовать невербальные сигналы повышает успех в переговорах, презентациях, управлении коллективом и решении конфликтов.

Целью нашей статьи является изучение невербального выражения эмоций в коммуникационном процессе. Объект исследования – лексические единицы, передающие значение невербальной коммуникации. Предмет исследования – языковые средства описания разнообразных способов актуализации невербального поведения. Новизна исследования заключается в том, что в нем представлен функциональный анализ визуальной, тактильно-кинестезической и акустической разновидностей невербалики, посредством которых происходит коммуникативное взаимодействие. Материалом исследования послужили невербальные средства в диалогах романа У. С. Моэма «Театр».

Методы исследования

В работе были использованы методы сплошной выборки, лингвистического наблюдения и описания, компонентного анализа.

Обсуждение

Обратимся к определению понятия «эмоция». Эмоция (от лат. *emoveo* – потрясаю, волную) понимается как психический процесс средней продолжительности, отражающий субъективное оценочное отношение к существующим или возможным ситуациям и объективному миру¹. Большая советская энциклопедия предлагает следующую трактовку: «Эмоции – субъективные реакции человека и животных на воздействие внутренних и внешних раздражителей, проявляющиеся в виде удовольствия, радости, страха и т. д.»².

В психологии под эмоциями понимается «особый класс психических явлений, проявляющийся в форме непосредственного, пристрастного переживания субъектом жизненного смысла этих явлений, предметов и ситуаций для удовлетворения своих потребностей»³.

Таким образом, эмоция представляет собой быстрый и автоматический ответ на определенные стимулы, который включает физиологические, психологические и поведенческие компоненты.

Помимо вербальной репрезентации той или иной эмоции, широко распространена и невербальная разновидность актуализации того или иного эмоционального состояния.

Проблема невербальной коммуникации подробно рассматривалась в работах таких исследователей, как В. В. Богданов [1], Б. А. Волек [2], А. Wierzbicka [3], Е. А. Зуева [4], И. А. Голованова [5], Ю. В. Иванова [6] и др.

По определению М. С. Андрианова, невербальная коммуникация предстает как «совокупность неречевых коммуникативных средств – система жестов, знаков, сим-

¹ Эмоция // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 17.01.2024).

² Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т. 30. М., 1978. С. 169.

³ Краткий психологический словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. Ростов-на-Дону, 1999. С. 459.

волов, кодов, используемых для передачи сообщения с большой степенью точности и играющих важнейшую роль в смысловом понимании людьми друг друга [7, с. 9]. Аналогичную трактовку предлагает исследователь В. П. Морозов, говорящий о невербальной коммуникации как о системе неязыковых форм и средств передачи информации [8, с. 27]. В. А. Лабунская полагает, что мимика, жесты, поза осмысливаются как знак определенного эмоционального и интеллектуально-волевого состояния. Невербальная коммуникация, по мнению автора, также несет информацию об отношениях, качествах личности, формах обращения к партнеру [9, с. 48].

Очевидно, невербалика играет важную роль в человеческом взаимопонимании, а порой и превосходит вербальную коммуникацию, поскольку слова не всегда могут передать все тонкости и нюансы чувств и эмоций. Так, С. Л. Рубинштейн указывает, что «выразительные движения выполняют определенную актуальную функцию, а именно функцию общения; они – средство сообщения и воздействия, они – речь, лишённая слова, но исполненная экспрессии»¹. Силу невербального проявления отмечает и Э. Сепир, согласно которому эмоции «имеют тенденцию выражаться без слов, и такого инстинктивного выражения эмоциональных переживаний в большинстве случаев достаточно» [10, с. 54].

Акцент на уникальности несловесного поведения делает Н. А. Першина: «невербальное поведение – это индивидуальная форма общения, сопряженная с изменением психических состояний человека, с его отношением к партнерам, с ситуацией взаимодействия и общения» [11, с. 20]. О превосходстве невербалики в демонстрации эмоционального состояния человека пишет Г. Х. Шингаров: «...поза и жест дополняют мимику, в комплексе они выполняют ведущую роль в передаче эмоционального состо-

яния человека <...> Глядя на людей, поза и мимика которых не скованы бдительным сознанием, мы как в зеркале можем видеть, что творится у них «на душе», какие эмоции в них тлеют или бушуют» [12, с. 91]. Повышенную доходчивость отмечает Т. Г. Винокур, согласно которой сильными сторонами невербальной коммуникации являются: «лучшая воспринимаемость, более сильное воздействие на адресата, передача эмоций и чувств» [13, с. 89]

Можно предположить, что способность невербальной коммуникации более точно, чем слова, передавать истинные мысли и чувства человека обусловлена также неосознанностью выполнения.

Нельзя отрицать тот факт, что невербальные сигналы играют огромную роль и в понимании характеров героев художественного произведения. Так, по справедливому замечанию О. В. Климашевой, невербальные компоненты коммуникации, использованные автором в художественном тексте, помогают читателю увидеть общую картину сквозь систему и характерные черты героев [14]. Такие невербальные компоненты (мимика лица, жесты, интонация голоса и позы героя) позволяют нам понять часто скрытые от читателей в тексте произведения внутренние мотивы, эмоции и мысли персонажей, соприкоснуться с их внутренним миром.

Традиционно идентифицируются следующие типы невербальных методов коммуникации: визуальные (мимика, жесты, походка, позы, взгляд), акустические (просодика и экстралингвистика), тактильно-кинестезические и терморцепторные (прикосновения), ольфакторные (запахи) и проксемические (пространственная и временная организация общения) средства [15].

Результаты

Отметим, что в романе У. С. Моэма «Театр»² нам встретились преимущественно три из вышеперечисленных разновидностей, а именно: визуальные, тактильно-кинесте-

¹ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 1998. С. 569.

² Моэм У. С. Театр: Книга для чтения на английском языке. СПб.: КОРОНА принт, КАРО, 2013. 384 с.

зические и акустические невербальные методы коммуникации.

В ходе анализа был выделен следующий спектр эмоций, выражаемых героями произведения: радость, симпатия, грусть, презрение.

Одной из наиболее часто проявляемых эмоций в нашем исследовании стала эмоция радости. Литературным персонажам трудно ее скрыть, что согласуется с точным замечанием американского психолога К. Изарда, согласно которому «радость – это нечто большее, чем положительная установка на себя и на мир; это особого рода звено; это острое чувство торжества» [16, с. 238].

В романе «Театр» радость выражается при помощи визуальных, то есть подразумевающих использование взгляда, внешнего вида и акустических, включающих в себя изменения в интонации, скорости речи, громкости и ритме речи, невербальных средств. Рассмотрим их более подробно.

Одним из наиболее узнаваемых визуальных невербальных проявлений радости является улыбка.

She turned round and Tom, his face all smiles, caught her up. В данном случае улыбающееся лицо молодого человека по имени Том очевидно свидетельствует о его радости и положительном настрое. Улыбка служит признаком дружелюбного отношения мужчины к собеседнице по имени Джулия и эмоциональной связи между ними. Также активное поведение Тома (*'caught her up'*) может указывать на романтическую заинтересованность мужчины. В целом невербальные сигналы (улыбка, мимика лица, жесты) показывают, что Том рад общению с Джулией.

Взгляд также способен мгновенно передать эмоцию радости, без слов разделить момент чистого восторга с другим человеком.

She gave him a gay look, but he did not even smile. Здесь определение *'gay'* однозначно свидетельствует о радости от взаимодействия, о романтическом интересе со стороны женщины, однако собеседник не проявляет никакой реакции на данный сигнал. Это может указывать на то, что он либо не замечает этот взгляд, либо не заинтере-

сован в продолжении общения с героиней. Можно сделать вывод, что невербальная коммуникация здесь не находит отклика у получателя сообщения.

Нам встретилась манифестация радости и в форме самодовольства, как в примере ниже.

Michael gave the room a complacent glance. Взгляд мужчины по имени Майкл на свою комнату свидетельствует о его уверенности в себе и об удовлетворении (определенное *'complacent'*) окружающей обстановкой.

Радость может быть выражена и общим видом человека, как, например, в следующем случае.

<...> he was looking as pleased as if he had pulled off a very clever little trick. На лице героя читается ощущение удовлетворения и гордости за то, что он что-то умело сделал. В данном конкретном примере мы наблюдаем радость героя по поводу успешного осуществления хитрой манипуляции. Он явно ощущает себя успешным и уверенным в своих способностях.

Выражение радости в романе «Театр» было продемонстрировано и с помощью такого акустического невербального средства, как вздох.

When they got to the hotel Michael came to Julia's room, at her suggestion, so that they could talk in peace and quiet. She sat on his knees, with her arm round his neck, her cheek against his.

'Oh, it's so good to be home again,' she sighed. В данной ситуации невербальные действия являются ключевым элементом. Девушка Джулия присела на колени своего жениха Майкла и обняла его, выражая тем самым близость и эмоциональную связь с ним. Жесты Джулии, такие как опустившаяся на плечо Майкла голова, демонстрируют ее комфорт в компании жениха. Атмосфера нежности передана также через прикосновения и объятия. Джулия демонстрирует чувство беззаботности и радости вздохом (*'she sighed'*).

Следующей разнообразной в своем невербальном проявлении эмоцией стала эмоция симпатии.

В ходе анализа нам встретились случаи ее манифестации посредством визуальных и тактильно-кинестезических (касание, объятия, жесты рук и другие формы физического контакта) невербальных средств.

She looked straight into his eyes. Her own were large, of a very dark brown, and starry. It was no effort to her, it was as instinctive as brushing away a fly that was buzzing round her, to suggest now a faintly amused, friendly tenderness. Здесь главным способом невербальной коммуникации героини выступает пристальный взгляд. Женщина по-особому смотрит прямо в глаза собеседника, о чем свидетельствуют метафорические эпитеты *'faintly amused, friendly'*, образно передающие интерес и дружелюбие. Подобный взгляд можно интерпретировать как попытку установить близкие или доверительные отношения со своим визави. Кроме того, стилистический прием «сравнение» *'it was as instinctive as brushing away a fly that was buzzing round her'* показывает, что данное поведение для героини естественно и не требует усилий.

Рукопожатие является универсальной тактильно-кинестезической формой общения с богатой историей. Этот простой жест несет в себе много смысла и способен передавать широкую палитру эмоций и намерений.

Рассмотрим невербальную актуализацию рукопожатия в романе «Театр». В примере ниже мы наблюдаем тактильный контакт двух близких приятельниц: актрисы Джулии и бизнесвумен Долли.

Julia gave her arm an affectionate squeeze. Определение рукопожатия как *'affectionate'* снижает формальность жеста, позволяя интерпретировать данное рукопожатие собеседниц как жест поддержки, утешения или дружелюбия.

В следующем примере с участием тех же героинь, где описывается объятие, усиленное наречием *'affectionately'*, мы убеждаемся в правильности своей трактовки их взаимоотношений как близких и теплых.

She put her arm affectionately round Dolly's vast waist and led her upstairs.

В ряду тактильно-кинестезических невербальных средств поцелуей выделяется силой выражаемого чувства, а также многозначностью интерпретаций. Классически поцелуей трактуется как невербальное проявление любви, нежности и привязанности, выражающее эмоциональную близость и интимные чувства между двумя людьми.

She kissed him fondly. Здесь факт поцелуя, переданный посредством наречия *'fondly'*, явно служит показателем того, что связь между героями текста полна взаимной привязанности. Данный невербальный сигнал может указывать на то, что персонажи достаточно близко общаются.

Нам также встретился насыщенный тактильно-кинестезическими компонентами следующий пример коммуникационного взаимодействия.

'I didn't want to go to bed till I'd seen you,' she said as she folded Julia in her arms and kissed her on both cheeks. She gave Michael a brisk handshake. В данном случае обнимающий жест демонстрирует теплые чувства и близость между героинями, впечатление усиливается за счет поцелуев в обе щеки. На контрасте описывается формальный жест *'a brisk handshake'*, которым Долли обменивается с неприятным для нее мужем приятельницы.

Эмоция грусти во встреченных нами примерах выражается при помощи визуальных и акустических невербальных средств. Так, мы наблюдаем разговор влюбленного мужчины по имени Чарльз и несвободной женщины Джулии. Здесь слабая улыбка на лице *'faint smile'* намекает на то, что человек скрывает что-то или не хочет открыто обсуждать данную тему. В данном случае – это желание расстаться из-за отсутствия взаимности.

She was surprised, for he had said nothing about it. He looked at her with a faint smile.

'No. But I'm not going to see you any more'.

Чаще всего в романе «Театр» грусть передается посредством вздоха.

It made Julia a little sad to think how much she had loved him. Because her love had died she felt that life had cheated her. She sighed.

Можно увидеть, что грустные эмоции героини по имени Джулия переданы невербально через описание ее действий и внутренних переживаний. Глагол *'to sigh'* также создает атмосферу грусти и разочарования. Невербальные элементы помогают читателю понять внутренний мир героини и ее эмоциональное состояние без явного описания.

Аналогичное печальное расположение духа персонажа романа Джулии после разговора с сыном мы встречаем в следующем примере.

But when Roger left her she sighed. She was depressed. She felt very lonely. Из данного отрывка текста можно сделать вывод, что жесты и мимика героини показывают ее глубокое печальное состояние. Женщина, видимо, опустила плечи, грусть отразилась на ее лице, она тяжело вздыхает *'she sighed'*. Эти невербальные признаки говорят об испытываемых ею глубоком одиночестве и грусти после ухода сына по имени Роджер.

Эмоция презрения в романе продемонстрирована визуально.

She gave him a look of scorn. Негативная эмоция манифестируется через взгляд, который может быть выражением недовольства, возмущения или неприязни к адресату.

Заключение

Мы убедились в важности невербального проявления эмоций в коммуникационном процессе. Невербальные сигналы, такие как жесты, мимика, тон голоса и позы, способны передать большое количество информации о человеческом состоянии и эмоциях. Исследование невербального поведения помогает понять способы человеческого взаимодействия, выражение мыслей и чувств, а также устанавливаемые отношения.

Невербальное проявление эмоций в романе У. С. Моэма «Театр» выражается преимущественно визуальными, тактильно-кинестезическими и акустическими не-

вербальными средствами, используемыми героями произведения для передачи эмоций радости, симпатии, грусти, презрения.

В романе «Театр» радость показана при помощи визуальных, таких как улыбка (*'his face all smiles'*), веселый взгляд (*'a gay look'*), самодовольное выражение лица (*a complacent glance*), общий внешний вид человека (*'he was looking as pleased as if he had pulled off a very clever little trick'*), и акустических, например, вздоха (*'she sighed'*), невербальных средств.

Симпатия демонстрируется посредством визуальных, а именно – особый пристальный взгляд (*'she looked straight into his eyes, a faintly amused, friendly tenderness'*), и тактильно-кинестетических, таких как рукопожатие (*'Julia gave her arm an affectionate squeeze'*, *'she gave Michael a brisk handshake'*), объятие (*'she put her arm affectionately round Dolly's vast waist'*, *'she folded Julia in her arms'*), поцелуй (*'she kissed him fondly'*, *'she kissed her on both cheeks'*), невербальных средств. Невербальные жесты симпатии могут быть как изолированными, так и проявляться в комбинации друг с другом. Эффект от данных средств может быть усилен использованием эмотивных определений (*'friendly'*, *'affectionate'*, *'brisk'*) и наречий (*'faintly'*, *'affectionately'*, *'fondly'*), а также стилистических приемов (*'it was as instinctive as brushing away a fly that was buzzing round her'*).

Эмоция грусти выражена визуальными, а именно – улыбкой (*a faint smile*), и акустическими, преимущественно вздохом (*'she sighed'*), невербальными средствами. Эмоция презрения в романе продемонстрирована исключительно визуально (*'a look of scorn'*).

Представляется, что проведенный анализ вносит определенный научный вклад в исследование эмоциональной сферы человека.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Богданов В. В. Функции вербальных и невербальных компонентов в речевом общении // Языковое общение: Единицы и регулятивы: межвузовский сборник научных трудов. Калинин: Калининский государственный университет, 1987. С. 18–26.

2. Волек Б. А. Типология эмотивных знаков // Язык и эмоции: Сборник научных трудов ВГПУ. Волгоград: Перемена, 1995. С. 15–24.
3. Wierzbicka A. Emotions across languages and cultures: Diversity and universals. Paris: Cambridge University Press, 1999. 349 p.
4. Зуева Е. А. Вербализация паралингвистических актов в художественном тексте современной немецкой литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2005. 19 с.
5. Голованова И. А. Интерпретация поведения литературных персонажей в рамках теории невербальной семиотики // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 2. С. 86–95.
6. Иванова Ю. В. Паралингвистические элементы художественного текста: на материале французской прозы XX–XXI веков: дис канд. филол. ... наук. Смоленск, 2009. 357 с.
7. Андрианов М. С. Невербальная коммуникация: психология и право: монография. Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2007. 250 с.
8. Морозов В. П. Невербальная коммуникация: Экспериментально-психологические исследования. М.: Институт психологии РАН, 2011. 528 с.
9. Лабунская В. А. Невербальное поведение (социально-перцептивный подход). Ростов-на-Дону: Ростовский университет, 1986. 136 с.
10. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 630 с.
11. Першина Н. А. Тактильно-кинестетические знаки невербального общения: восприятие, понимание и употребление: монография. Бийск: БПГУ им. В. М. Шукшина, 2008. 360 с.
12. Шингаров Г. Х. Эмоции и чувства как формы отражения действительности. М.: Наука, 1971. 124 с.
13. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 172 с.
14. Климашева О. В. Способы языкового представления невербальных компонентов коммуникации в тексте: экспериментальное исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 23 с.
15. Сьюй М. Роль невербальной коммуникации в рассказе А. П. Чехова «Хамелеон» // Litera. 2023. № 1. С. 11–18.
16. Изард К. Е. Эмоции человека. М., 1980. 439 с.

REFERENCES

1. Bogdanov V. V. Functions of verbal and nonverbal components in speech communication // Linguistic communication: Units and regulations: interuniversity collection of scientific papers. Kalinin : Kalinin Publishing House, State University, 1987. P. 18–26. (In Russ.)
2. Volek B. A. Typology of emotive signs // Language and emotions: Collection of scientific papers. VSPU. Volgograd: Peremena, 1995. P. 15–24. (In Russ.)
3. Wierzbicka A. Emotions across languages and cultures: Diversity and universals. Paris: Cambridge University Press, 1999. 349 p.
4. Zueva E. A. Verbalization of paralinguistic acts in the literary text of modern German literature: abstract of the dissertation of Candidate of Philological Sciences. Belgorod, 2005. 19 p. (In Russ.)
5. Golovanova I. A. Interpretation of the behavior of literary characters within the framework of the theory of nonverbal semiotics // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology. 2006. Vol. 5. Issue. 2. P. 86–95. (In Russ.)
6. Ivanova Yu. V. Paralinguistic elements of a literary text: based on the material of French prose of the XX–XXI centuries: dis. cand. philol. sciences. Smolensk, 2009. 357 p. (In Russ.)
7. Andrianov M. S. Nonverbal communication: psychology and law: monograph. Moscow: Institute of General Humanitarian Research, 2007. 250 p. (In Russ.)
8. Morozov V. P. Nonverbal communication: Experimental psychological research. M.: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2011. 528 p. (In Russ.)
9. Labunskaya V. A. Nonverbal behavior (socio-perceptual approach). Rostov-on-Don: Rostov University Press, 1986. 136 p. (In Russ.)
10. Sepir E. Selected works on linguistics and cultural studies. M.: Progress, 1993. 630 p. (In Russ.)
11. Pershina N. A. Tactile-kinesthetic signs of nonverbal communication: perception, understanding and use: monograph. Biysk: BPSU named after V. M. Shukshin, 2008. 360 p. (In Russ.)

12. Shingarov G. H. Emotions and feelings as forms of reflection of reality. M.: Nauka, 1971. 124 p. (In Russ.)
13. Vinokur T. G. Speaking and listening. Variants of speech behavior. M.: Nauka, 1993. 172 p. (In Russ.)
14. Klimasheva O. V. Methods of linguistic representation of non-verbal components of communication in the text: an experimental study: abstract of the dissert. ... of cand. of Philology. M., 2012. 23 p. (In Russ.)
15. Syuy M. The role of non-verbal communication in A. P. Chekhov's story "Chameleon" // Litera. 2023. No. 1. P. 11–18. (In Russ.)
16. Izard K. E. Human emotions. M., 1980. 439 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Ю. А. Кошеварова, кандидат филологических наук;
О. А. Безземельная, без ученой степени.

Information about the authors:

Yu. A. Koshevarova, Candidate of Philology;
O. A. Bezzemel'naya, no academic degree.

Статья поступила в редакцию 08.04.2024; одобрена после рецензирования 16.04.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 08.04.2024; approved after reviewing 16.04.2024; accepted for publication 21.06.2024.

**ИЗБИРАТЕЛЬНОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ,
ФОРМИРУЮЩИХ СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ “FORENSIC EXPERTISE”
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Валентина Николаевна Шашкова

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия,
valentina.shash@mail.ru

Аннотация. В статье теоретически обоснована и продемонстрирована возможность экспликации состава семантического поля «Forensic Expertise» с опорой на функционально-ролевой подход. В рамках семантического поля выделены кластеры, именуемые типы экспертиз, объекты исследования, инструменты, используемые при проведении криминалистической экспертизы, действия, производимые в ходе криминалистической экспертизы и ее результаты.

Основной постулат исследования заключался в том, что избирательность языковых средств обусловлена такими факторами, как сфера общения, кортеж коммуникативного взаимодействия с учетом социальных и коммуникативных ролей участников, коммуникативная макроцель, стратегия и конкретные задачи, а также параметры функционального стиля, оформляющего жанр.

В ходе исследования выявлены следующие тенденции оформления номинативных единиц, входящих в семантическое поле «Forensic Expertise»: использование лексико-семантических вариантов, реализующих синонимические отношения при номинации типов экспертиз; функционирование такого механизма номинации, как уточнение сигнификативного значения лексической единицы и расширение ее до комплексной номинативной единицы; активное употребление лексем пропозитивной семантики; использование аббревиатур, сложносокращенных слов; усложнение синтаксических моделей фраз за счет однородных членов и причастий.

Ключевые слова: семантическое поле, референтная область, лексико-семантическая группа, функционально-ролевой принцип, семантический падеж, существительные пропозитивной семантики.

Для цитирования: Шашкова В. Н. Избирательность языковых средств, формирующих семантическое поле “forensic expertise” в английском языке // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 2 (104). С. 144–151.

Original article

**THE SELECTIVITY OF LANGUAGE MEANS FORMING THE SEMANTIC
FIELD “FORENSIC EXPERTISE” IN THE ENGLISH LANGUAGE**

Valentina N. Shashkova

Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov,
Orel, Russia, valentina.shash@mail.ru

Abstract. The article theoretically substantiates and demonstrates the possibility of explicating the composition of the semantic field “Forensic Expertise” based on the functional-role approach. It identifies the clusters naming the types of expertise, the objects of expertise, the tools used in conducting forensic examinations, the actions performed as part of a forensic expertise and its results within the semantic field.

The main postulate of the research was that the selectivity of language means is determined by such factors as the sphere of communication, the participants of communicative interaction in their social and communicative roles, the communicative macro-goal, strategy and specific tasks as well as the parameters of the functional style which formalizes the genre.

© Шашкова В. Н., 2024

The research revealed the following trends in the formation of nominative units included in the semantic field “Forensic Expertise”: the use of lexical semantic variants which actualize synonymous relations in the nomination of the types of expertise; the functioning of such a mechanism of nomination as specification of the significant meaning of a lexical unit and its expansion to a complex nominative unit; active use of lexemes of propositional semantics; use of abbreviations and compound words; complication of syntactic models of phrases due to homogeneous members and participles.

Keywords: semantic field, reference zone, lexical and semantic group, functional and role principle, semantic case, nouns of propositive semantics.

For citation: Shashkova V. N. The selectivity of language means forming the semantic field “forensic expertise” in the English language // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (104). P. 144–151. (In Russ.)

Введение

В контексте современной дискурсивной парадигмы исследования одним из основных теоретических постулатов лингвистических исследований выступает идея об обусловленности выбора языковых средств для осуществления коммуникации в определенной сфере общения такими экстралингвистическими факторами, как сфера общественной коммуникации, прагматическая цель взаимодействия, коммуникативная макроцель и коммуникативные тактики, формирующие стратегию реализации прагматической задачи. Кроме того, к экстралингвистическим факторам, предопределяющим избирательность языковых средств при производстве высказывания, относятся коммуникативные субъекты в совокупности своих социальных и коммуникативных ролей, а также уровень формальности взаимодействия. К внутриязыковым факторам, регламентирующим основные формы воплощения разных типов значений в строе предложения и текста, относятся парадигматические связи лексем в рамках семантического поля, а также их сочетаемостные характеристики, предопределенные заложенными в языковой системе валентностными связями лексемы [1, с. 57]. Мы исходим из постулата о том, что языковые средства, формирующие в своей совокупности функциональный стиль речи, оформляющий тексты определенной функционально-семантической специфики, а также композиционная структура, обусловленная жанровой принадлежностью текста, выступают в качестве критериев для выбора способов выражения предпочтительных для сферы общения типов содержания.

В связи с тем, что обусловленность выбора языковых средств перечисленными экстралингвистическими и собственно лингвистическими факторами была рассмотрена и доказана на материале разных типов дискурса, в этой статье мы обратились к выявлению тех конкретных языковых аспектов, которые можно рассматривать в качестве маркеров номинативных средств, относящихся к исследуемой референтной области.

«Важнейшая роль в когнитивно-дискурсивной парадигме отводится дискурсу и дискурсивной деятельности» [2, с. 46]. По этой причине мы учитываем перечисленные факторы как индикаторы дискурса и выявляем повторяющиеся особенности языкового употребления сквозь призму характеристик текстовой деятельности в юридической сфере общения, которые ограничены референтной областью описания криминалистической экспертизы. Мы также разделяем позицию о том, что «представления о мире формируются в ходе познавательной деятельности человека, и часть из них фиксируется языковыми структурами, а также дискурсивными стилями» [3, с. 160]. В связи с этим мы исходим из того, что деятельность эксперта-криминалиста отражается в языке (в нашем случае исследование проводилось на материале английского языка) номинативными средствами, специфика которых является результатом лексикализации и грамматикализации элементов дискурсивного стиля.

Методы

Сам подход к изучению номинативных средств языка сквозь призму семантического поля, понимаемого как совокупность

языковых средств и их значений, используемых для описания некоторой референтной области, не содержит в себе ничего революционного. Проблема системного описания семантического поля допускала различные варианты решения, начиная с фундаментальной работы С. Г. Шура [4, с. 7–19] вплоть до модели ассоциативно-вербальной сети Ю. Н. Караулова, объединяющей грамматику и лексику [5, с. 57], функционально-когнитивной интерпретации концептов, формирующих семантическое поле [6, с. 5–9; 7, с. 228]. При этом подходы к «категоризации действительности» [8, с. 96], основания для выделения лексических кластеров внутри семантического поля могут различаться в исследовательских концепциях. Ввиду этого общий принцип комплементарности подходов к описанию языковых явлений допускает акцентную подачу явлений в контексте определенного подхода. Мы ориентируемся на «функционально-ролевой принцип» [9, с. 193–194] при распределении номинативных средств по лексико-семантическим группам внутри семантического поля. Этот подход основан на идее о том, что описание любой коммуникативной ситуации допускает представление через экспликацию семантических ролей участников этой ситуации. Семантические роли могут пониматься в контексте референциально-ролевой грамматики Р. ван Валина и У. Фолли [10, с. 376–410], или падежной грамматики Ч. Филлмора [11, с. 496–530], или фреймовой семантики В. З. Демьянкова [12, с. 189–191]. Ключевой идеей используемого принципа является возможность дифференцированного представления номинативных средств семантического поля с опорой на роли, которые номинативные единицы выполняют в структуре пропозиции, изоморфной структуре релевантной ситуации в рамках конкретной референтной области.

Результаты

Для нашего исследования референтной областью, для описания которой будут выделяться и изучаться кластеры номинативных средств, является судебная экспертиза. Материалом для исследования послужили те-

матически релевантные статьи интернет-ресурса «Википедия».

Мы исходим из того, что функциональной основой криминалистической экспертизы является идентификация. «Криминалистическая идентификация выступает одним из основных инструментов определения истины в уголовном судопроизводстве, который позволяет установить связь субъекта или предмета по оставленным ими следам и иным материальным отображениям, путем сравнения, с целью выявления как сходства, так и различия» [13, с. 193].

Первичный подход к категоризации концептов, относящихся к исследуемой референтной области, заключается в выделении типов экспертиз. Уже на этом этапе становится очевидной необходимость учета внутриязыковых парадигматических связей лексических единиц, точнее – тех лексико-семантических вариантов, в которых они употреблены.

Ядерный элемент комплексных номинативных единиц, именующих типы экспертиз, допускает синонимическую вариативность: *DNA forensics* – ДНК-экспертиза, *handwriting expertise* – почерковедческая экспертиза, *bite mark analysis* – анализ следов укусов, *forensic toxicology test* – судебно-токсикологическая экспертиза. Именно определения к ядерному элементу обуславливают конкретный лексико-семантический вариант, в котором он актуализируется в составе комплексной номинативной единицы. Так, в широком значении, без учета уточняющего определения, слово *forensics*, являющееся результатом такого словообразовательного механизма, как стяжение на материале прилагательного *forensic* и существительного *expertise*, является гиперонимом по отношению к гипонимам *analysis*, *test*. Однако учет вербального контекста и анализ сочетаемостных вариантов рассматриваемых лексем в разных источниках позволяет сделать вывод об их взаимозаменяемости, что является свидетельством того, что в наименованиях типов судебных экспертиз ядерные элементы актуализируются как синонимы в узком значении конкретного научного метода, используемо-

го для раскрытия преступления. Определения в этом случае семантически уточняют тип объекта исследования в ходе проведения экспертизы: *DNA*, *handwriting*, *bite marks*. По аналогичной модели построены такие терминосочетания, как *fibre analysis* – анализ волокон, *firearms and ammunition analysis* – анализ огнестрельного оружия и боеприпасов, *ear print comparison* – сравнение отпечатков ушей.

В этой же лексико-семантической группе можно выделить отдельный кластер номинативных средств, определяющих область использования криминалистической экспертизы: *murder forensics* – судебная экспертиза, проводимая в делах об убийствах, *forensic toxicology test* – судебно-токсикологическая экспертиза, *forensic anthropology* – судебная антропология.

Таким образом, имена типов экспертиз по семантическому признаку допускают выделение двух подгрупп: по типу объекта и по области, в которой проводится экспертиза.

Вторая лексико-семантическая группа в рамках семантического поля «Forensic Expertise» включает имена объектов исследования. В первую очередь, выделяем четыре мини-группы: *physical evidence* – физические доказательства, *documentary evidence* – документальные доказательства, *testimonial evidence* – свидетельские показания, *demonstrative evidence* – демонстрационные доказательства. Последняя группа доказательств включает в себя предметы, не относящиеся непосредственно к месту преступления, но способные проиллюстрировать какую-либо версию. Примером может служить анатомическая модель, используемая для того, чтобы показать, как и куда была нанесена травма. Общей чертой наименований указанных мини-групп является использованный механизм номинации, а именно: уточнение сигнификативного значения лексической единицы посредством включения дополнительной лексемы в состав комплексной номинативной единицы. Общей является и модель распространения лексической единицы до уровня комплексного номинативного средства: Adj + N. Во

всех случаях уточняющее определение к ядерной лексеме *evidence* выражено прилагательным: *physical*, *documentary*, *testimonial*, *demonstrative*.

Мини-группа, называющая физические доказательства, является самой многочисленной и включает: 1) отдельные лексемы, например, *fingerprints* – отпечатки пальцев, *footprints* – следы ног, *toolmarks* – вмятины, следы от инструментов; 2) аббревиатуры, например, *DNA* – ДНК, *X-rays* – рентгеновские снимки; 3) комплексные номинативные единицы, такие как *blood samples* – следы крови, *fibre debris* – остатки волокон, *bodily fluids* – телесные жидкости, *skin cells* – клетки кожи, *chemical residue* – остатки химических веществ, *controlled substances* – контролируемые вещества.

Мини-группа документальных доказательств репрезентирована такими лексемами, как *contracts* – договоры, *wills* – завещания, *leases* – договоры на аренду, *medical records* – медицинские записи, *computer printouts* – компьютерные распечатки.

Мини-группа, объединяющая номинативные единицы со значением свидетельских показаний, может быть проиллюстрирована такими синонимичными терминологическими сочетаниями, как *eyewitness accounts*, *the witnesses' testimony*.

Мини-группа, включающая номинативные единицы, называющие виды демонстрационных доказательств, сформирована такими единицами, как *maps* – карты, *crime scene diagrams* – схемы места преступления, *blood spatter analysis* – анализ брызг крови, *graphs and charts* – графики и диаграммы.

Анализ номинативных средств, формирующих кластеры в лексико-семантической группе «Objects of Examination», позволяет заключить, что общая синтаксическая схема Attr + N, по которой построены комплексные номинативы, допускает вариативность в способах выражения определения: от прилагательных (*bodily fluids*) и причастий (*controlled substances*) до существительных (*skin cells*, *eyewitness accounts*) и целых именных комплексов (*blood spatter analysis*, *crime scene diagrams*).

Следующая лексико-семантическая группа «The Tools of Forensic Analysis» включает в себя следующие лексемы и номинативные единицы: *chromatographs* – хроматографы, *spectrometers* – спектрометры, *cyanoacrylate fuming chambers* – цианоакрилатные камеры для окуривания, *alternative light photography* – альтернативная световая фотография, *facial reconstruction* – реконструкция лица, *immunochromatography* – иммунохроматография, *Integrated Automatic Fingerprint Identification System (IAFIS)* – интегрированная автоматическая система идентификации по отпечаткам пальцев. Помимо сложносоставных лексем (*chromatographs*, *immunochromatography*), допускающих суффиксацию как способ словообразования, многокомпонентных слоев усложнения структуры именной фразы (*Integrated Automatic Fingerprint Identification System*), специфика этой группы затрагивает семантику анализируемых единиц: хроматографы и спектрометры – это приборы; интегрированная автоматическая система идентификации по отпечаткам пальцев – это система регистрации и сохранения результатов дактилоскопии, а иммунохроматография – это метод анализа. В наименованиях приборов работает прямая номинация, в то время как в номинативных средствах, именующих методы, актуализирован метонимический перенос.

Самая многочисленная и неоднородная лексико-семантическая группа в семантическом поле «Forensic Expertise» – это кластер, именующий действия и процессы, сопровождающие проведение криминалистической экспертизы. Здесь можно выделить три лексико-семантические группы: одна будет представлена глаголами и глагольными фразами, вторая – «существительными пропозитивной семантики» [14, с. 334] и фразами с ними, третья – герундиями и герундиальными фразами.

Глагольные фразы построены по базовой модели V + O, притом дополнение может модифицироваться определениями: *to trace recent soil disturbances* – выявить недавние вскрытия почвы. В этой комплексной номи-

нативной единице модификация значения дополнения *disturbances* осуществляется посредством введения в структуру сочетания двух определений: прилагательного с временным значением (*recent*) и существительного со значением объекта (*soil*).

Еще одним способом усложнения структуры номинативной единицы является введение однородных членов. Например: *to determine the source and the velocity of the stains* – определить источник и скорость распространения пятен (крови), *to exploit physical or behavioural features* – использовать физические или поведенческие особенности. В первом примере два однородных дополнения (*the source and the velocity*) связаны соединительной сочинительной связью. Во втором примере два определения к дополнению *features (physical and behavioural)* связаны разделительной связью.

Еще одна возможная синтаксическая модель в основе терминологических сочетаний с глаголом в качестве ядра предполагает использование предложных подчиненных элементов: *to link a suspect to a crime scene* – установить связь между подозреваемым и местом преступления, *to establish a relation between a knife and a stab wound* – установить связь между ножом и ножевым ранением, *to lift fibres with adhesive tape* – собрать волокна с помощью клейкой ленты. Общая схема терминологических сочетаний этого типа может быть представлена следующим образом: V + N (O / Sb) + pr + N (O / Instr). Вариативность семантических падежей, отображенная в скобках, обусловлена семантикой: *a suspect* – субъект, *a relation* – объект, *with an adhesive tape* – инструменталист [11, с. 405].

Глагольные фразы, именующие действия, осуществляемые в процессе криминалистической экспертизы, часто бывают осложнены причастием II: *to compare fingerprint marks with reference fingerprints stored in a database or obtained from a suspect* – сравнить следы пальцев с эталонными отпечатками пальцев, хранящимися в базе данных или полученными от подозреваемого, *to compare striation marks on the questioned*

bullet or cartridge with those left on a number of reference bullets or cartridges fired with that firearm – сравнить следы полос на исследуемой пуле или гильзе со следами, оставленными на ряде стандартных пуль или гильз, выпущенных из данного огнестрельного оружия. С точки зрения «пропозиционального содержания» [15, с. 218] выделенные причастия предполагают атомарные пропозиции, которые могут быть эксплицированы: P1 [fingerprints are stored in a database] or P2 [fingerprints are obtained from a suspect]. В этом случае для выявления атомарных пропозиций необходимо восстановление глубинной структуры пропозиции и экспликация актантов с опорой на ситуацию, референциально соотносенную с комплексной номинативной единицей.

Еще один способ усложнения структуры номинативной единицы за счет включения в ее состав подчиненного придаточного предложения проиллюстрирован следующим примером: *to establish if a questioned piece of handwriting originates from the same hand as a reference text of known origin* – установить, принадлежит ли исследуемый фрагмент почерка той же руке, что и эталонный текст известного происхождения. Изъянительное придаточное, вводимое союзом *if*, является вариантом синтаксического воплощения семантического падежа «объект».

Таким образом, в этой группе номинативных единиц мы отмечаем тенденцию усложнения синтаксической структуры терминологического сочетания за счет неличных форм глагола, в частности, причастия II, а также подчиненного придаточного, которое выражает обязательные валентностные связи ядерной лексемы.

Именные группы наименований действий, предпринимаемых при проведении криминалистической экспертизы, построены по типовой модели: N prop + of + N при возможной уточняющей модификации зависимого существительного посредством определения: *the reconstruction of a shooting incident* – реконструкция инцидента со стрельбой, *the reconstruction of bullet trajectories* – реконструкция траекторий по-

лета пули. В обоих случаях ядерный компонент выражен именем пропозитивной семантики: *the reconstruction*. В первом примере определением к зависимому существительному выступает герундий *shooting*, во втором – существительное *bullet*.

Отдельного комментария заслуживает синтаксическая модель, сочленяющая в своем составе именную и глагольную фразы. Например: *the use of ageing software to 'update' portraits of missing persons* – использование программного обеспечения для старения в целях обновления портретов лиц, пропавших без вести. Фактически модель можно разделить на две номинативные группы: *the use of ageing software* и *to 'update' portraits of missing persons*, но в данном случае подчеркивается важность целевого назначения используемого инструмента, поэтому можно говорить о наращивании элементов комплексного номинатива и формировании синтагматической цепочки.

Последняя подгруппа, выражающая действия при проведении криминалистической экспертизы, представлена сочетаниями с герундием в качестве ядерного элемента: *examining the working of hardware or software* – изучение работы оборудования или программного обеспечения, *making password-protected digital data accessible* – обеспечение доступа к защищенным паролем цифровым данным. Оба выбранных примера интересны многослойным последовательным усложнением структуры герундиальной фразы. Так, в первом примере актуализировано существительное пропозитивной семантики *the working*, а также на втором уровне синтаксического подчинения актуализируются однородные определения (*of hardware or of software*), выраженные предложными существительными и соединенные разделительной связью при помощи союза *or*. Во втором примере герундию синтаксически подчиняется предикативный оборот без неличной формы глагола: *data accessible*, первая часть которого осложнена двумя неоднородными определениями: *password-protected* и *digital*.

Еще одной семантической подгруппой среди глагольных групп является кластер,

называющий не собственно действия, а результаты работы криминалистов. На регулярной основе ядерным компонентом этой группы выступает глагол *to yield: to yield a DNA profile* – получить профиль ДНК, *to yield information about the way in which the injury was incurred* – получить информацию о том, как была получена травма. Во втором примере констатируем придаточное предложение в составе глагольной группы, эксплицирующее атомарную пропозицию.

Заключение

Как показывает проведенный анализ комплексных номинативных единиц, относящихся к семантическому полю «Forensic Expertise», функционально-ролевой принцип обеспечивает теоретическую основу для экспликации состава семантического поля. Этот подход позволяет представить единицы не

списочно и не концентрически, от центра к периферии по степени выраженности семантического признака, а в зависимости от функциональных ролей, закрепленных за определенными компонентами пропозиции, которая понимается как семантический аналог ситуации в рамках референтной области. При таком подходе лексемы и номинативные единицы, используемые для описания отдельных аспектов референтной области, каталогизируются, обеспечивая речевую деятельность коммуникантов в сфере профессионального взаимодействия. Выявленные тенденции формирования комплексных номинативных единиц за счет усложнения структуры терминологических сочетаний могут быть использованы в ходе языковой подготовки курсантов и обучения их профессионально ориентированному высказыванию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шашкова В. Н. Коммуникативно-целевая специфика и особенности модального плана текстов учебно-дидактического характера: дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2006. 224 с.
2. Логунова Е. А., Федотова Е. А. Когнитивно-дискурсивная парадигма знания в лингвистике и ее основные положения // Актуальные вопросы лингвистики, педагогики и методики преподавания иностранных языков: сборник научных трудов. Калининград: Калининградский государственный технический университет, 2018. С. 45–49.
3. Дубровская О. Г. Когнитивно-дискурсивное направление когнитивной лингвистики как парадигма знания для интерпретации текста // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2011. С. 155–161.
4. Щур С. Г. Теории поля в лингвистике: учебное пособие. М.: Наука, 1974. 254 с.
5. Караулов Ю. Н. Структура лексико-семантического поля // Филологические науки. 1972. № 1. С. 57.
6. Стернин И. А. Методы исследования семантики слова. Ярославль: Истоки, 2013. 34 с.
7. Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.
8. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
9. Шашкова В. Н. Анализ средств и механизмов номинации, используемых при описании референтной области «Деятельность сотрудника ОВД» (на материале русского и английского языков) // Проблемы лингвистики, методики обучения иностранным языкам и литературоведения в свете межкультурной коммуникации: сборник материалов III Международной научно-практической конференции. Орел: ФГБОУ ВО «ОГУ имени И. С. Тургенева», 2018. С. 193–194.
10. Ван Валин Р., Фоли У. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М.: Прогресс, 1982. С. 376–410.
11. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М.: Прогресс, 1988. С. 52–93.
12. Демьянков В. З. Фреймовая семантика // Краткий словарь когнитивных терминов. Под общей редакцией Е. С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 189–191.

13. Сретенцев Д. Н., Титова К. А. Современные возможности криминалистической идентификации в расследовании преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2022. № 4 (93). С. 192–197.
14. Падучева Е. В. Предикативные имена в лексикографическом аспекте // Статьи разных лет. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 317–337.
15. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

REFERENCES

1. Shashkova V. N. Communicative and intentional specifics and features of the modal plan of educational and didactic texts: dis. ... cand. of philology. Orel, OSU named after I. S. Turgenev, 2006. 224 p. (In Russ.)
2. Logunova E. A., Fedotova E. A. Cognitive-discourse paradigm of knowledge in linguistics and its main provisions // Current issues in linguistics, pedagogy and methods of teaching foreign languages: a collection of scientific papers. Kaliningrad: Kaliningrad State Technical University, 2018. P. 45–49. (In Russ.)
3. Dubrovskaya O. G. Cognitive-discourse direction of cognitive linguistics as a knowledge paradigm for text interpretation // Bulletin of Leningrad State University named after A. S. Pushkin. 2011. P. 155–161. (In Russ.)
4. Shchur S. G. Field theories in linguistics: textbook. M.: Nauka, 1974. 254 p. (In Russ.)
5. Karaulov Yu. N. Structure of the lexical-semantic field // Philological sciences. 1972. No. 1. P. 57. (In Russ.)
6. Sternin I. A. Methods for studying the semantics of words. Yaroslavl: Istoki, 2013. 34 p. (In Russ.)
7. Ufimtseva N. V. Language consciousness: dynamics and variability. M.: Institute of Linguistics RAS, 2011. 252 p. (In Russ.)
8. Kubryakova E. S. Language and knowledge: On the way to acquiring knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world. M.: Languages of Slavic culture, 2004. 560 p. (In Russ.)
9. Shashkova V. N. Analysis of the means and mechanisms of nomination used in describing the reference area “Activities of a police officer” (based on the Russian and English languages) // Problems of linguistics, methods of teaching foreign languages and literary criticism in the light of intercultural communication: collection of materials of the III International Scientific and Practical Conference. Orel: OSU named after I. S. Turgenev, 2018. P. 193–194. (In Russ.)
10. Van Valin R., Foley U. Referential-role grammar // New in foreign linguistics. Vol. XI. M.: Progress, 1982. P. 376–410. (In Russ.)
11. Fillmore Ch. Frames and semantics of understanding // New in foreign linguistics. Vol. XXIII. M.: Progress, 1988. P. 52–93. (In Russ.)
12. Demyankov V. Z. Frame semantics // Brief dictionary of cognitive terms / ed. by E. S. Kubryakova. M.: Philological Faculty of MSU named after M. V. Lomonosov, 1996. P. 189–191. (In Russ.)
13. Sretentsev D. N., Titova K. A. Modern possibilities of forensic identification in the investigation of crimes // Scientific Bulletin of Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2022. No. 4 (93). P. 192–197. (In Russ.)
14. Paducheva E. V. Predicative names in the lexicographical aspect // Articles of different years. M.: Languages of Slavic Cultures, 2009. P. 317–337. (In Russ.)
15. Kobozeva I. M. Linguistic semantics. M.: Editorial URSS, 2000. 352 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

В. Н. Шашкова, кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors:

V. N. Shashkova, Candidate of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.02.2024; одобрена после рецензирования 10.04.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 11.02.2024; approved after reviewing 10.04.2024; accepted for publication 21.06.2024.

Научная статья
УДК 376.159

**ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФСИН РОССИИ
К НЕСЕНИЮ СЛУЖБЫ В СУТОЧНЫХ НАРЯДАХ**

Станислав Владимирович Алексеев¹, Николай Гургенович Соболев²

¹ Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия

² Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

¹ sobolev-nikolay@mail.ru, ² s.alekseev86@mail.ru

Аннотация. Актуальность заявленной темы заключается в необходимости осознания курсантами образовательных организаций ФСИН России значимости выполнения служебных обязанностей во время несения службы в суточных дежурствах. В рассматриваемой статье представлен анализ истории возникновения и развития служебной деятельности в виде суточных нарядов со времен создания регулярной армии в России до настоящего времени. Подготовка курсантов к условиям службы в практических органах уголовно-исполнительной системы включает в себя выполнение служебных задач – несение службы в суточных нарядах. Проведен критический анализ особенностей подготовки курсантов при организации службы суточного дежурства. Заступление на дежурство в составе суточного наряда ориентирует курсантов на поиск возможности распределять свои ресурсы и адаптационные возможности с целью добросовестного исполнения обязанностей и правильной организации собственной деятельности. Также описан анализ результатов эмпирического исследования особенностей представлений курсантов относительно субъективных проблем и внутренних ресурсов, необходимых при подготовке к службе в составе суточного наряда. Статья подготовлена с использованием общепризнанных научных методов: анализа психолого-педагогических источников, логического обобщения, полуструктурированного интервью.

Ключевые слова: служба, суточное дежурство, подготовка, дисциплина, обеспечение безопасности, Вооруженные Силы Российской Федерации, Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации.

Для цитирования: Алексеев С. В., Соболев Н. Г. Особенности подготовки курсантов образовательных организаций ФСИН России к несению службы в суточных нарядах // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 2 (104). С. 152–159.

Original article

**FEATURES OF TRAINING CADETS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS
OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA TO SERVE
IN DAILY DUTY DETAILS**

Stanislav V. Alekseev¹, Nikolai G. Sobolev²

¹ Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service
of Russia, Vologda, Russia,

² Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

¹ sobolev-nikolay@mail.ru, ² s.alekseev86@mail.ru,

Abstract. The relevance of the stated topic lies in the need for cadets of educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia to understand the importance of performing official duties while serv-

© Алексеев С. В., Соболев Н. Г., 2024

ing on daily duty. The article under consideration presents an analysis of the history of the emergence and development of service activities in the form of daily assignments from the time of the creation of the regular army in Russia to the present. Preparing cadets for the conditions of service in practical bodies of the penal system includes the performance of official tasks - serving in daily work. A critical analysis of the features of training cadets during the organization of daily duty service was carried out. Going on duty as part of a daily assignment orients cadets to find an opportunity to distribute their resources and adaptive capabilities in order to conscientiously perform their duties and properly organize their own activities. The analysis of the results of an empirical study of the characteristics of cadets' ideas regarding subjective problems and internal resources necessary when preparing for service as part of a daily squad is presented. The article was prepared using generally accepted scientific methods: analysis of psychological and pedagogical sources, logical generalization, semi-structured interview.

Keywords: service, daily duty, training, discipline, security, Armed Forces of the Russian Federation, Federal Penitentiary Service of the Russian Federation.

For citation: Alekseev S. V., Sobolev N. G. Features of training cadets of educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia to serve in daily duty details // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (104). P. 152–159. (In Russ.)

Введение

В соответствии с Федеральным законом от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих наказание в виде лишения свободы»» на сотрудника (курсанта) возложена обязанность обеспечивать безопасность Российской Федерации. Лица, поступившие в ведомственный институт и продолжающие службу во ФСИН России, имеют отсрочку от службы в Вооруженных Силах Российской Федерации. Небольшая часть курсантов до поступления в вузы ФСИН России служили в Вооруженных Силах Российской Федерации, на основе этого они уже имеют понимание основ службы, определенные навыки и первоначальные знания.

Большинство лиц, не проходящих службу в Вооруженных Силах Российской Федерации и поступающих в вузы ФСИН России, обладают абстрактным пониманием в значимости требований, предъявляемым к ним за все время обучения [1]. Служба в уголовно-исполнительной системе ФСИН России, как правило, связана с ограничениями и предъявляемыми требованиями дисциплины к сотрудникам при исполнении ими своих служебных обязанностей, в том числе при несении службы в суточных дежурствах.

Развитие и становление Вооруженных Сил Российской Федерации неразрывно связано с историей Российского государства. Первые воинские формирования с признаками регулярной армии появились в России в середине XVI века, а основы регулярной русской армии были заложены при Петре I в период с 1701 по 1711 год. Предыстория возникновения организации военной службы в форме суточного дежурства берет свое начало из регулярной армии Петра I. В современных Вооруженных Силах Российской Федерации наряды подразделяются на суточный наряд, рабочее дежурство, гарнизонный наряд, боевое дежурство, объектовый караул¹.

Служба в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации считается специфичным видом деятельности для большинства российских граждан. К сотруднику ФСИН России предъявляются особые требования: наличие личных качеств и технического мастерства, способствующих успешному выполнению служебных задач и осуществлению практической деятельно-

¹ Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 1495. Ст. 25 (ред. от 31.07.2022).

сти: гуманность, справедливость, беспристрастность по отношению к сотрудникам и подозреваемым, обвиняемым и осужденным, честность, искренность, ответственность и т. д. [2].

В качестве примера образовательного учреждения, где успешно реализуется организация службы суточного дежурства, мы опираемся на опыт Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний ФСИН России (далее – ВИПЭ ФСИН России) [3]. Специфичность ведомственного учреждения в императивном порядке требует от курсанта развития и совершенствования знаний, умений и навыков в физической, учебной и служебной деятельности [4]. Каждый курсант обязан следовать установленным правилам, неукоснительно выполнять требования нормативных правовых актов, регламентирующих прохождение службы, за время обучения осваивать программу высшего образования, настойчиво и глубоко овладевать необходимыми знаниями и практическими навыками, активно участвовать в культурно-массовой и спортивной работе.

Несение службы курсантами образовательных организаций ФСИН России в суточных дежурствах следует считать основой для подготовки будущих сотрудников ФСИН России. Сотрудник ФСИН России должен обладать навыками анализа, систематизации, обобщения и критического осмысления информации; креативно мыслить и творчески решать профессиональные задачи; определять свои возможности, самосовершенствоваться и уметь адаптироваться к меняющимся условиям служебной деятельности¹. Все перечисленные важные навыки и умения курсанты приобретают во время решения первоочередных задач, которые отражены в их должностных инструкциях.

Основными задачами, которые стоят перед курсантами ведомственного вуза во

время несения службы в суточном дежурстве, являются: обеспечение безопасности самих курсантов, сотрудников и работников института, сохранность материальной базы института, поддержание порядка на закрепленной территории [5]. Для курсанта суточный наряд является законным и обязательным элементом выполнения служебных обязанностей. Несение службы в суточных дежурствах и соблюдение должностных инструкций настоящей дежурной сменой регулируется ведомственными нормативными правовыми актами, кодексами и Федеральными законами Российской Федерации.

Вместе с курсантами в наряды заступают сотрудники среднего и старшего начальствующего состава. Данный состав суточного наряда в ведомственном институте закрепляется приказом начальника института, а незаступление в суточное дежурство по неуважительной причине является серьезным проступком, подразумевающим дисциплинарное нарушение. Уважительной причиной незаступления в наряд является нарушение физиологических функций систем организма или заболевание, подтвержденное медицинским работником.

Перед заступлением в суточное дежурство курсант проходит индивидуальную подготовку, на которую отводится не менее трех часов. Для более эффективного несения службы курсант перед нарядом должен освободиться от любых работ и изучать должным образом обязанности, которыми он руководствуется в течение всего суточного дежурства. Далее проходит получение инструктажа в расположении учебно-строительного подразделения. Данная часть является важным мероприятием проверки знания обязанностей и должностных инструкций заступающего на смену. Здесь курсант опрашивается ответственным от руководства

¹ О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»: федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

курса сотрудником на предмет их знания и понимания.

В основной состав суточного наряда ВИПЭ ФСИН России входят следующие лица: старший оперативный дежурный по институту (сотрудник института), первый помощник дежурного по институту (сотрудник института), второй помощник дежурного по институту, контролер контрольно-пропускного пункта института, контролер контрольно-пропускного пункта транспортов и груза, дежурный по административному зданию, дежурный по общежитию, помощник дежурного по общежитию, дежурный по курсу, дневальные по административному зданию института, дневальные по курсу, начальник караула и патруль по охране внутреннего периметра института.

Наряд, исполняющий свои функциональные обязанности в дежурной части вуза ФСИН России, осуществляет видеонаблюдение за территорией института, ведет прием и передачу необходимой и экстренной информации, служебную документацию, организует контроль за несением службы всеми видами нарядов. Наряд по контрольно-пропускному пункту, в том числе по досмотру транспорта и грузов, обеспечивает пропускной режим в институте и имеет аналогию с пропускным режимом в воинских частях Вооруженных Сил Российской Федерации, а в исправительных учреждениях ФСИН России – с деятельностью отдела охраны исправительных учреждений. Патруль по охране внутреннего периметра образовательной организации ФСИН России перемещается по установленному маршруту, ведет наблюдение прилегающей к маршруту местности, пресекает попытки проникновения на охраняемую территорию. В Вооруженных Силах Российской Федерации также формируются военные патрули со схожими функциями и специальными задачами.

В образовательной организации ФСИН России так же, как и в Вооруженных Силах Российской Федерации, сформировано дежурное подразделение из числа курсантов и сотрудников, которое выполняет обязанности по отражению нападения либо при угрозе нападения на объекты. В Вооруженных Силах Российской Федерации функционируют штатные и нештатные пожарные команды, из числа которых назначается пожарный наряд, имеющий, помимо первичных средств пожаротушения, пожарные машины и мотопомпы¹. В ведомственном вузе ФСИН России из числа курсантов также создано пожарное подразделение, функциональные обязанности которого сведены к оперативному прибытию к очагу возгорания, тушению и локализации до прибытия наряда специализированной пожарно-спасательной части МЧС России.

После выпуска из института молодые сотрудники продолжают службу в подразделениях ФСИН России, где полученные ими знания, умения и навыки по организации и несению службы в суточном дежурстве станут основой для несения службы в составе дежурных смен органов и учреждений ФСИН России [6].

Описательная характеристика особенностей несения службы курсантами ведомственного вуза ФСИН России в суточных дежурствах заключается в выделении основ организации служебной деятельности, теоретической осведомленности в изучаемом вопросе, определении нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность, а также организацию службы суточного дежурства как элемента подготовки молодых специалистов к исполнению должностных обязанностей в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации [7].

Опыт организации служебной деятельности в ВИПЭ ФСИН России показывает, что допускаемые нарушения курсантов в су-

¹ Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 1495. Ст. 314 (ред. от 31.07.2022).

точных дежурствах происходят по причине отсутствия минимальных представлений об основных моментах организации службы в целом [8]. Пренебрежительное отношение к исполнению должностных обязанностей, снижение бдительности, отсутствие умения мобилизовать собственные физические ресурсы являются причиной возникновения необратимых последствий и серьезных нарушений при выполнении ими служебных обязанностей.

Теоретическое осведомление курсантов образовательных организаций ФСИН России в области понимания основ несения службы в суточных дежурствах имеет большое значение в подготовке высококвалифицированных специалистов для уголовно-исполнительной системы. Оно должно опираться на безусловное выполнение нормативных предписаний и требований ФСИН России и проводиться системно и комплексно [9].

Эмпирическое исследование представлений курсантов образовательных организаций, подведомственных ФСИН России, об особенностях подготовки к условиям службы в составе суточного наряда проводилось на базе Вологодского института права и экономики ФСИН России в период с 11 октября по 16 ноября 2023 г. Для проведения намеченного исследования была сформирована группа, в которую были включены курсанты первого курса юридического факультета ВИПЭ ФСИН России (25 человек).

Методы

Применяя методы логического обобщения и полуструктурированного интервью, мы ставили целью изучить представления курсантов образовательных организаций, подведомственных ФСИН России, об особенностях подготовки к условиям службы в составе суточного наряда.

Результаты

Итак, на вопрос «С какими проблемами, прежде всего, сталкивается курсант при несении службы в составе суточного наряда?» были получены следующие ответы:

1. Неумение установить психологический контакт с другими сотрудниками (опе-

ративный дежурный, старший офицер из состава суточного наряда и т. п.) (82 %).

2. Отсутствие теоретических знаний в области организации службы суточного наряда (75 %).

3. Отсутствие жизненного опыта в решении личных, служебных и бытовых вопросов (67 %).

4. Равнодушие к проблемам курсанта со стороны коллег по службе и руководства образовательного учреждения (65 %).

Как видно из приведенных выше данных, на первом месте (82 % от числа всех ответов) отмечается проблема установления психологического контакта курсантами с другими сотрудниками. На наш взгляд, полученные данные свидетельствуют о том, что курсанты нуждаются в целенаправленной психолого-педагогической подготовке к несению службы в составе суточного наряда в виду испытываемого психологического напряжения, влияния стресс-факторов служебной деятельности, ощущения тревоги и т. п. [10]. Это согласуется с мнением Г. В. Протасовой о том, что курсанты испытывают нехватку практических знаний и умений к условиям службы в уголовно-исполнительной системе [11].

На вопрос «Какие профессиональные и личностные качества обеспечивают готовность курсанта к несению службы в составе суточного наряда?» были получены следующие ответы:

1. Высокое чувство профессионального долга (84 %).

2. Дисциплинированность (77 %).

3. Нервно-психическая устойчивость (74 %).

4. Опрятность (70 %).

5. Целеустремленность (65 %).

6. Наблюдательность (60 %).

7. Порядочность (55 %).

По блоку вопросов, касающихся того, какие личностные и профессиональные качества обеспечивают готовность курсанта к несению службы в составе суточного наряда, опрошенные респонденты отметили, что это, прежде всего, «высокое чувство профессионального долга» (84 %) и «дис-

циплинированность» (77 %). Полученные эмпирические данные позволяют отметить осознание курсантами значимости морально-нравственных и волевых качеств, обеспечивающих готовность к несению службы в составе суточного наряда.

Кроме того, курсанты указали на важность такой личностной характеристики, как опрятность, приятный внешний вид сотрудника (70 %): «внешний вид говорит о многом», «как относится к форме, так и к службе» и т. п. На важность наличия данной характеристики указывается также и в концепции профессиональной культуры сотрудника ФСИН, где отмечается, что сотрудникам уголовно-исполнительной системы необходимо в своей работе уделять достаточное внимание оформлению своего внешнего облика и ношению одежды форменного образца [12].

На последний блок вопросов о том, «Какие профессиональные и личностные качества представителей силовых ведомств (военнослужащие и сотрудники уголовно-исполнительной системы) необходимы при несении службы в составе суточного наряда», были получены следующие ответы:

1. Патриотизм (86 %).
2. Чувство профессионального долга (66 %).
3. Профессиональная статусная – ролевая позиция (48 %).
4. Самоконтроль (45 %).
5. Ответственность (44 %).

Анализ вышепредставленных данных позволяет отметить, что курсанты образовательных организаций ФСИН России среди наиболее значимых профессиональных и личностных качеств представителей силовых ведомств (военнослужащих и сотрудников уголовно-исполнительной системы), необходимых при несении службы в составе суточного наряда, выделили «Патриотизм и высокое чувство профессионального долга» (86 %) и «Чувство профессионального долга» (66 %). По мнению А. В. Кокурина и В. Е. Петрова, осознание социальной (общественной) значимости службы, гордость за совершаемые поступки в процессе несе-

ния службы, удовлетворение, получаемое от служения обществу, закону и Отечеству, придают сотруднику дополнительный вектор профессионально-служебного совершенствования, формируют готовность действовать во благо своей Родины [13]. Кроме того, около половины респондентов отметили важность такой характеристики, как «профессиональная статусно-ролевая позиция» (48 %).

На наш взгляд, полученные данные могут объясняться тем, что сформированная профессиональная статусно-ролевая позиция, адекватная специфическим требованиям, предъявляемым в рамках подготовки курсантов, позволяет адаптироваться к службе в составе суточного наряда.

Заключение

Таким образом, подготовка будущих сотрудников ФСИН России будет проходить успешнее при включении в осведомительный процесс знаний несения службы в Вооруженных Силах Российской Федерации. Проведение аналогии между ведомствами позволяет определить значимость организации суточных дежурств и дежурной службы в целом, объяснить значение предъявляемых к курсантам требований и возможных последствий в случае их невыполнения. Данная описательная характеристика уточняет исторические предпосылки и характерные особенности возникновения дежурных смен как в Вооруженных Силах Российской Федерации, так и в вузах ФСИН России, в учреждениях и органах, исполняющих наказания в виде лишения свободы, при дальнейшем прохождении службы.

Понимание курсантами вузов ФСИН России основ выполнения служебных обязанностей во время несения службы в суточных дежурствах будет способствовать позитивной подготовке молодых сотрудников к организации служебной деятельности в учреждениях и органах УИС Российской Федерации, а также выполнению специфических задач по обеспечению безопасности страны и осуществлению правопорядка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грищенко В. В. Особенности подготовки сотрудников правоохранительных органов к действиям в чрезвычайных ситуациях // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 1. С. 89–93.
2. Соболев Н. Г. К вопросу о профессиональной мотивации курсантов образовательных организаций ФСИН России // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11. № 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/68PSMN423.pdf> (дата обращения: 05.12.2023).
3. Чирков А. М., Ковалев С. В. Парадигма развития в социально-педагогической функции Вологодского института права и экономики ФСИН // Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и восстановлению. 2021. С. 203–217.
4. Ширяев Д. А., Янченков Ю. А. К вопросу вовлеченности курсантов высших образовательных организаций ФСИН России к занятиям по служебно-боевой подготовке // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 4. С. 23–30.
5. Саковец И. Н. Способы совершения и сокрытия нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 1 (50). С. 52–65.
6. Витушкин А. В. Особенности огневой подготовки сотрудника уголовно-исполнительной системы // Вестник Кузбасского института. 2017. № 4 (33). С. 11–23.
7. Лещина Э. Л. Система дисциплинарных взысканий, применяемых к государственным служащим Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47). С. 45–50.
8. Вашаев М. А. К вопросу об усилении дисциплинарной ответственности за нарушение правил несения службы в суточном наряде по охраняемым объектам курсантами и слушателями образовательных организаций МВД России // Вестник КПУ МВД России. 2018. № 1 (39). С. 56–67.
9. Панарин Д. А., Луканин В. В. Опыт духовно-нравственного воспитания курсантов на примере Академии ФСИН России // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25 (1–4). № 4. С. 681–684.
10. Савич И. И., Щекотов В. В. Влияние психологических аспектов общения на профессиональное становление офицера // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10. № 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/28PSMN122.pdf> (дата обращения: 05.12.2023).
11. Протасова Г. В. Развитие профессионально-личностных качеств будущих психологов в процессе обучения в высших образовательных учреждениях министерства юстиции российской федерации: дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2004. 277 с.
12. Ковалев О. Г., Емельянов С. Н. Профессиональная культура сотрудника уголовно-исполнительной системы. Психолого-педагогические вопросы и проблемы формирования. М.: Права человека, 2003. 65 с.
13. Кокурин А. В., Петров В. Е. Личностные особенности военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, обуславливающие психологическую готовность к несению службы с огнестрельным оружием // Lex Russia (Русский закон). 2018. № 9 (142). С. 119–128.

REFERENCES

1. Grishchenko V. V. Features of training law enforcement officers to act in emergency situations // Education. Science. Scientific staff. 2019. No. 1. P. 89–93. (In Russ.)
2. Sobolev N. G. On the issue of professional motivation of cadets of educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia // World of Science. Pedagogy and Psychology. 2023. Vol. 11. No. 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/68PSMN423.pdf> (access date: 05.12.2023). (In Russ.)
3. Chirkov A. M., Kovalev S. V. Development paradigm in the social and pedagogical function of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia // The penitentiary system of Russia in modern conditions of social development: from the paradigm of punishment to correction and restoration. 2021. P. 203–217. (In Russ.)
4. Shiryayev D. A., Yanchenkov Yu. A. On the issue of involvement of cadets of higher educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia in military training // Education. Science. Scientific staff. 2021. No. 4. P. 23–30. (In Russ.)

5. Sakovets I. N. Ways of committing and concealing violations of the statutory rules of relations between military personnel // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (50). P. 52–65. (In Russ.)
6. Vitushkin A. V. Features of fire training of an employee of the penal enforcement system // Bulletin of Kuzbass Institute. 2017. No. 4 (33). P. 11–23. (In Russ.)
7. Leshchina E. L. The system of disciplinary penalties applied to civil servants of the Russian Federation // Legal science and law enforcement practice. 2019. No.1 (47). P. 45–50. (In Russ.)
8. Vashaev M. A. On the issue of strengthening disciplinary responsibility for violation of the rules of service in a daily detail for the protection of their own facilities by cadets and students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of the KRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1 (39). P. 56–67. (In Russ.)
9. Panarin D. A., Lukanin V. V. The experience of spiritual and moral education of cadets on the example of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia // Man: crime and punishment. 2017. Vol. 25 (1–4). No. 4. P. 681–684. (In Russ.)
10. Savich I. I., Shchekotov V. V. The influence of psychological aspects of communication on the professional development of an officer // World of Science. Pedagogy and psychology. 2022. Vol. 10. No. 1. <https://mir-nauki.com/PDF/28PSMN122.pdf> (access date: 05.12.2023). (In Russ.)
11. Protasova G. V. Development of professional and personal qualities of future psychologists in the process of studying at higher educational institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation. diss. ... cand. psychological sciences. Ryazan, 2004. 277 p. (In Russ.)
12. Kovalev O. G., Yemelyanov S. N. Professional culture of an employee of the penal enforcement system. Psychological and pedagogical issues and problems of formation. M.: Human Rights, 2003. 65 p. (In Russ.)
13. Kokurin A. V., Petrov V. E. Personal characteristics of military personnel and law enforcement officers, determining psychological readiness for service with firearms // Lex Russia (Russian law). 2018. No. 9 (142). P. 119–128. (In Russ.)

Информация об авторах:

С. В. Алексеев, без ученой степени;
Н. Г. Соболев, кандидат психологических наук, доцент.

Information about the authors:

S. V. Alekseev, no academic degree;
N. G. Sobolev, Candidate of Psychology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 16.02.2024; одобрена после рецензирования 04.04.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 16.02.2024; approved after reviewing 04.04.2024; accepted for publication 21.06.2024.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА НАСТАВНИЧЕСТВА В НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Ольга Анатольевна Ступина¹, Елена Александровна Петрова²

¹ Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия

² Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

¹ language.66@mail.ru, ² eleina.froloff@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрено развитие института наставничества в России. Авторами определены приоритетные направления развития движения наставничества на современном этапе социально-экономического развития общества. Подчеркивается значимость наставничества для молодых и состоявшихся специалистов.

Ключевые слова: идея, практическая деятельность, опыт, специалист, профессия, педагогика, экономика, кадры, важность.

Для цитирования: Ступина О. А., Петрова Е. А. Ретроспективный анализ института наставничества в новой и новейшей истории России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 2 (104). С. 160–166.

Original article

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF MENTORING IN NEW AND RECENT HISTORY OF RUSSIA

Olga A. Stupina¹, Elena A. Petrova²

¹ Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

² Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

¹ language.66@mail.ru, ² eleina.froloff@yandex.ru

Abstract. The article discusses the development of the institution of mentoring in our country. The authors have identified the priority directions for the development of the mentoring movement at the present stage of socio-economic development of the society. The importance of mentoring for young and established professionals is emphasized.

Keywords: idea, practical activity, experience, specialist, profession, pedagogics, economy, staff, importance.

For citation: Stupina O. A., Petrova E. A. Retrospective analysis of mentoring in new and recent history of Russia // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (104). P. 160–166. (In Russ.)

Введение

Формирование гражданского общества и правового государства, переход к рыночной экономике, признание человека, его прав и свобод высшей ценностью определяют новые требования к системе образования. Анализ института наставничества в объявленный Указом Президента Российской

Федерации год педагога и наставника подтверждает важность заявленного института не только для российского образования, но и для государства в целом. В средствах массовой информации зачастую идет речь о наставничестве в общем и профессиональном образовании, создании института наставничества. Позволим себе заменить существи-

тельное «создание» на более уместное, на наш взгляд, существительное – «возрождение», что по существу отразит состояние дела.

Наставничество есть обобщение и передача опыта и практических знаний молодым специалистам. Суть наставничества заключается в том, что, представляя собой одну из форм педагогической деятельности, оно направлено, прежде всего, на формирование профессиональных компетенций и развитие личностных качеств (общих компетенций) «наставляемого в процессе их совместной деятельности с наставником» [1, с. 198]. Подчеркнем, что успех наставничества зависит от сложившейся межличностной коммуникации между наставником и наставляемым, необходимой для того, чтобы «правильно сформулировать тактические цели процесса адаптации, предложить возможность психологической разгрузки и т. п.» [2, с. 29].

Институт наставничества располагает богатыми историческими традициями как в российской, так и в мировой педагогической, исследовательской и профессиональной деятельности. Передача знаний об особенностях профессиональной деятельности была и остается локомотивом развития и подготовки компетентных специалистов для различных сфер общественной деятельности [3]. Более того, в настоящее время институт наставничества крайне актуален не только в подготовке высококвалифицированных кадров для производственных предприятий, но является также важной структурной составляющей в управлении. Гиганты IT-индустрии, Yandex и Google, предоставляют соответствующие программы для имплементации наставничества в области интернет-технологий [4].

Переход от количества сотрудников предприятия или организации к высокому уровню профессиональной компетентности специалистов поставлен во главу угла. Этот постулат коррелирует с процессом посте-

пенного и последовательного вытеснения индивидуалистического мировосприятия идеями новой корпоративно-солидарной этики [5]. Профессионал не возникает на базовом уровне знаний. Наставник крайне полезен при формировании практического опыта для специалистов любой сферы общественной деятельности.

В текущем году отмечается двухсотлетний юбилей выдающегося русского ученого, педагога Константина Дмитриевича Ушинского. В его трудах неоднократно отмечалась роль педагога как наставника для подопечного. И наставничество должно, «прежде всего, нести духовную составляющую». При этом и у наставляемого, и у наставника существует потребность во взаимодействии, тогда и наставничество не превратится в сухие нравоучения [6]. Для создания основы профессионального и духовного единения старшего и младшего поколений коллег необходима четко продуманная и спланированная система целей и задач, стоящих перед ними в процессе образовательной, производственной или управленческой деятельности. Наставнику приходится не просто передавать практический опыт молодому наставляемому, формально акцептируя в его деятельности набор знаний, умений и навыков по специальности. Задача рассматривается многогранно. У наставляемого следует развивать личностные и гражданские качества, совершенствовать профессиональные компетенции, помогать ему в саморазвитии и самосовершенствовании¹.

Методы исследования

В качестве методологической базы исследования использовались теоретические методы: изучение и анализ методической литературы по проблемам исследования; эмпирические методы: наблюдение и анализ.

Результаты исследования

Российская система образования, чутко реагируя на тенденции и запросы в развитии общества, никогда не была статичной.

¹ Басюк В. Ю. Каким наставником должен быть педагог? Российская газета – Федеральный выпуск. № 58 (9003). URL: <https://rg.ru/2023/03/21/kod-uchitelia.html?ysclid=lnlg7skli7994472248> (дата обращения: 11.10.2023).

Можно с большой долей скепсиса относиться к различным формам образования в историческом аспекте развития, но с полной уверенностью признать, что в российском менталитете наставник ученику или наставляемому всегда помогал в достижении образовательных целей, используя свои знания и опыт [7]. В эпоху, когда доступность образования не была всеобщей, более распространенным было наставничество духовное. И функция наставника скорее совпадала с функцией духовника. Так, Сергей Радонежский был духовным наставником Андрея Рублева, выдающегося русского иконописца, а также Александра Пересвета и Андрея Осляби, русских иноков – воинов, принимавших участие в Куликовской битве [8].

Известные просветители, деятели науки и культуры в разные годы были наставниками молодых представителей династии Романовых. Их задача была вырастить из царских наследников «нормальных здоровых русских детей». Наставниками юного Александра I и его брата Константина по приказу их бабушки, Екатерины II, были немецкий ученый, естествоиспытатель Петр Симон Паллас; попечитель Московского университета, поэт Михаил Никитич Муравьев; ученый, историк Василий Григорьевич Кукольник.

Василий Андреевич Жуковский был наставником Александра, которого воспитывал «не царем, а гражданином». Известный русский правовед XIX века Константин Петрович Победоносцев был главным наставником молодого Александра III. Все наставники царских наследников и великих князей основывали свою работу с наставляемыми, руководствуясь системностью в образовательной деятельности, строгим распорядком дня и его неукоснительным соблюдением и усердием в изучении общеобразовательных наук. При этом уделялось внимание развитию индивидуальных наклонностей обуча-

емых цесаревичей. Например, Александр I, склонный к общественно-философским дисциплинам, обучался по системе, в основу которой были положены идеи Жан-Жака Руссо, а Николаю II, проявившему интерес к естественным наукам, древние языки были заменены минералогией, химией, физиологией и биологией. Наставники помогали венценосным подопечным в развитии творческого потенциала, формировании разносторонне развитой личности¹.

Среди простых россиян, обучавшихся ремеслам, наставники получали звание «мастера»; наставляемые («подмастерья», «ученики») перенимали у мастера тонкости ремесла или промысла. Профессиональная адаптация напрямую зависела от уровня педагогического мастерства наставника. Подмастерья и мастеровые, обученные хорошим мастером и получившие богатый практический опыт, часто сами становились мастерами для молодого поколения. Наставничество, преемственность заложили основу многих отраслей российской промышленности в XIX веке [9; 10].

Константин Дмитриевич Ушинский, современник развивающегося капитализма в России, в своей работе «Проект учительской семинарии» отмечал нарастающую роль педагога-наставника в непроизводственной сфере. Теоретик российской педагогики полагал, что наставнику необходимы условия для работы (это позволит сделать ее системной и последовательной, нацеленной на результат); что штат организации, в которой работает наставник, не обязательно должен быть многочисленным (качество работы наставляемого – результат успешной работы наставника; что к успеху надо идти, не торопясь, не гонясь за количеством подопечных) [11].

Система наставничества, имевшая дидактическую основу, была впервые создана в России в 1860 г. Ее представило сообщество инженеров-механиков Императорского Мо-

¹ Розгами, стихами и потешными книгами. Как учили будущих императоров // Аргументы и факты. 05.10.2018. URL: https://spb.aif.ru/society/people/rozgami_stihami_i_poteshnymi_knigami_kak_uchili_budushchih_imperatorov (дата обращения: 11.12.2023).

сковского технического училища. Руководил сообществом Дмитрий Константинович Советкин. Следует отметить, что система зарекомендовала себя весьма положительно, так как всецело учитывала знания наставляемых, их умения и навыки. Это учебное заведение прошло путь от благотворительного ремесленного училища для детей-сирот до престижного центра подготовки передовых кадров русской технической интеллигенции. Главная цель училища – образование и подготовка механиков-строителей, инженеров-механиков и инженеров-технологов при сочетании фундаментально теоретической и практической подготовки [12]. Система подготовки будущих инженеров, в которой важное место отводилось работе наставника и обучающихся, получила признание не только в России, но и за рубежом.

В 1873 году Императорское Московское техническое училище продемонстрировало на Венской всемирной выставке «русский метод преподавания ремесел», который был отмечен Большой золотой медалью и признан в развитых западных странах. Выпускники этого вуза, выдающиеся российские и советские ученые (Н. Е. Жуковский, Д. Н. Лебедев, С. И. Вавилов, П. Л. Чебышев, С. П. Королев), прославили русскую науку и техническое образование, подготовили плеяду талантливых последователей. Нынче этот вуз (МГТУ им. Баумана) по праву носит звание кузницы инженерно-технических кадров страны¹.

После Октябрьской революции Советская республика умело использовала идеи наставничества, трансформируя их в соответствии с новыми социальными условиями. Новому государству крайне необходимы были квалифицированные кадры. Их подготовка, руководство и ассимиляция в производство были доверены «спецам», лояльным к новой власти специалистам большого практического опыта и блестящего образования, полученным при царском режиме. Это были и царские офицеры, и генералы,

разделившие идеологию большевиков, и сотрудники пограничной стражи, и инженерно-технические работники заводов и фабрик, и служащие уголовного розыска, и театральные деятели, и создательница новой «советской» моды Н. П. Ламанова служили России. Они воспитали новых мастеров, цвет новой российской нации, несмотря на сдержанно-холодное или даже враждебное недопонимание со стороны власти предрезающих. Как результат – количество квалифицированных рабочих, сотрудников служб и организаций выросло с 14,8 % до 50,2 %.

Состоявшийся в 1922 году XI съезд РКП(б) наметил стратегическую линию реорганизации труда по направлению обучения и квалификации. Наставничество получило название «шефство». Во исполнение решений съезда были разработаны и осуществлены меры по реорганизации труда, в том числе ученичества рабочей молодежи. Параллельно была сформирована система правового регулирования в части шефства. К 1930-м годам шефство приобрело широкий размах. О его масштабах шла речь в постановлении Всесоюзного центрального совета профсоюзов («О шефстве кадровых рабочих над молодыми»). В 1934 году вышло научно-практическое пособие для обучения сотрудников, связанных с шефством, «Производственный инструктаж» [13].

В годы Великой Отечественной войны огромное количество квалифицированных работников, даже имевших бронь, ушли добровольцами на фронт. Экономика страны переживала катастрофический дефицит квалифицированных кадров. На производстве набирала темпы система «1+5» – «один обучи пятерых», когда квалифицированный рабочий выступал наставником сразу для пятерых молодых выпускников учебных заведений.

В послевоенные годы наставничество сыграло важную роль в становлении и развитии таких ключевых отраслей промышленности, как энергетика, электроника, кос-

¹ Волынец А. В. От ремесленного заведения к техническому университету. Русская стратегия // МГТУ им. Н. Э. Баумана. URL: <https://bmstu.ru/?ysclid=ln931381377> (дата обращения: 15.10.2023).

монавтика; наставничество внесло вклад в развитие научно-технического прогресса в СССР. Педагогическая наука в СССР того времени обобщала передовой опыт наставничества в методических изданиях (М. М. Сवादковская «Подготовка новых рабочих методом индивидуального ученичества», 1959 год).

Позднее, в 1970-е годы государство стимулировало и поощряло разные формы наставничества (методическая работа с молодыми учителями, помощь стажеру, вожатское движение, руководство производственной практикой и проч.). Было учреждено почетное звание «Заслуженный наставник». Лучшие наставники молодых специалистов из числа квалифицированных сотрудников предприятий, колхозов, образовательных организаций были отмечены этим званием. В 1973 году была учреждена награда «Наставник молодежи», присуждавшаяся по отраслевому принципу [14].

С распадом СССР изменился идеологический вектор развития государства. В 1990-е годы наставничество в основном стало прерогативой педагогики. Его целью была популяризация профессии. Предпринята попытка преодолеть старение педагогических кадров. Всероссийский конкурс «Учитель года» и его региональные отборочные туры были призваны сохранить лучшие педагогические традиции советской школы и обеспечить преемственность в развитии педагогики в России.

Участники тех конкурсов в настоящее время сами работают с молодыми коллегами на разных уровнях образования. Так, например, в Краснодаре и Краснодарском крае

в 1997 году победителем конкурса «Учитель года» стала учитель русского языка и литературы Е. В. Воробьева, представившая годом позже Краснодарский край на Всероссийском учительском конкурсе. На данный момент Е. В. Воробьева возглавляет Министерство образования, науки и молодежной политики Краснодарского края и уделяет в работе важное внимание подготовке молодых педагогических кадров Кубани.

В период глобализационных перемен и интеграции в мировые экономические процессы российское образование познакомилось с западными формами наставничества, тьюторством и менторством. Однако развития в российской образовательной среде в широком смысле слова эти формы не получили.

Заключение

Можно констатировать тот факт, что в настоящее время в России возрождается институт наставничества. Ряд документов на законодательном уровне закрепил статус наставника, а именно:

- положение о наставничестве в конкретном образовательном учреждении;
- приказ о назначении наставников для молодых специалистов;
- методические рекомендации по развитию системы сопровождения молодых педагогов.

Таким образом, проведенный нами анализ по проблеме показывает, что наставничество – это положительный феномен; для наставника это действенная форма развития личной профессиональной компетентности, социального интеллекта, а также развития инновационного содержания собственной служебной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Максимова А. Д. Наставничество как ресурс непрерывного профессионального развития педагогических работников: концепция, модели, формы, взаимодействия // Наставничество в образовании: культура, идеи, технологии: всероссийская с международным участием конференция. Екатеринбург: УрГПУ, 2023. С. 198–203.
2. Андросюк Н. В. Наставничество в формировании профессиональной компетентности молодых специалистов // Наставничество в образовании: современная практика: сборник материалов международной (заочной) научно-практической конференции. Курган, 2019. С. 27–32.

3. Яковлева А. К. Роль наставничества в современном образовании // Молодой ученый. 2023. № 29.1. С. 42–44.
4. Лысенко И. В. Концепция и механизмы системы наставничества молодых преподавателей IT-дисциплин // Педагогическое мастерство: материалы XIV Международной научной конференции. Казань: Молодой ученый, 2023. С.40–44.
5. Кларин М. В. Современное наставничество: новые черты традиционной практики в организациях XXI века // Экономика и образование. 2016. С. 92–112.
6. Вяземский Е. Е. Вклад великого русского педагога К. Д. Ушинского в отечественную педагогику и образование // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 2. С.18–25.
7. Быстрова Н. В., Цыплакова С. А., Преснова А. К., Пасечник А. С. Наставничество как педагогический феномен: история и современность // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. № 3 (37). С. 18–24.
8. Яковкина А. О. История наставничества в России // Вестник науки. 2023. № 5 (62). С. 215–221.
9. Авлиякулов М. М. Система «мастер-ученик» в обучении ремесленному делу // Евразийский научный журнал. 2017. № 5. С. 30–33.
10. Ефанов А. В. Становление ремесленной деятельности и ремесленного образования в современной России // Вестник Мининского университета. 2014. № 4 (8). С. 29–34.
11. Ушинский К. Д. Проект учительской семинарии // Собрание сочинений. М., 1974.
12. Галагузова М. А., Головнев А. В. Наставничество: из прошлого в настоящее // Педагогический журнал Башкортостана. 2018. № 6 (79). С. 6–22.
13. Польникова Е. А. Наставничество как эффективный инструмент управления талантами // МНИЖ. 2016. № 11–5 (53). С. 118–119.
14. Чернявская А. П., Данилова Л. Н. Роль педагога-наставника в адаптации молодого учителя // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 4. С. 62–70.

REFERENCES

1. Maksimova A. D. Mentoring as a resource for continuous professional development of teaching staff: concept, models, forms, interactions // Mentoring in Education: Culture, Ideas, Technologies: All-Russian conference with international participation. Ekaterinburg: UrGPU, 2023. P. 198–203. (In Russ.)
2. Androsyuk N. V. Mentoring in the formation of professional competence of young specialists // Mentoring in education: modern practice: collection of materials of the international (correspondence) scientific-practical conference. Kurgan, 2019. P. 27–32. (In Russ.)
3. Yakovleva A. K. The role of mentoring in modern education // Young scientist. 2023. No. 29.1. P. 42–44. (In Russ.)
4. Lysenko I. V. Concept and mechanisms of the mentoring system for young teachers of IT disciplines // Pedagogical skills: materials of the XIV International Scientific Conference. Kazan: Young scientist, 2023. P. 40–44. (In Russ.)
5. Clarin M. V. Modern mentoring: new features of traditional practice in organizations of the 21st century // Economics and Education. 2016. P. 92–112. (In Russ.)
6. Vyazemsky E. E. The contribution of the great Russian teacher K. D. Ushinsky to domestic pedagogy and education // Bulletin of the State University of Education. Series: History and political sciences. 2023. No. 2. P. 18–25. (In Russ.)
7. Bystrova N. V., Tsyplakova S. A., Presnova A. K., Pasechnik A. S. Mentoring as a pedagogical phenomenon: history and modernity // Innovative economics: prospects for development and improvement. 2019. No. 3 (37). P. 18–24. (In Russ.)
8. Yakovkina A. O. History of mentoring in Russia // Bulletin of Science. 2023. No. 5 (62). P. 215–221. (In Russ.)
9. Avliyakov M. M. “Master-apprentice” system in teaching crafts // Eurasian scientific journal. 2017. No. 5. P. 30–33. (In Russ.)
10. Efanov A. V. Formation of craft activities and craft education in modern Russia // Bulletin of Minin University. 2014. No. 4 (8). P. 29–34. (In Russ.)

11. Ushinsky K. D. Project of a teacher's seminary // Collected works. M., 1974. (In Russ.)
12. Galaguzova M. A., Golovnev A. V. Mentoring: from the past to the present // Pedagogical Journal of Bashkortostan. 2018. No. 6 (79). P. 6–22. (In Russ.)
13. Polnikova E. A. Mentoring as an effective tool for talent management // MNIZH. 2016. No. 11–5 (53). P. 118–119. (In Russ.)
14. Chernyavskaya A. P., Danilova L. N. The role of the teacher-mentor in the adaptation of a young teacher // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2019. No. 4. P. 62–70. (In Russ.)

Информация об авторах:

О. А. Ступина, кандидат педагогических наук;
Е. А. Петрова, доктор филологических наук, доцент.

Information about the authors:

O. A. Stupina, Candidate of Pedagogy;
E. A. Petrova, Doctor of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 02.10.2023; одобрена после рецензирования 10.01.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 02.10.2023; approved after reviewing 10.01.2024; accepted for publication 21.06.2024.

Научная статья
УДК 378.1

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ С УЧЕТОМ МНЕНИЙ СЛУШАТЕЛЕЙ-ЗАОЧНИКОВ

Наталья Владимировна Ходякова¹, Татьяна Викторовна Михайлова²

^{1,2} Академия управления МВД России, Москва, Россия

¹ hodyakova@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4340-0744

² mtvpsk2015@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0231-9990

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования (анкетирования) 118 выпускников магистратуры Академии управления МВД России, обучавшихся в заочной форме. Анкетирование было проведено в начале 2024 года и направлено на выявление степени удовлетворенности магистрантов-заочников процессом организации и реализации дистанционного обучения, возникших у них в образовательном процессе затруднений, связанных с дистанционным форматом учебной деятельности, а также на поиск возможных вариантов решения обнаруженных проблемных вопросов. Полученные количественные результаты сопровождаются качественной интерпретацией, что делает возможным определение потенциальных «точек роста» системы дистанционного обучения в части улучшения организации учебного процесса, методической деятельности преподавателей, совершенствования электронной информационно-образовательной среды вуза. В работе намечены перспективные темы будущих исследований, связанных с дистанционным обучением.

Ключевые слова: дистанционное обучение, высшее образование, заочная форма обучения, электронная информационно-образовательная среда, качество образования, расчет нагрузки.

Для цитирования: Ходякова Н. В., Михайлова Т. В. Пути совершенствования дистанционного обучения в вузе с учетом мнений слушателей-заочников // Вестник Уфимского юридического института. 2024. № 2 (104). С. 167–173.

Original article

WAYS TO IMPROVE DISTANCE LEARNING AT THE UNIVERSITY, TAKING INTO ACCOUNT THE OPINIONS OF PART-TIME STUDENTS

Natalia V. Khodyakova¹, Tatyana V. Mikhailova²

^{1,2} Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

¹ hodyakova@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4340-0744

² mtvpsk2015@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0231-9990

Abstract. The article presents the results of an empirical study (survey) of 118 graduates of the magistracy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, who studied in absentia. The survey was conducted at the beginning of 2024 and was aimed at identifying the degree of satisfaction of part-time students with the process of organizing and implementing distance learning, their difficulties in the educational process related to the distance learning format, as well as finding possible solutions to the discovered problematic issues. The obtained quantitative results are accompanied by a qualitative interpretation, which makes it possible to determine potential “growth points” of the distance learning system in terms of improving the organization of the educational process, the methodological activities of teachers, improving the electronic information and educational environment of the university. The work outlines promising topics for future research related to distance learning.

Keywords: distance learning, higher education, correspondence education, electronic information and educational environment, quality of education, load calculation.

© Ходякова Н. В., Михайлова Т. В., 2024

For citation: Khodyakova N. V., Mikhailova T. V. Ways to improve distance learning at the university, taking into account the opinions of part-time students // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (104). P. 166–173. (In Russ.)

Введение

Дистанционное обучение прочно заняло свою нишу в системе российского образования и постепенно переходит из разряда инноваций в разряд традиций. Отрицая инновационность дистанционного обучения, некоторые авторы даже уподобляют этот вид обучения передаче опыта по схеме «учитель – носитель информации – знания – ученик», действовавшей еще во времена первобытно-общинного строя [1]. Не солидаризируясь с подобными крайностями, отметим, что для современного поколения обучающихся и педагогов, переживших дистанционное обучение в период пандемии, оно приобрело черты повседневной практики.

В форме дистанционного обучения с помощью государственной информационной системы «Современная цифровая образовательная среда» любой гражданин сегодня может самостоятельно обучаться более чем по 1500 онлайн-курсам и 1200 программам дополнительного профессионального образования. С 2006 г. система дистанционных образовательных технологий внедрена и используется в учебном процессе образовательных организаций МВД России¹.

В многочисленных научно-педагогических публикациях раскрыты преимущества дистанционного обучения, состоящие в:

- преодолении территориальной удаленности обучающихся от образовательной организации;
- возможности их обучения в удобном режиме без отрыва от профессиональной деятельности и семьи;
- минимизации затрат на обучение;
- доступности дистанционного формата для обучающихся и преподавателей;

- возможности одновременного обучения большого количества обучающихся;
- персонализации обучения и др. [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10 и др.].

К недостаткам такого обучения исследователями отнесены:

- необходимость соблюдения технических требований к компьютерному и телекоммуникационному оборудованию;
- трудности нормирования и контроля педагогической и учебной нагрузки;
- низкая степень вовлеченности в образовательный процесс из-за отсутствия возможности живого общения его участников;
- невозможность организации лабораторных практикумов;
- накопление воспитательных проблем;
- потенциальный вред для физического и психологического здоровья участников обучения [11; 12; 13; 14 и др.].

Однако в образовательном процессе каждого вуза всегда складывается уникальная образовательная среда, в том числе электронная информационно-образовательная, характеризующаяся своими специфическими чертами, как положительными, так и отрицательными. А удовлетворенность или неудовлетворенность обучающихся образовательной средой – важнейший критерий оценки качества образования². В связи с этим актуализируется необходимость анализа мнений обучающихся об учебном процессе в каждой образовательной организации.

Академия управления МВД России (далее – Академия) – образовательная организация высшего образования, осуществляющая профильную подготовку в магистратуре руководителей органов внутренних дел Российской Федерации. Слушатели-заочники,

¹ О внедрении Системы дистанционных образовательных технологий в образовательных учреждениях МВД России: приказ МВД России от 23 июня 2006 г. № 497 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² ГОСТ Р ИСО 9000-2015. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь: приказ Росстандарта от 28.09.2015 № 1390-ст // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

оканчивающие в 2024 г. магистратуру по направлениям подготовки «Государственное и муниципальное управление», «Управление персоналом», «Менеджмент», длительный период времени обучались с использованием дистанционных образовательных технологий. В связи с этим их оценка эффективности такого обучения, безусловно, вызывает профессиональный интерес как организаторов образовательного процесса, так и профессорско-преподавательского состава.

Методы

Для изучения мнений слушателей-заочников преподавателями кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами была составлена анкета, включающая 20 вопросов закрытого и открытого типов. В анонимном анкетировании приняли участие 118 слушателей-заочников, при этом 100 опрошенных не имели до Академии опыта дистанционного обучения, 97 человек обучались с использованием личной компьютерной техники, 15 человек использовали технику на рабочих местах, 8 человек чаще всего пользовались в обучении мобильным телефоном.

Результаты и обсуждение

Первая серия вопросов анкеты была посвящена оценке степени удовлетворенности обучением с использованием дистанционных образовательных технологий. 84 % респондентов ответили, что они в целом удовлетворены процессом дистанционного обучения. Наибольшую удовлетворенность вызвало техническое сопровождение дистанционного обучения в Академии (100 % опрошенных).

Работу преподавательского состава Академии отметили с положительной стороны 99 % проанкетированных. Следующую позицию в позитивном рейтинге заняла работа электронной информационно-образовательной среды, ею оказались удовлетворены 98 % опрошенных. Достаточный уровень доступности учебно-методической и научной литературы отметили 97 % слушателей. Качество интернет-соединения удовлетворило 96 % проанкетированных. Подготовленный

для дистанта преподавателями профильных и непрофильных дисциплин контент оценили положительно 95 % опрошенных. 93 % слушателей высказали свою удовлетворенность организацией дистанционного обучения в Академии.

Полученные данные свидетельствуют о том, что организованное в Академии дистанционное обучение в основном решало образовательные задачи. В то же время имеются определенные резервы в решении организационных вопросов, а также отмечаются различия между оценкой качества онлайн-работы преподавателей на занятиях и качества подготовленных и выложенных ими материалов в офлайн-формате. Вероятно, следует обеспечить слушателей-заочников максимально полной инструкцией по использованию портала дистанционного обучения, а также обеспечить защиту авторских прав преподавателей на их методические разработки и заинтересовать профессорско-преподавательский состав в размещении на портале эффективных учебных материалов, например, посредством организации и проведения конкурса «Лучший дистанционный курс».

Следующие два вопроса предложенной магистрантам-заочникам анкеты касались изменения в дистанционном обучении учебной нагрузки обучающихся и педагогических работников. Примерно равное количество обучающихся посчитали, что их нагрузка увеличилась или не изменилась (38 % и 37 % соответственно), 19 % опрошенных выбрали ответ «уменьшилась», 6 % затруднились с выбором ответа. Респондентов, определивших учебную нагрузку преподавателей как возросшую или не изменившуюся, было 32 % и 31 % соответственно, ответ «уменьшилась» выбрали 19 %, затруднились дать ответ 18 %.

Полученные данные говорят о том, что, во-первых, увеличение/уменьшение затрат как обучающихся, так и преподавателей воспринимается слушателями как синхронные процессы, а, во-вторых, имеется почти двойной перевес ответов об увеличении нагрузки. Принимая во внимание, что

преподаватели действительно затрачивают больше времени на подготовку занятий в дистанционном формате, т. к. они обязаны дополнительно заботиться о размещении и переводе в интерактивную форму учебных и методических материалов на портале, возникает вопрос: «С чем связано отмечаемое опрошенными увеличение учебной нагрузки заочников?». Возможно, причина состоит в актуализации самоконтроля и повышении удельного веса самостоятельной работы обучающихся в дистанционном обучении: систематическом изучении предложенных материалов и учебной литературы к занятиям, прохождении тестов по итогам освоения тем. Исходя из этого, можно, с одной стороны, рекомендовать включить в нормативы расчета нагрузки преподавателя подготовку и размещение на портале учебных материалов, а, с другой стороны, обеспечить доступными средствами позитивный эмоциональный фон самостоятельной работы заочников.

Один из вопросов анкеты был посвящен выявлению трудностей, с которыми столкнулись обучающиеся в ходе дистанционного обучения. Другой вопрос имел симметричный характер и касался путей улучшения дистанционного обучения. Приведем ответы на оба вопроса и процент их выбора опрошенными, выделив курсивом дополненные авторами данной работы возможные варианты преодоления затруднений (табл. 1).

Как видно из полученных данных, часть отмеченных затруднений касается ограничений в межличностной коммуникации «преподаватель – обучающийся» и «обучающийся – обучающийся»: недостаточно удовлетворенная потребность в общении с педагогами и получении от них необходимых пояснений и комментариев, а также сложности реализации полноценного взаимодействия в учебной группе. Эти затруд-

нения отмечаются и респондентами других аналогичных исследований¹, они находятся в центре внимания педагогического сообщества и постепенно компенсируются посредством расширения возможностей платформ дистанционного обучения и освоения этих возможностей педагогическими субъектами.

Еще одну группу проблемных вопросов дистанционного обучения магистрантов-заочников образует непродуманность некоторых организационных и технических условий: недостаток выделяемого на обучение времени и неадекватная дистанту длительность занятий, несовершенство программно-технической поддержки обучения. Эти затруднения вполне преодолимы усилиями организаторов учебного процесса и IT-специалистов посредством оптимизации временного регламента обучения, решения задач расширения инструментальных возможностей портала дистанционного обучения программистами.

Значимую для педагогических работников трудность и соответствующую ей задачу дистанционного обучения образуют: необходимость настройки учебно-методического сопровождения под возможности и особенности восприятия учебного материала и уровень когнитивной готовности обучающихся. Вероятно, в дистанционном обучении следует применять адаптивный, мультимодальный и дифференцированный подходы, дозируя учебные нагрузки обучающихся, актуализируя различные способы восприятия учебной информации (текстовый, аудиальный, визуальный) и разрабатывая учебные задания различных уровней сложности (минимальный, средний, продвинутый).

Заключение

Таким образом, проведенный опрос слушателей-заочников Академии управления МВД России позволил получить обратную

¹ Ученые ТГУ: на «дистанте» студентам больше всего не хватало общения // Региональное информационное агентство «РИАТОМСК». URL: <https://www.riatomsk.ru/article/20200821/uchenie-tgu-na-distante-studentam-boljshe-vsego-ne-hvatalo-obscheniya/?ysclid=luwnucju4b683102447> (дата обращения: 12.04.2024).

Таблица 1 – Затруднения в дистанционном обучении и варианты их преодоления

Затруднения	Возможные варианты преодоления затруднений
Сложность выполнения практических заданий без объяснений преподавателя – 35 %	Адекватная сложность предлагаемых для выполнения заданий – 10 %. Программно-техническая возможность выполнять практические задания и видеть результаты их проверки на портале – 7 %. <i>Сопровождение заданий всеми необходимыми инструкциями</i>
Отсутствие очных дискуссий с преподавателем – 34 %	<i>Обеспечение технических условий для видеочастия всех слушателей группы и преподавателя в обсуждении изучаемых вопросов</i>
Невозможность обсуждения с одногруппниками изучаемого материала – 21 %	Организация преподавателями на портале учебных форумов – 8 %. Обеспечение возможности выполнения групповых учебных и научно-исследовательских проектов на портале – 14 %
Недостаточное владение информационными технологиями – 18 %. Сложность освоения или неудобство использования интерфейса и инструментов дистанционного обучения – 18 %	Краткий курс освоения требуемых для дистанционного обучения информационно-коммуникационных технологий в начале обучения – 25 %. Переход на другую платформу дистанционного обучения – 3 %
Большой объем заданий на самоподготовку – 13 %	Дозирование учебных нагрузок и заданий – 25 %. Использование в дистанционном обучении учебно-игровых компьютерных приложений – 15 %
Сложность в том, чтобы задавать вопросы преподавателю и отвечать на его вопросы в онлайн-формате – 10 %	Программно-техническая возможность получения на портале офлайн-консультаций преподавателя – 7 %
Сложность в подготовке и представлении отчетных документов по практикам в дистанционном формате – 6 %	<i>Нормативное закрепление и реализация возможности представления отчетных документов по практикам в электронном виде</i>
Несвоевременность выставления на портале учебных материалов и заданий – 3%	<i>Позитивное стимулирование преподавателей на качественную работу над дистанционным курсом</i>
Трудность длительно удерживать внимание при просмотре 1,5-часовых видеолекций – 3 %	Структурирование и максимальная визуализация учебного материала – 9 %. Краткий формат записанных видеолекций (до 45 минут) – 21 %
Отсутствие необходимого времени для учебы, сложность совмещения дистанционного обучения со службой – 3 %	<i>Взаимодействие с руководителями территориальных органов МВД России по вопросам обеспечения необходимого режима дистанционного обучения слушателей-заочников</i>

связь, информацию о степени удовлетворенности обучающихся, без которой эффективное управление образовательным процессом и достижение более высокого его качества немыслимо.

Полученные данные и их интерпретация не только стали предметом обсуждения и от-

правной точкой изменений подхода к дистанционному обучению в педагогическом коллективе вуза, но и определили перспективы дальнейших теоретических и эмпирических исследований таких проблем дистанционного обучения, как сравнительный анализ результативности подготовки руководителей орга-

нов внутренних дел в традиционном и дистанционном форматах; влияние гендерных и возрастных факторов на эффективность дистанционного обучения; персонализация

основных профессиональных образовательных программ, реализуемых с использованием исключительно дистанционных образовательных технологий и других.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Матяева И. Л. Дистанционное образование: традиция или инновация? // Вестник КГУ им. Н. А. Некоасова. 2007. № 2. С. 28–32.
2. Шестопапов Е. В., Суворова Е. В. Преимущества и недостатки дистанционного обучения // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=30349> (дата обращения: 12.04.2024).
3. Шатуновский В. Л., Шатуновская Е. А. Еще раз о дистанционном обучении (организация и обеспечение дистанционного обучения) // Вестник науки и образования. 2020. № 9 (87). Ч. 1. С. 53–56.
4. Матюшенко С. В. Культура дистанционного обучения // Академическая мысль. 2022. № 3 (20). С. 58–66.
5. Данилов Ю. Л. Об опыте дистанционного обучения // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2022. № 11 (213). С. 133–137.
6. Булан И. Г. Отношение студентов к дистанционному обучению // Калининградский вестник образования. 2022. № 1 (13). С. 3–9.
7. Смирнов В. В., Мягкова Е. В. Дистанционное обучение: современное состояние // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2021. № 3 (43). С. 92–95.
8. Заслуженная А. А., Желуденко М. А. Психологический аспект дистанционного обучения // Norwegian Journal of development of the International Science. 2020. № 49. С. 53–55.
9. Ендовицкий Д. А., Рисин И. Ф., Трещевский Ю. И., Руднев Е. А. Дистанционное обучение – дисбаланс возможностей и угроз // Высшее образование в России. 2022. Т. 1. № 1. С. 89–97.
10. Плаксина Н. В., Овчинникова М. В. Актуальные тренды цифровизации образования в мире // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-trendy-tsifrovizatsii-obrazovaniya-v-mire/viewer> (дата обращения: 12.04.2024).
11. Пинигин В. Г. Профессиональное выгорание педагогов при дистанционном обучении // Психопедагогика в правоохранительных органах. Т. 29. № 1 (96). С. 63–69.
12. Толстобок О. Н. Современные методы и технологии дистанционного обучения: монография. М.: Мир науки, 2020. 72 с.
13. Насибуллов Р. Р. Развитие дистанционной формы обучения будущих учителей (конец XX – начало XXI вв.): монография. Казань: Татарское Республиканское издательство «Хэтер», 2013. 176 с.
14. Данилов О. Е. Дистанционное обучение в среднем профессиональном образовании: монография. Глазов: ГГПИ, 2023. 164 с.

REFERENCES

1. Matyaeva I. L. Distance education: tradition or innovation? // Bulletin of KSU named after N. A. Nekoasova. 2007. No. 2. P. 28–32. (In Russ.)
2. Shestopalov E. V., Suvorova E. V. Advantages and disadvantages of distance learning // Modern problems of science and education. 2020. No. 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=30349> (date of access: 12.04.2024). (In Russ.)
3. Shatunovsky V. L., Shatunovskaya E. A. Once again about distance learning (organization and provision of distance learning) // Bulletin of Science and Education. 2020. No. 9 (87). Part 1. P. 53–56. (In Russ.)
4. Matyushenko S. V. Culture of distance learning // Academic thought. 2022. No. 3 (20). P. 58–66. (In Russ.)
5. Danilov Yu. L. On the experience of distance learning // Scientific Notes of the University. P. F. Lesgaft. 2022. No. 11 (213). P. 133–137. (In Russ.)

6. Bulan I. G. Attitude of students to distance learning // Kaliningrad Bulletin of Education. 2022. No. 1 (13). P. 3–9. (In Russ.)
7. Smirnov V. V., Myagkova E. V. Distance learning: current state // Professional education in Russia and abroad. 2021. No. 3 (43). P. 92–95. (In Russ.)
8. Honored A. A., Zheludenko M. A. Psychological aspect of distance learning // Norwegian Journal of development of the International Science. 2020. No. 49. P. 53–55. (In Russ.)
9. Endovitsky D. A., Risin I. F., Treshchevsky Yu. I., Rudnev E. A. Distance learning – an imbalance of opportunities and threats // Higher education in Russia. 2022. Vol. 1. No. 1. P. 89–97. (In Russ.)
10. Plaksina N. V., Ovchinnikova M. V. Current trends in the digitalization of education in the world // Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2024. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-trendy-tsifrovizatsii-obrazovaniya-v-mire/viewer> (date of access: 12.04.2024). (In Russ.)
11. Pinigin V. G. Professional burnout of teachers during distance learning // Psychopedagogy in law enforcement agencies. Vol. 29. No. 1 (96). P. 63–69. (In Russ.)
12. Tolstobokov O. N. Modern methods and technologies of distance learning: monograph. M.: World of Science, 2020. 72 p. (In Russ.)
13. Nasibullov R. R. Development of a distance form of training for future teachers (late 20th – early 21st centuries): monograph. Kazan: Tatar Republican Publishing House “Heter”, 2013. 176 p. (In Russ.)
14. Danilov O. E. Distance learning in secondary vocational education: monograph. Glazov: GGPI, 2023. 164 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Н. В. Ходякова, доктор педагогических наук, доцент;
Т. В. Михайлова, кандидат психологических наук, доцент.

Information about the authors:

N. V. Khodyakova, Doctor of Pedagogy, Associate Professor;
T. V. Mikhailova, Candidate of Psychology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 18.04.2024; одобрена после рецензирования 07.05.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 18.04.2024; approved after reviewing 07.05.2024; accepted for publication 21.06.2024.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ФСИН РОССИИ

Борис Анатольевич Швырев¹, Янина Николаевна Полякова²

¹ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

² Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

¹ i@bor2275.ru, ² nii@fsin.su

Аннотация. Понятие культуры информационной безопасности (далее – ИБ) достаточно многогранное. Очевидные аспекты, влияющие на формирование культуры ИБ, – это информационные технологии, и они широко обсуждаются в литературе наравне с психологическими и культурологическими аспектами. Информационная безопасность по своей природе имеет ряд проблем: технических, связанных с непрерывным развитием аппаратно-программных вычислительных систем и пропорциональным увеличением их уязвимостей; правовых, обусловленных неустранимым отставанием нормативного правового регулирования и противодействия от возникающих угроз; персонала, получающего возрастающую осведомленность без осознанных норм поведения и принятия решений, связанных с обеспечением безопасности. Культура информационной безопасности не может сформироваться на пустом месте, для этого необходимо обучение персонала в области информационной безопасности, в связи с чем целесообразно иметь эффективное методическое обеспечение. В работе выделяются три элемента, составляющие и формирующие культуру ИБ: технологии, политики/правила и люди/компетентность. Проводится обсуждение рассматриваемых элементов и выделяется их значимость. Особое внимание отводится понятию осознания информационной безопасности. В работе рассматриваются этапы когнитивного процесса обучения культуре ИБ.

Ключевые слова: культура информационной безопасности, обучение, осознанность, развитие компетенции в области информационной безопасности.

Для цитирования: Швырев Б. А., Полякова Я. Н. Педагогический процесс формирования культуры информационной безопасности в ФСИН России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 2 (104). С. 174–181.

Original article

THE PEDAGOGICAL PROCESS OF FORMING AN INFORMATION SECURITY CULTURE IN THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

Boris A. Shvyrev¹, Yanina N. Polyakova²

¹ V. Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

¹ Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

² Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

¹ i@bor2275.ru, ² nii@fsin.su

Abstract. The concept of information security culture is quite multifaceted. The obvious aspects influencing the formation of the culture of information security are information technologies, and they are widely discussed in the literature along with psychological and cultural aspects. Information security by its nature has a number of problems: technical, related to the continuous development of hardware and software computing systems and a proportional increase in their vulnerabilities; legal, due to the unavoidable backlog of legal regulation and countering emerging threats; personnel receiving increasing awareness without conscious norms of

behavior and decision-making related to security. The culture of information security cannot be formed from scratch, for its formation it is necessary to train personnel in the field of information security, and for this it is advisable to have effective methodological support. The paper identifies three elements that make up and form the culture of information security: technologies, policies/rules and people/competence. The elements under consideration are discussed and their significance is highlighted. Special attention is paid to the concept of awareness of information security. The paper considers the stages of the cognitive process of teaching the culture of information security.

Keywords: information security culture, training, awareness, competence development in the field of information security.

For citation: Shvyrev B. A., Polyakova Y. N. The pedagogical process of forming an information security culture in the Federal penitentiary service of Russia // *Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024. No. 2 (104). P. 174–181. (In Russ.)

Введение

Понятие культуры ИБ достаточно многогранное. Известно много работ, посвященных формулированию определения культуры ИБ (Л. В. Астахова [1; 2], В. П. Поляков [3]). Культурологический подход к формированию культуры информационной безопасности у студентов педагогического вуза рассматривается Н. Н. Кузиной [4]. В структуре культуры ИБ автор выделяет аксиологический, технологический и личностно-творческий компонент и проводит культурологическое исследование аксиологического подхода. Рефлексивный подход к освоению культуры безопасности у студентов рассматривается М. В. Погодаевой и Т. Ф. Ушевой [5]. Рефлексия очень важна для саморазвивающейся личности и развития самообучения ИБ. В работе Н. Н. Кузиной [6] заявительно приводятся другие три аспекта формирования культуры ИБ студентов педагогических вузов: технический, гуманитарно-рефлексивный и гуманитарно-педагогический. Однако их всесторонний анализ не приводится. Следующие работы (Ю. С. Ерина и И. Ю. Кокаева [7]) направлены на изучение формирования культуры ИБ у студентов педагогических учебных заведений. В них проводится анализ программ обучения студентов и выделяется важность технических компонентов обеспечения информационной безопасности на протяжении всего обучения. Вопросы формирования культуры ИБ общества рассматривает А. А. Малюк. Автор выделяет важность «использования возможностей всех звеньев системы непрерывного образования, целенаправленной деятельности государ-

ственных органов, больших усилий в сфере законодательства и нормативного регулирования» [8]. Духовные аспекты формирования культуры ИБ рассматриваются О. К. Валитовым [9]. Очевидным аспектом, влияющим на формирование культуры ИБ, являются информационные технологии, достаточно широко представленные в научной литературе (Н. С. Шумилова [10], М. Ф. Алиева [11], А. С. Селиверстов [12]). Рассмотренные публикации составляют лишь часть работ, посвященных анализу и исследованиям понятия, аспектам, образующим понятие культуры ИБ. В приведенных работах анализируются либо отдельные компоненты культуры ИБ, либо компоненты узкой целевой аудитории, например, будущие учителя, курсанты и т. д.

Методы

При рассмотрении понимания информационной безопасности учитывается идентификация применимых угроз и средств контроля, необходимых для предотвращения их возникновения. Средства (метод) – это способ, которым совершается несанкционированная деятельность нарушителя в отношении информационных ресурсов. Анализ способов и средств совершения несанкционированного доступа позволит повысить эффективность информационной безопасности и уменьшить связанные потери.

Основные способы несанкционированного доступа к информационным активам: подслушивание пакетов; атака по словарю паролей; кража ID/пароля при помощи социальной инженерии; несанкционированный доступ к информации системы управления

безопасностью деятельности (далее – СУБД) путем использования ошибок в настройках; несанкционированный доступ к информации СУБД путем использования уязвимости СУБД; несанкционированный доступ к информации СУБД путем изменения файлов базы данных; незаконный доступ к ID / паролю с помощью информации управления БД; создание бэкдоров; несанкционированный доступ к информации СУБД путем создания несанкционированного администратора СУБД или учетной записи оператора; несанкционированное удаление информации по несанкционированному маршруту; несанкционированный доступ к информации СУБД путем изменения информации управления; выполнение SQL с целью нарушения работы сервиса; несанкционированное удаление информации по авторизованному маршруту.

Несанкционированное действие является незаконной деятельностью и реализует способы незаконного доступа к информационным ресурсам.

Результаты

Рассмотрим элементы, которые составляют и формируют культуру информационной безопасности: технологии, политики/правила и люди/компетентность.

Социальное поведение, идеи и обычаи в значительной степени основаны на правилах. Некоторые из них отражены в законах, нормах и стандартах. Другие правила, большинство из которых на самом деле являются неписаными и существуют в форме этических норм, моральных кодексов и общих представлений о том, что является приемлемым поведением в различных группах. Для обобщения представления будем считать «политикой» все правила, законы, нормы, моральные кодексы и т. д. Тогда политика организации в этом контексте – это нечто большее, чем просто письменная политика организации. В этом контексте «политики» включают в себя писанные и неписанные правила, которые регулируют творческие идеи, обычаи и социальное поведение.

Технологии также являются широкой областью, не ограниченной информационными технологиями в рамках рассматриваемой темы. Технологии в широком смысле – это применение научного знания для решения практических задач [13]. Она восходит к истокам человеческой жизни. Технология – это не только материальные вещи, такие как компьютеры, машины, молотки и т. д., но и модели: мысленные модели (шаблоны и схемы в нашем понимании), а также шаблоны, стандарты и модели, используемые в качестве шаблонов и отправных точек. Формирующий смысл понятия технологии определяется как: «средства или деятельность, с помощью которых человек изменяет свою среду обитания и манипулирует ею»¹. Информационные технологии, как ни какие другие, в настоящее время активно подтверждают эту фразу.

Третий элемент культуры информационной безопасности – это люди, персонал, сотрудники. Они имеют знания, компетенции, используют технологию и формируют политику, наполняют ее информацией. Инструменты и технологии, которые используют люди, определяются прежде всего той социальной средой, в которой они выросли и развивались. Стоит отметить, что социальное поведение, демонстрируемое ими, основано на знаниях.

Исходя из изложенного, культуру ИБ можно рассматривать как компетенцию сотрудников, их знания и понимание того, как правильно и безопасно функционировать в социальной группе, в информационном пространстве. Эти компетенции включают в себя безопасное использование информационных технологий и основных правил поведения в обществе.

Совокупность понятий «люди», «политика», «технологии» и взаимные связи между ними формируют представление о мире и определяют концепцию построения и поддержания культуры ИБ. Каждый из этих элементов непосредственно влияет на два

¹ Technology // Encyclopædia Britannica. Encyclopædia Britannica Online. Encyclopædia Britannica Inc., 2016.

других. Независимо от того, где происходят изменения, меняются и два других элемента.

Применительно к информационной безопасности очевидно, что «политика» стимулирует инновации. Требования к обеспечению конфиденциальности и ограничение доступа к информации инициируют создание новых технологий: инструменты оценки надежности информационных систем, инструменты сокрытия активности в системе и гарантия анонимности, – обеспечить неприкосновенность информации, обрабатываемой пользователями в системе.

Неизбежное развитие технологий и политики сказывается и на людях. Перемены в политике приводят к изменению взглядов и подходов к технологии обеспечения информационной безопасности, что в последующем гарантированно приводит к трансформации существующих технологий.

Поскольку культура ИБ определяется ансамблем идей, обычаев и социального поведения определенного народа или группы людей, очевидно, что окружение является важным фактором, который необходимо учитывать при обучении слушателей по направлению ИБ и формировании у них культуры ИБ. Изменения только одной части треугольника понятий приведет к изменению культуры ИБ и затронет другие две части треугольника. Сформированная при этом плоскость восприятия культуры ИБ будет уникальная, определяемая конкретной вовлеченностью каждого элемента треугольника понятий. Эта плоскость будет одной из бесконечного множества возможных вариантов и несравнимо маловероятно являться оптимальной и эффективной. Все три элемента должны развиваться и быть осознанными людьми в организации. Осознание персоналом этих элементов и вклад их в обеспечение безопасности улучшает и понимание культуры ИБ.

Понимание новой политики и технологий базируется на обучении и понимании

людьми в организации происходящих изменений, их причин и цели. Треугольник понятий не может существовать без «осознания». Осознание безопасности обращено к той части треугольника, которая относится к людям и их компетенции.

Осведомленность о безопасности – это узкое понятие, мало освещенное в литературе, и не имеет общепринятого определения. Известны отдельные публикации на эту тему,¹ затрагивающие в своем большинстве технологические вопросы информационной безопасности. Не существует общепринятого определения «осознание безопасности», что, в свою очередь, означает отсутствие общего понимания того, что такое «осознание безопасности» на самом деле. Известны отдельные попытки трактовать данное понятие² в большинстве своем применительно к технологическому компоненту отраслевой принадлежности.

Палитра идей трактования понятия «осведомленность о безопасности» простирается от использования палок и тяжелых предметов для обеспечения определенного поведения через проведение скучных и не приносящих результатов тренингов, до полного бездействия и нахождения в покое. Результаты формирования осведомленности на проводимых тренингах и курсах в большинстве своем или не оценивались, или имели малоинформативную оценку «Прошли обучение», «Осведомленность получена (освоена)». Отсутствие оценок после прохождения обучения обусловлено надуманным мифом о трудно формализуемом измерении «осведомленности» и невозможностью измерить осведомленность.

Понятие «осознанность» имеет больше психологические трактовки. В Википедии приводится определение: «Осознанность – понятие в современной психологии; определяется как непрерывное отслеживание текущих переживаний, то есть состояние, в

¹ History of technology // Encyclopædia Britannica. Encyclopædia Britannica Online. Encyclopedia Britannica Inc., 2016.

² Осведомленность о безопасности: 6 мешающих факторов // SecurityLab.ru. URL: <https://www.securitylab.ru/blog/personal/bezmaly/345865.php> (дата обращения: 15.03.2024).

котором субъект фокусируется на переживании настоящего момента, не вовлекаясь в мысли о событиях прошлого или будущего»¹. В ресурсе «Словари и энциклопедии»² имеется следующее высказывание: «Осознанность – это состояние или способность воспринимать, чувствовать или осознавать события, объекты и чувственные установки». Для понимания педагогического контекста в рамках обсуждаемой темы развития культуры ИБ рассмотрим определение одного из словарей: «Осознанность – это знание чего-то; знание того, что что-то существует и является важным»³. Это определение показывает основу осознанности в «знании, восприятии ситуации или факта». Можно увидеть в этом определении два компонента: правильную компетентность и способность применять эту компетентность в конкретной ситуации.

Формирование компетентности происходит непрерывно как на занятиях, так и в повседневной жизни [14]. Все, что нас окружает и встречается нам в жизни, учит нас новым навыкам. Информация непрерывно поступает в мозг человека. Человеческий разум – это удивительная машина, когда речь заходит о сборе, анализе и использовании новой информации и навыков. Чем больше человек знает, тем легче нашему мозгу делать еще больше новых умозаключений. Однако, если обучение происходит по неправильным навыкам, недостоверной информации и ошибочным ментальным образцам, мозг также продолжает мыслительный процесс, но конструируемые им умозаключения неверные, неправильные.

Различие между осознанием безопасности и культурой безопасности заключается в том, что культура – это нечто большее, чем

просто осознание. Осознанность или компетентность жизненно важна для того, чтобы люди поступали правильно. Компетентность в вопросах ИБ – это всего лишь один из способов построения культуры ИБ, а не самоцель. Осознание безопасности само по себе только помогает людям узнать или осознавать проблему безопасности, в которой они находятся. Знание чего-либо – совсем не то же самое, что делать – это, соответственно, изменять свое поведение. Знание о проблеме – это только один из шагов к изменению поведения и начало формирования культуры ИБ.

Рассмотрим четырехэтапный когнитивный процесс обучения:

1. Внимание.
2. Удержание.
3. Воспроизведение.
4. Мотивация.

Каждый из этих шагов важен, и осознание часто в основном связано с первыми двумя.

Внимание заключается в том, что учащийся обращает внимание на процесс обучения. Учащийся должен присутствовать, обращать внимание и проявлять интерес ко всему, что происходит при обучении. На этот шаг влияют сам обучающийся, непосредственно образовательный процесс, а также его содержание. Усиление внимания обучающихся может быть обеспечено убеждением в важности полученных знаний и их большим влиянием не только на поведение и безопасность обучающихся, но и общества в целом. Также может быть создана среда, в которой желаемое целевое поведение уже смоделировано и наглядно продемонстрировано обучающимся.

Образовательные программы повышения квалификации по направлению ИБ,

¹ Осознанность // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D1%81%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 15.03.2024).

² Осознанность // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1844538> (дата обращения: 15.03.2024).

³ Awareness // Oxford learner's dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/awareness?q=awareness> (дата обращения: 15.03.2024).

ограничивающиеся этим уровнем, измеряют результат изменения поведения и формирования осознанности путем оценки посещаемости занятий и количеством людей, проходящих тот или иной курс.

Удержание – это способность учащегося сохранять информацию. Необходимо создать среду, помогающую обучающимся сохранить знания. Такая среда должна облегчать обучение, быть адаптирована к уровню знаний обучающегося и многократно повторяться по мере необходимости. Одним из возможных вариантов является игровая форма занятий, на которой учащиеся находятся в среде с целевым поведением и закрепляют полученные знания повторением.

Программы по развитию культуры ИБ должны быть по своему содержанию адаптированы к уровню знаний аудитории и их потребности в обучении. Фактическое содержание обучения корректируется после анализа аудитории. Все люди разные, и им могут понадобиться разные подходы, чтобы лучше обучаться.

Программы повышения осведомленности, реализующие этот этап, измеряют результат изменения поведения и формирования осознанности путем измерения посещаемости и повторения одной и той же учебной программы через определенные промежутки времени, например, как ежегодная программа обучения антифишингу.

Воспроизведение – это демонстрация того, что безопасное поведение освоено. На этой стадии обучающийся воспроизводит усвоенное поведение и показывает, что он не только знает, как и что делать, но и поступает, руководствуясь полученными знаниями.

Программы повышения осведомленности, останавливающиеся на этом уровне для оценки результатов изменения поведения, используют тесты навыков, опросники и другие инструменты оценки качества во время и сразу после учебной программы, демонстрируя определенный уровень воспроизводства. Примером может служить учебная программа по антифишингу, в которой

измеряется, сколько учеников нажимают на ссылку в электронном письме во время обучения и после него.

Мотивация – это последний этап, состоящий в том, чтобы мотивировать ученика последовательно воспроизводить поведение вне учебной ситуации. Учащийся принимает во внимание как формальную, так и неформальную информацию, чтобы решить, следует ли воспроизводить то или иное поведение или нет.

Заключение

Как технология, так и политика играют важную роль в мотивации обучающегося. Если, например, исправительное учреждение или любая другая организация требует, чтобы сотрудники обнаруживали и сообщали о фишинговых письмах и заполняли при этом многостраничный отчетный документ для службы реагирования на угрозы ИБ, то очевидна низкая мотивация у сотрудников. Еще один пример. Допустим, сотрудники очень хорошо осознают проблему ИБ и знают, как с ней справиться, однако технология, позволяющая сделать это, является для организации слишком большим финансовым бременем при ее использовании.

Оценка результатов после обучения на программах, учитывающих этот уровень, строится на измерениях на всех четырех этапах. Анализируется посещаемость учебных курсов, но полученное число будет использоваться только как показатель того, что есть активность. Тесты позволяют измерить фактическую компетентность или способность к воспроизведению.

Для измерения изменения поведения обучающихся используются журналы событий вычислительных систем и анализ данных, инцидентов безопасности и т. д.

Организации дополнительного образования сотрудников ФСИН России, реализующие программы осведомленности на этом уровне, используют структурный подход, который помогает им сосредоточиться на повышении культуры ИБ. В ходе реализации всех четырех этапов обучения осведомленности обеспечивается формирование поведения каждого обучающегося на осно-

ве полученных знаний, что, в свою очередь, приводит к установлению, изменению культуры ИБ в организации. Изменение культу-

ры – это задача, выполняемая целым рядом людей, и задача педагога – быть частью этой команды.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Астахова Л. В. Понятие культуры информационной безопасности // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. 2014. № 2. С. 1–8.
2. Астахова Л. В. От культуры – к культурному капиталу информационной безопасности организации // Вестник культуры и искусств. 2018. № 3 (55). С. 85–101.
3. Поляков В. П. Развитие культуры информационной безопасности в вузе // Акмеология. 2006. № 4 (20). С. 80–82.
4. Кузина Н. Н. Культурологический подход и его методологическое значение в формировании культуры информационной безопасности у студентов педагогического вуза // Kant. 2017. № 2 (23). С. 38–42.
5. Погодаева М. В., Ушева Т. Ф. Формирование культуры безопасной жизнедеятельности студентов на основе рефлексивного подхода // Казанский педагогический журнал. Издательство: Институт педагогики, психологии и социальных проблем (Казань). 2014. № 4 (105). С. 91–100.
6. Кузина Н. Н. Культура информационной безопасности личности учителя и процесс ее формирования у студентов педагогического вуза // Kant. 2018. № 2 (27). С. 88–91.
7. Ерина Ю. С., Кокаева И. Ю. Формирование культуры информационной безопасности у студентов будущих учителей в процессе профессиональной подготовки // Вестник Кем ГУКИ. 2017. 41. С. 168–176.
8. Ерина Ю. С., Саханский Ю. В. Формирование информационной безопасности будущих педагогов в процессе профессиональной подготовки // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. Издательство. 2017. № 2. С. 84–87.
9. Малюк А. А. Формирование культуры информационной безопасности общества // Педагогика. М.: Изд-во: ООО «Педагогика», 2009. № 3. С. 33–39.
10. Валитов О. К. Правовая культура и информационная безопасность // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1-1. С. 580–585.
11. Шумилова Н. С. Влияние компьютерных технологий на формирование культуры информационной безопасности // Специфика педагогического образования в регионах России. 2012. № 1. С. 189–190.
12. Алиева М. Ф. Информационная безопасность как элемент информационной культуры // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 4 (108). С. 97–102.
13. Селиверстов А. С. К вопросу об актуальности формирования культуры информационной безопасности у курсантов военных вузов // Вестник современных исследований. 2018. № 6.3 (21). С. 190–192.
14. Nate Kornell. A Stability Bias in Human Memory. Encyclopedia of the Sciences of Learning, 2012. P. 4–7.

REFERENCES

1. Astakhova L. V. The concept of information security culture // Scientific and technical information. Series 1: Organization and methodology of information work. 2014. No. 2. P. 1–8. (In Russ.)
2. Astakhova L. V. From culture to cultural capital of information security of an organization // Bulletin of culture and arts. 2018. No. 3 (55). P. 85–101. (In Russ.)
3. Polyakov V. P. Development of a culture of information security at a university // Acmeology. 2006. No. 4 (20). P. 80–82. (In Russ.)
4. Kuzina N. N. Culturological approach and its methodological significance in the formation of a culture of information security among students of a pedagogical university // Kant. 2017. No. 2 (23). P. 38–42. (In Russ.)

5. Pogodaeva M. V., Usheva T. F. Formation of a culture of safe life of students based on a reflexive approach // Kazan Pedagogical Journal. Publisher: Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems (Kazan). 2014. No. 4 (105). P. 91–100. (In Russ.)
6. Kuzina N. N. Culture of information security of the teacher's personality and the process of its formation among students of a pedagogical university // Kant. 2018. No. 2 (27). P. 88–91. (In Russ.)
7. Erina Yu. S., Kokaeva I. Yu. Formation of a culture of information security among students - future teachers in the process of professional training // Vestnik Kem GUKI. 2017. 41. P. 168–176. (In Russ.)
8. Erina Yu. S., Sakhansky Yu. V. Formation of information security of future teachers in the process of professional training // Bulletin of the North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov. Publishing house. 2017. No. 2. P. 84–87. (In Russ.)
9. Malyuk A. A. Formation of a culture of information security of society // Pedagogy. M.: Publishing house: Pedagogika LLC, 2009. No. 3. P. 33–39. (In Russ.)
10. Valitov O.K. Legal culture and information security // Bulletin of the Bashkir University. 2012. Vol. 17. No. 1-1. P. 580–585. (In Russ.)
11. Shumilova N. S. The influence of computer technologies on the formation of a culture of information security // Specifics of pedagogical education in the regions of Russia. 2012. No. 1. P. 189–190. (In Russ.)
12. Alieva M. F. Information security as an element of information culture // Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies. 2012. No. 4 (108). P. 97–102. (In Russ.)
13. Seliverstov A. S. On the issue of the relevance of developing a culture of information security among cadets of military universities // Bulletin of modern research. 2018. No. 6.3 (21). P. 190–192. (In Russ.)
14. Nate Kornell. A Stability Bias in Human Memory. Encyclopedia of the Sciences of Learning, 2012. P. 4–7. (In Russ.)

Информация об авторах:

Б. А. Швырев, кандидат физико-математических наук, доцент;
Я. Н. Полякова, кандидат психологических наук.

Information about the authors:

B. A. Shvyrev, Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor;
Ya. N. Polyakova, Candidate of Psychology.

Статья поступила в редакцию 01.04.2024; одобрена после рецензирования 04.04.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 01.04.2024; approved after reviewing 04.04.2024; accepted for publication 21.06.2024.

ПАМЯТКА АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»

К опубликованию принимаются рукописи научных статей, соответствующие тематике журнала, по своему содержанию отражающие результаты фундаментальных и прикладных научных исследований, посвященных актуальным проблемам развития юридических, педагогических и филологических наук, которые ранее не направлялись в другие издания и не публиковались по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки).
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки).
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (романо-германские языки) (филологические науки).

Статья оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Требования к оформлению печатного текста

Тип статьи указывается отдельной строкой слева в ее начале.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) располагается следом на отдельной строке слева.

Название статьи приводится на русском и английском языках.

Сведения об авторе приводятся на русском и английском языках (имя, отчество, фамилия, наименование и адрес организации (учреждения), подразделения, где работает или учится автор (указать полностью, в том числе город и страну), адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), открытый идентификатор исследователя и участника «ORCID» (при наличии), контактные телефоны). Если авторов более одного, один из них указывается как ответственный за переписку. Дополнительные сведения (ученая степень, ученое звание, должность) под заголовком «Информация об авторе» приводятся в конце статьи.

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний) приводятся на русском и английском языках.

Ссылка для цитирования на русском и английском языках включает фамилию, инициалы автора, название статьи, название журнала, планируемый год и номер выпуска.

Структура статьи должна состоять из разделов, которые обозначаются в тексте статьи соответствующими словами:

- Введение;
- Методы;
- Результаты;
- Обсуждение (при наличии);
- Заключение.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, содержащий не менее 15 научных источников и оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается в конце текста. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. Нумерация источников приводится в порядке их цитирования. Дополнительно приводится перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице (“References”). На все источники в библиографическом списке должны быть ссылки в тексте статьи. Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

Не допускается включение в библиографический список анонимных источников и нормативных документов (постановлений, законов, инструкций и т. д.) в связи с тем, что они не могут быть проиндексированы в базах данных цитирования. Не допускается использование в библиографическом списке труднодоступных, неопубликованных, малотиражных, а также локальных, популярных и образовательных источников: газет, неопубликованных отчетов, учебных пособий и учебников, справочников и словарей. Ссылки на вышеуказанные источники оформляются как постраничные сноски с соблюдением соответствующих правил оформления.

Материал статьи представляется в электронном варианте в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь поля по 2,5 см каждое. Допускается деление основного текста статьи на тематические рубрики и подрубрики. Графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы предоставляются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi. Надписи и подписи к иллюстративному материалу приводятся на языке текста статьи и повторяются на английском языке. Объем текста должен быть не менее 7 страниц.

Оригинальность текста должна составлять не менее 60 %.

На последнем листе автор (авторы) указывает: «Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником; не содержит сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования; ранее не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях», подписывает, расшифровывает подпись, ставит дату. Соискатели ученой степени кандидата наук также указывают: «Текст согласован с научным руководителем». Далее – дата, фамилия и инициалы, должность, ученая степень, ученое звание, подпись научного руководителя.

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, нормативных правовых актов несет автор. Автор перед отправкой рукописи в редакцию журнала должен проверить общую орфографию, а также правильность написания соответствующих юридических терминов.

В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению рукописи статьи редакция журнала оставляет за собой право не рассматривать ее.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя, заверенный печатью организации.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

Рецензирование статей является закрытым (односторонним / двусторонним слепым).

Датой поступления статьи в редакцию считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее поступления считается день получения окончательного варианта текста статьи.

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка на опубликование научной статьи.

Предоставление материала в редакцию

Материалы предоставляются в редакцию через официальный сайт журнала «Вестник Уфимского юридического института МВД России». Для подачи материала автору необходимо пройти регистрацию.

После регистрации в личном кабинете нажать на кнопку «Отправить рукопись». Выбрать «Создать» → «Журнальная статья».

Ввести название статьи. Откроется окно создания статьи. Заполнить информацию в разделах «Метаданные» и «Авторы». Загрузить в разделе «Файлы» (нажать на кнопку «Загрузить»):

- статью в формате .docx;
- статью с подписями авторов на последнем листе в формате .pdf ;
- иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и др.) в формате .jpg (при наличии);

- отзыв научного руководителя в формате .pdf (при наличии);
- заявку на опубликование научной статьи в формате .pdf.

Разделы «Текст», «Список литературы» и «Тематики» заполнять не нужно.

Нажать на кнопку «Отправить рукопись». Выбрать «Заявка на публикацию». В списке изданий выбрать «Вестник Уфимского юридического института МВД России», в списке рубрик выбрать актуальную рубрику из предложенного списка и нажать «Отправить заявку».

При поступлении статьи в редакцию она проходит первичную проверку на соответствие формальным требованиям.

При необходимости доработки статьи все изменения вносятся в текстовый документ. Первоначальный вариант статьи удаляется, а исправленный – загружается в раздел «Файлы» на странице заявки.

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

Заявка на опубликование научной статьи в научно-практическом журнале «Вестник Уфимского юридического института МВД России»
Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____ _____ (название статьи)
в рубрике _____
Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте Уфимского юридического института МВД России в сети Интернет и электронных научных библиотек.
Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке рукописи статьи к публикации не использовались сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, а также информация, предназначенная для служебного пользования.
Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со статьей 6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных».
Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией. О себе сообщаю следующую информацию:
ФИО (полностью): _____
Должность: _____
Место работы: _____
Ученая степень: _____
Ученое звание: _____
Адрес: _____
Телефон для связи: _____
E-mail: _____
Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается.
Дата, подпись, расшифровка подписи.

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

ISSN 1729-9187

02 >

9 771729 918228

